

**THE REVIEW
OF THE LIBERAL ARTS
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

2 (2) 2013
october

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Frequency: 4 times a year

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. E. Zborovskiy
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences, Prof. A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. H. Semyakin
Candidate of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office

M. M. Volkova

**ВЕСТНИК
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 (2) 2013
октябрь

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет
(Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова

(заместитель главного редактора)

канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов

канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева

д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова

д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт

д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова

канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова

д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский

д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова

канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков

д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько

д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек

д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек

д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина

канд. социол. наук С. А. Рамзина

канд. пед. наук Л. В. Росновская

д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко

д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин

канд. экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова

д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев

проф. Ив Аман (Франция)

канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин

канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)

канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец

Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)

д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко

д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)

д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом

М. М. Волкова

ББК 60
В 38

В 38

Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 2 (2) / Редкол. :
Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т,
2013. – 192 с.

ISSN 2308-8117

ББК 60

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2013
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2013

Содержание

Раздел 1

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).....	9
<i>Оплетина И. А.</i>	
Обыденные представления о справедливости у представителей разных поколений.....	10
<i>Караваева Л. П.</i>	
Профессиональная культура как социально-психологическая составляющая в системе мотивации субъекта профессиональной деятельности.....	17
<i>Шматов Г. А.</i>	
Медиапланирование как технология минимизации рисков неэффективного размещения рекламы в СМИ.....	25

Раздел 2

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).....	35
<i>Мецгер А. А.</i>	
Зарубежный опыт формирования модели корпоративного управления в инвестиционных фондах.....	36
<i>Хмелькова Н. В.</i>	
К вопросу о выборе партнера в ко-брендинговом стратегическом маркетинговом альянсе.....	46

Раздел 3

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).....	55
<i>Глушкова С. И.</i>	
Развитие идеи прав человека в XX – начале XXI в.: от политического лозунга к «убежищу для человека».....	56
<i>Денисов С. А.</i>	
Конституционны ли решения Конституционного Суда РФ?.....	64
<i>Любимова О. В.</i>	
Письмо Красса о вызове Помпея и М. Лукулла против Спартака: время и обстоятельства написания.....	73
<i>Андреева Е. В.</i>	
Хозяйственная деятельность монастырей Восточного Урала и ее социальное значение.....	85
<i>Суворов Д. В.</i>	
Эпоха становления и кристаллизации тоталитаризма в СССР и проблемы модернизации.....	95

Раздел 4

Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, художественная и физическая культура, журналистика, моделирование одежды, сервис и туризм).....	107
<i>Котелевский Д. В.</i>	
Национально-культурная идентичность России в знаковом пространстве.....	108
<i>Гзззян Д. М.</i>	
Автономность субъекта и другой: трудный путь к взаимности.....	117
<i>Лагутина А. В., Мясникова Л. А.</i>	
Концепты игры и габитуса в теоретическом осмыслении специфики молодежных субкультур.....	124
<i>Филатова Е. А.</i>	
Коды праздничного ритуала.....	132
<i>Шайгарданова Н. Л.</i>	
Специфика и смыслы парка культуры и отдыха.....	140
<i>Белоусова Е. В.</i>	
Образ врача-философа и модели врачебной этики как культурные формы.....	145
<i>Букурова А. В.</i>	
Астрология в свете современных тенденций развития науки.....	150
<i>Горина Е. В.</i>	
Воздействующий потенциал теории зачат в интернет-СМИ.....	155
<i>Росновская Л. В.</i>	
Проектирование программ учебных дисциплин при реализации компетентностно-ориентированной профессиональной подготовки конструктора-дизайнера одежды.....	161
<i>Степанченко Л. В.</i>	
Структура модельной системы технологической подготовки изготовления обрядовой одежды.....	166
<i>Белых С. И., Олейник О. С.</i>	
Методы формирования и регулирования эмоционального состояния юных кикбоксерок.....	170
Научные события.....	177
О редколлегии.....	183
Требования к оформлению и порядку предоставления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	185

Contents

Section 1

Social, psychological and personal foundations of social relations, communication and social management (Psychology, Advertising and PR, HR Management)	9
<i>Opletina I. A.</i>	
Mundane notions of justice maintained by different age groups representatives.....	10
<i>Karavaeva L. P.</i>	
Social and psychological aspects of a professional`s success.....	17
<i>Shmatov G. A.</i>	
Media planning as risk reducing technology for inefficient mass media advertisements.....	25

Section 2

The optimization of Russia`s Economy Management: finance, economic, mathematical and computer models (Economics, Information Technologies)	35
<i>Metzger A. A.</i>	
Foreign experience in forming a corporate governance model in investment funds.....	36
<i>Khmelkova N. V.</i>	
On the selection of co-branded strategic marketing alliance partner.....	46

Section 3

Legal and political culture in social, state, military history of Russia and the world (Jurisprudence, Political Studies, Area Studies, History)	55
<i>Glushkova S. I.</i>	
The development of human rights idea in the twentieth and at the beginning of the twenty-first century: from political slogans to «shelter for person».....	56
<i>Denisov S. A.</i>	
Are the judgments of the Constitutional Court of Russia constitutional?.....	64
<i>Lyubimova O. V.</i>	
Crassus` request for summoning of Pompey and M. Lucullus against Spartacus: the date and the circumstances.....	73
<i>Andreeva E. V.</i>	
Economic activities of Eastern Ural monasteries and convents and its importance.....	85
<i>Suvorov D. V.</i>	
The USSR totalitarian establishment epoch and modernization challenges.....	95

Section 4

The world of Culture: subjects, institutions, practices (Philosophy, Culturology, Arts, Physical Culture, Journalism, Fashion Design, Service and Tourism)	107
<i>Kotelevskiy D. V.</i>	
National and cultural identity of Russia in symbolic space.....	108
<i>Gzgyan D. M.</i>	
The autonomy of a subject and the Other: a plod towards mutuality.....	117
<i>Lagutina A. V., Myasnikova L. A.</i>	
Game and habitus concepts through youth subcultures peculiarities theory.....	124

<i>Filatova E. A.</i>	
Festive ritual codes.....	132
<i>Shaigardanova N. L.</i>	
Peculiarities and meaning of park of culture and rest.....	140
<i>Belousova E. V.</i>	
The image of the doctor-philosopher and the models of medical ethics as cultural forms.....	145
<i>Bukurova A. V.</i>	
Astrology in light of modern trends in science development.....	150
<i>Gorina E. V.</i>	
Influence potential of the discursive protections theory in the internet media.....	155
<i>Rosnovskaya L. V.</i>	
Training programmes planning for competence-focused education of fashion designers.....	161
<i>Stepanchenko L. V.</i>	
Conceptual model of technological preparation system for ritual clothes fabrication.....	166
<i>Byelykh S. I., Oliinyk O. S.</i>	
Young kickboxers' emotional states: methods of formation and regulation.....	170
Scientific Events.....	177
About Editorial Board.....	183
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors.....	185

Раздел 1

**Социально-психологические
и личностные основания
общественных отношений,
коммуникаций
и социального управления**

УДК 159.922.6

Оплетина Инна Александровна

замдекана по методическому обеспечению
факультета социальной психологии
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: 172404@e1.ru

Opletina Inna Aleksandrovna

Deputy Dean on Methodological Support,
Faculty of Social Psychology, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О СПРАВЕДЛИВОСТИ
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ
ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП**

**MUNDANE NOTIONS OF JUSTICE
MAINTAINED BY DIFFERENT AGE
GROUPS REPRESENTATIVES**

Аннотация

В статье рассматривается справедливость как важный нравственно-психологический феномен. Проведенное исследование обыденных представлений о справедливости среди представителей разных возрастных групп показало социально-психологические различия и сходства между респондентами, а также основания в различиях представлений о справедливости среди различных возрастных групп.

Ключевые слова: справедливость; социальные группы; конфликт; обыденное сознание; возрастные группы; межвозрастные взаимоотношения.

Abstract

The article considers justice as an important moral-psychological phenomenon. The survey carried out to identify everyday notions of justice typical of representatives of different ages demonstrated socio-psychological distinctions and similarities among respondents. It also made it possible to indicate factors explaining differences in views on justice shared by different age groups.

Key words: justice; social groups; conflict; mundane consciousness; age groups; inter-age relationships.

Понятие справедливости тесно связано с ощущением асимметрии между категориями «Я» и «Они» (другие). Неслучайно отмечается, что, несмотря на многомерность в обыденном сознании, справедливость понимается как важная категория морали. Актуальность исследования представлений о справедливости как о нравственно-психологическом феномене в социальной психологии вызвана тем, что «в современном обществе происходит изменение социально-психологических параметров» [5. С. 28], что сопровождается неизбежным пересмотром системы оценки ценностей. Существующая разница в специфике восприятия представителей разных больших и малых социальных групп дает нам основание рассмотреть справедливость как социально-психологический феномен внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Первое представление о сущности, формах и роли справедливости в обществе возникло в философии. На протяжении многих веков философы рассматривали справедливость как основной принцип, лежащий в основе идеального общественного устройства, обеспечивающий кооперацию между людьми и, как следствие, выживание человечества. В истории общественной мысли наиболее распространены два класса справедливости: уравнительная и распределительная справедливость. Уравнительная справедливость означает равное наказание или вознагражде-

дение за одинаковые, схожие дела, по принципу «Поступай с другими так, как поступают с тобой и твоими ближними». Уравнительная справедливость требует эквивалентного распределения равноценных объектов между равноценными субъектами. Распределительная справедливость обычно постигается позже, чем уравнительная; причем позже и для общества (исторически), и для индивида (в более старшем возрасте). Распределительная справедливость не противостоит уравнительной и не более совершенна, она принципиально иная. Обе они основаны на принципе равенства воздаяния, но уравнительная сглаживает социальные различия. С точки зрения социальной психологии социальная идентичность и позитивная оценка собственной социальной группы возможна лишь как результат ее сравнения с другими группами, а для такого сравнения нужны отличительные черты и критерии сравнения. Сравнение собственной группы по Теджфеллу (1979) определяется через социальное сравнение ценностно значимых качеств и характеристик, в том числе и через справедливое распределение вознаграждений. Вопрос справедливости – вечный вопрос, и это лишний раз напоминает о необходимости дальнейшего его исследования и изучения в контексте российского общества, поскольку исследовательский интерес к теме справедливости требует выделения этического, экономического, психологического ракурсов изучения справедливости, которые демонстрируют современные презентации социальной справедливости в свете имеющихся социальных проблем.

Идея справедливости приобретает особую популярность в 60-х годах XX в., когда одним из основных вопросов социальной психологии стал вопрос об универсальности понимания справедливого и несправедливого. В рамках социальной психологии как науки справедливость – это важнейшая нравственная ценность, делающая возможными цивилизованные социально-психологические, экономические и политические отношения между людьми. Такое понимание справедливости предполагает самостоятельность и активность людей. Отныне человек рассматривается как существо, способное поставить цель и выбрать путь для ее достижения. В начале 1960-х годов специалисты, проявляющие интерес к справедливости, ставили вопрос о ее обыденном понимании: что люди считают справедливым? как реагируют на ее нарушение? на что готовы ради ее восстановления? В поисках ответов на эти вопросы зародился социально-психологический подход к изучению справедливости.

Начало исследований справедливости в социальной психологии относятся к 1960–1970-м гг., что было вызвано появлением теории равноценного обмена Дж. Хоманса, представляющей социальное поведение через взаимодействие людей, которое не может быть ничем иным как процессом обмена, подобным экономическому. Ядро концепции равноценной (эквивалентной) справедливости составили социологические работы Дж. Роулза, У. Франкены и психологические труды Ж. Пиаже (роль ожиданий в оценке справедливости). С точки зрения теории социальной идентичности (Г. Тэдшфелл, Дж. Тернер) основным процессом, «запускающим» актуализацию и развитие социальной идентичности, является процесс социального сравнения (межличностного и межгруппового), за которым нередко стоит конфликт, который решается путем сравнения ингруппы с аутгруппами. В процессе сравнения задействованы лишь ценностно значимые качества и характеристики, а основным регулятором общественных отношений являются нормы справедливости, сформированные обществом. В основе коммунитарного подхода (Карнаш 2006, Прокофьев 2011) лежит идея о роли, которую играет справедливость в сохранении общества. Ее сторонники считают, что личность имеет социальную основу и стремится не к индивидуальному, а к общему благу, т. е. к стабильности, сохранению социальных связей и безопасности, которые более важны, чем личная автономия.

В рамках социально-психологического подхода возникает целый ряд теорий, описывающих структуру, функции, причины и условия соблюдения справедливости, – это теории дистрибутивной, меновой и процедурной справедливости. Дистрибутивная справедливость рассматривается как справедливость результата, первоначальное системное представление о дистрибутивной справедливости содержится еще в работах Аристотеля. Требования, предъявляемые к исходу взаимодействия, он именовал содержательной справедливостью. На основе положения участников относительно друг друга он выделил три главных подхода к оценке результата: дистрибутивный, меновой и воздающий. Справедливость результата подразумевает, что один человек воздает другому добром за добро или злом за зло. В процессе взаимодействия участник сам регулирует действия, которыми или вознаграждает, или наносит ущерб тем людям, которые, по его мнению, совершили или собираются совершить поступок, затрагивающий его интересы. Воздающая справедливость играет важную роль при определении размера вознаграждения за проделанную работу, если ее выполняло несколько человек. Это распределение производит «третья сторона», незаинтересованное лицо, которое не принимает непосредственного участия во взаимодействии. Оно может быть пропорциональным (воздаяние соответствует заранее определенному критерию по достоинству, потребностям или заслугам) или равным (одинаковое воздаяние для всех участников). Таким образом воздающая справедливость регулирует отношения двух или большего числа людей, вместе выполняющих общую деятельность, когда их по справедливости судит человек со стороны, независимый эксперт. Меновая справедливость регулирует процесс обмена благами между людьми или группами. Она возможна в том случае, когда разные участники взаимодействия вступают в добровольные отношения, основанные на взаимной выгоде. В отличие от дистрибутивной, меновая справедливость осуществляется без помощи посредника. В условиях равного обмена каждый человек получает «товар», ценность которого соответствует отданному. При пропорциональном обмене ценность полученного вознаграждения определяется иными факторами, например социальным положением человека. Таким образом, меновая справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, заключившими договор, т. е. связанными взаимными обязательствами. Под процедурной справедливостью понимается справедливость той процедуры, которая используется при вынесении этого решения (нормы контроля за процессом и результатом, однообразия, нейтрализации предубеждений, точности и полноты информации, возможности апелляции, этичности).

В 70-х годах в социальной психологии произошли серьезные перемены и психологи стали придавать все большее значение социальной группе. Область социального познания обогатилась концепцией социальных представлений С. Московичи. Идея включенности человека в разные группы реализовалась в теориях справедливости. Трактовка такого понятия, как справедливость, безусловно будет различаться у представителей разных социальных и возрастных групп. Возникновение конфликта представителей разных возрастных групп на социально-психологическом уровне связано со спецификой экономической и социальной политики, в разной степени затрагивающей интересы людей разных возрастов, благоприятной для одних и имеющей негативные последствия для других, а также в психологических особенностях восприятия. Основу же самого конфликта составляют субъективные предпосылки неравенства в их конкретном проявлении. Такими предпосылками выступают адаптационные механизмы в политической и социальной сферах общественной жизни, в механизме распределения материальных благ между различными возрастными группами населения. Неравенство между людьми разных возрастов – и экономическое, и социально-экономическое, – прослежи-

вается как на уровне общества в целом, так и на уровне семей. «Проблема безопасности личности напрямую связана с «технологиями» современной жизни, их позитивным или негативным влиянием на человека» [6. С. 60].

Среди исследований проблем межвозрастных взаимоотношений отчетливо прослеживаются три принципиально важные компоненты, характеризующие достижение справедливости между возрастными группами. Это:

1. Размеры социальных выплат, направленных молодым и пожилым людям.
2. Достижение справедливости в отношении следующих возрастных групп – соблюдение прав современных молодых людей на получение пенсии в размере, эквивалентном размерам пенсий, существующим в той или иной стране на данный момент.
3. Право на справедливое возмещение затрат, произведенных на благо общества (государства, семьи) в течение всего периода его жизни.

Таким образом, у представителей разных возрастных групп, возможно, имеется разное понимание справедливости, которое отражено в их социальных представлениях об этом феномене. Изучение представлений о справедливости у представителей разных групп позволяет нам учесть их специфику и предпринять меры по сглаживанию имеющихся противоречий между группами, тем самым стабилизируя положение общества.

Гипотеза. На представления о справедливости у представителей малого города влияет возраст людей, т. е. принадлежность к той или иной возрастной группе.

Целью нашего исследования являлось изучение представлений о справедливости у жителей малого города Свердловской области (г. Верхняя Пышма). Для анализа эмпирических данных, в структуре современного российского общества нами были выделены две возрастные группы, которые мы обозначили следующим образом:

- 1-я группа: возраст 18–30 лет;
- 2-я группа: возраст 31–45 лет.

Всего приняло участие 70 человек. Для пилотажного исследования нами был проведен опрос. Респондентам был задан вопрос: «Какое общество Вы считаете справедливым: то общество, в котором все люди живут примерно одинаково, или общество, в котором люди живут по-разному?»

Исследование понимания справедливости представителями разных возрастных групп показало, что в каждой группе присутствуют оба мнения, однако их процентное соотношение различно (рис. 1).

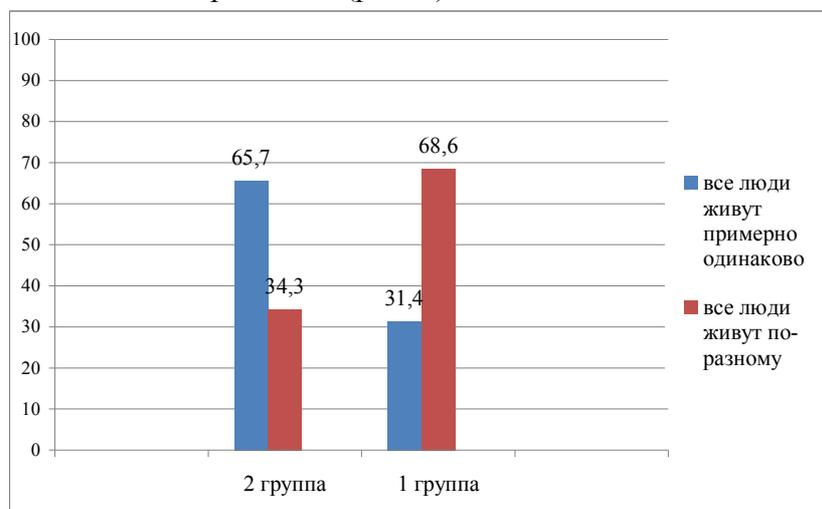

Рис. 1. Сравнение значений двойственного понимания справедливости представителями двух поколений, %

По данным, представленным на рис. 1, видим, что 65,7 % (23 чел.) респондентов 2-й группы назвали справедливым то общество, в котором «все люди живут примерно одинаково». Только 34,3 % (12 чел.) представителей этого поколения справедливым считают общество, в котором «люди живут по-разному». Из этого можно сделать вывод, что представители 2-й группы придерживаются эгалитаристской концепции справедливости, в которой выражена идея равной ценности всех людей, вне зависимости от их фактических различий друг от друга. Критерием для справедливого распределения благ и наказаний в обществе является приблизительное равенство человеческих потребностей. Правомерным воплощением такого равенства считаются: 1) равная индивидуальная собственность, преимущественно трудовая, 2) равный потребительский доступ к коллективной (общенародной) собственности. Представления о двойственности справедливости представителей 1-й группы распределилось так: 68,6 % (24 чел.) считают справедливым то общество, в котором люди живут по-разному, и только 31,4 % (11 чел.) считают справедливым то общество, в котором все люди живут примерно одинаково. Из этого можно сделать вывод, что представители 1-й группы придерживаются элитарной концепции справедливости, согласно которой распределение благ и наказаний в обществе должно вестись сообразно талантам (способностям) людей. Любые неравенства справедливы, если в их основе лежат духовные различия (это может быть сверхинтеллект, пронизательность, целительная сила, духовный сан, генетическая избранность и т. п.). Проверив, насколько значима разница в результатах выбора между двумя возрастными группами по методу критерия Стьюдента, мы получили следующие результаты: оказалось, что полученное в эксперименте $t_{\text{Эмп.}} = 3,2$ больше $t_{\text{Крит.}}$. $P \leq 0,05 = 1,99$; $p \leq 0,01 = 2,65$, значит, различия между средними арифметическими двух групп считаются достоверными и эти различия имеют не случайный, а статистически достоверный характер.

Таким образом, в результате применения первой методики гипотеза о наличии различий в представлениях о справедливости между двумя возрастными группами подтвердилась: представители среднего поколения (2-я группа) придерживаются эгалитаристской концепции справедливости, а представители молодого поколения (1-я группа), наоборот, следуют элитарной концепции справедливости.

Используя методику «Ассоциативное тестирование», мы получили следующие результаты (рис. 2).

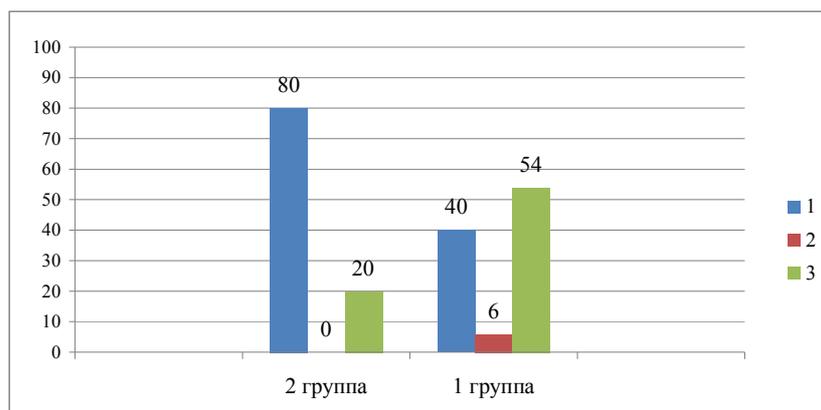

Рис. 2. Сравнительные показатели представлений о справедливости представителей двух поколений, %

Примечание:

на рис. 2 цифрами 1, 2, 3 обозначены следующие ассоциации со «справедливостью»

1 – «честность и порядочность», «закон и правосудие», «равноправие и равенство»;

2 – «хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи», «счастье и мечта»;

3 – «правда (истина)».

По данным, представленным на рис. 2, видим, что:

80 % (28 чел.) представителей 2-й группы выбрали 1-е предложение, т. е. для них справедливость прежде всего ассоциируется с понятиями «честность и порядочность», «закон и правосудие», «равноправие и равенство»;

20 % (7 чел.) представителей 2-й группы выбрали 3-е предложение. Это означает, что они воспринимают справедливость как «правду (истину)»;

никто из представителей 2-й группы не ассоциирует справедливость с выражениями – «хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи», «счастье и мечта».

Другие результаты получены в группе представителей 1-й группы. 54 % (19 чел.) выбрали 3-е предложение т. е. для них справедливость – это «правда (истина)», 40 % (14 чел.) – 1-е предложение, означающее, что они воспринимают справедливость как «честность и порядочность», «закон и правосудие», «равноправие и равенство», наконец 6 % (2 чел.) представителей из 1-й группы выбрали 2-е предложение, т. е. для них справедливость ассоциируется с понятиями «хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи», «счастье и мечта».

Таким образом, для большинства (80 %) представителей средней возрастной 2-й группы справедливость – это «соответствие действительности». Для большинства же (54 %) представителей 1-й группы справедливость – это «правда (истина)» как высшая общечеловеческая ценность, не зависящая от реальных обстоятельств. Но у обеих возрастных групп справедливость связана с моральным сознанием, люди разных поколений понимают справедливость преимущественно как этическую категорию, что подтверждает утверждение Дж. Ролза о «доминировании этики в представлениях людей разных поколений о справедливости».

Проверим, насколько значима разница в результатах представлений о справедливости на основе ассоциаций между представителями двух групп по критерию Стьюдента. Оказалось, что полученное в эксперименте $t_{\text{эмп.}} = 3,5$ больше $t_{\text{крит.}}$. $p \leq 0,05 = 1,99$; $p \leq 0,01 = 2,65$, значит, различия между средними арифметическими двух групп считаются достоверными, различия имеют не случайный, а статистически закономерный характер.

Таким образом, в результате применения данной методики гипотеза о наличии различий в представлениях о справедливости между возрастными группами: у большей части представителей среднего поколения справедливость ассоциируется с понятиями «честность и порядочность», «закон и правосудие», «равноправие и равенство», а у большей части представителей молодого поколения – с понятиями «правда (истина)». Некоторые представители 1-й группы понимают справедливость как «хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи», «счастье и мечта», среди представителей 2-й группы такое понимание справедливости отсутствует.

В результате проведенного нами исследования на статистически значимом уровне подтвердилась гипотеза о том, что на представления о справедливости у жителей малого города влияет возраст людей. Для большинства представителей среднего поколения справедливость является важнейшей ценностью, в то время как представители молодого поколения не считают справедливость важной ценностью, для них важнее свобода. Обыденное сознание у представителей средней возрастной группы является эгалитаристским, а у представителей младшей возрастной группы – элитаристским, т. е. для представителей среднего поколения справедливо то общество, где все материальные блага распределены примерно

поровну и все люди живут примерно одинаково, а представители молодого поколения считают справедливым то общество, в котором люди живут по-разному.

Мы взяли только один аспект исследования обыденного восприятия справедливости – у жителей малого города разных возрастных групп. «Потребность в новом взгляде на мир и на то место, которое в нем занимает человек, заставляет исследователей искать новые пути осмысления и решения мировоззренческих проблем» [7. С. 84]. Дальнейшее социально-психологическое развитие данной темы может быть построено на сравнении специфики восприятия у жителей больших и малых городов, различных социальных групп, что может послужить основой для развития вектора формирования и укрепления социальной стабильности в обществе, понимания картины разнообразия обыденных пониманий справедливости и их влияния на межгрупповое взаимодействие.

Литература

1. Голынчик Е. О., Гулевич О. А. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 80–92.
2. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. – М. : Институт психологии РАН, 2011. – 284 с.
3. Гулевич О. А. Направления изучения представлений о справедливости // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 123–132.
4. Гулевич О. А., Голынчик Е. О. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // Психол. журн. – 2004. – № 3. – С. 53–60.
5. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 24–31.
6. Дроздова А. В. Воздействие рекламы на безопасность личности в современном обществе // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 58–66.
7. Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 84–91.
8. Майерс Д. Социальная психология. – СПб. : Питер, 2011. – 794 с.
9. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. – М. : Аспект-Пресс, 2012.

УДК 159.9

Караваева Людмила Петровна

канд. психол. наук, доцент кафедры
социальной психологии Гуманитарного
университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lyudmila_krv@mail.ru

Karavaeva Lyudmila Petrovna

Candidate of Psychology, Associate Professor
at Social Psychology Chair, Faculty of Social
Psychology, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СИСТЕМЕ
МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL
ASPECTS OF A PROFESSIONAL'S
SUCCESS**

Аннотация

Изменения, происходящие в политической и экономической сферах современной России, неизбежно приводят к необходимости соответствующих изменений в других сферах жизни российского общества. Очень важно – какие принципы закладываются в основу этих изменений, какими параметрами обладает субъект, претворяющий в жизнь эти изменения. Особенно актуальными сегодня становятся социально-психологические аспекты успешности субъекта деятельности вообще и профессиональной в частности.

Ключевые слова: субъект профессиональной деятельности; успешность субъекта профессиональной деятельности; формирование субъекта профессиональной деятельности; профессиональная культура.

Abstract

Ongoing changes in political and economic spheres of modern Russia inevitably lead to necessity of corresponding alternations in other spheres of the Russian society life. It is of utmost importance what the underlying principles of these changes are, what parameters a subject who is implementing these principles possesses. At present it is social and psychological aspects of an individual success that are becoming topical for person's activity and for professional in particular.

Keywords: a subject of professional activity; a professional's success; formation of a professional activity subject; professional culture.

По Адлеру, смысл жизни человека связан с решением трех фундаментальных жизненных проблем, которые вытекают из трех наиболее общих объективных составляющих человеческого бытия. «Факт жизни человека на Земле в конкретных условиях существования порождает *проблему труда* и профессионального самоопределения; факт жизни человека в обществе порождает *проблему межличностных отношений*, кооперации и дружбы; факт существования двух полов порождает *проблему отношений* между ними, любви и брака» [9]. Адекватное решение человеком этих трех проблем помогает ему найти смысл собственного существования. В действительности эти проблемы пересекаются и порождают множество других проблем, однако целостная человеческая жизнь складывается все же из нескольких сфер его активности. Важнейшими из них являются, конечно, *профессиональная сфера* (труд), *семья* (межличностные отношения) и область,

благодаря которой при неблагоприятном профессиональном самоопределении решается экзистенциальная проблема реализации, – это *область досуга*.

Динамичность процессов современной России приводит к тому, что «в современном обществе происходит изменение социально-психологических параметров» [2. С. 28], это в свою очередь обуславливает тот факт, что «потребность в новом взгляде на мир и на то место, которое в нем занимает человек, заставляет исследователей искать новые пути осмысления и решения мировоззренческих проблем» [7. С. 84].

Продолжая эту мысль, можно сказать, что и при решении вопросов мотивации субъекта профессиональной деятельности необходим поиск новых путей. В связи с этим актуально рассмотрение успешности профессиональной деятельности в контексте профессионального маргинализма и профессиональной культуры, индивидуального профессионального развития и профессионального становления личности как субъекта труда.

В последнее время специалисты, говоря о труде, разграничивают понятия «*общетрудовая мотивация*» и «*профессиональная мотивация*» [1]. Эмпирические исследования в соответствующей области позволяют сделать следующие выводы:

- общетрудовая мотивация в процессе профессионализации не изменяется. В то же время профессиональная мотивация существенно меняется на каждом этапе становления специалиста;

- профессиональная мотивация, в отличие от общетрудовой, связана с более широким спектром личностных качеств.

Различение общетрудовой и профессиональной мотиваций позволяет высказать предположение о том, что специфика последней обуславливается особенностями профессиональных целей деятельности, ее социальными нормами, ценностями, идеалами, которые необходимо учитывать при построении успешной профессиональной карьеры.

В последнее время в психологии профессиональной деятельности обращаются к потенциалу «акме» – вершины, связанной с высшими достижениями профессионального и жизненного развития. Отсюда еще одна проблема – проблема выделения критериев наивысших профессиональных достижений (критериев «акме»), которая, в свою очередь, связана с проблемами образования, и науки.

На социальном уровне активность человека подчинена потребности в принадлежности человека к общности, в признании его этой общностью. Эта активность регулируется социальными нормами, правилами, обычаями, технологическими предписаниями, уставами и т. д., которые усваиваются индивидом. Так называемый «Я-образ» облегчает человеку ориентацию в системе этих активностей прежде всего за счет формирования своей присоединяющей образующей – системы социальных самоидентичностей: половой, возрастной, этнической, гражданской, социально-ролевой, профессиональной. В рамках этих идентичностей субъект сравнивает себя с эталонами соответствующих общностей и через эти эталоны – с другими людьми и определяет степень своей успешности.

В последнее время появились свежие подходы к проблеме профессионализма и профессиональной успешности. Таковыми являются взгляд на профессионализм с позиции «профессионального маргинализма» и в контексте профессиональной культуры.

Теоретические и эмпирические исследования, проведенные Е. П. Ермолаевой в 2001–2005 гг., позволили ей вести речь о явлении, которое она назвала «профессиональным маргинализмом». Этот термин она определяет следующим образом: «...наш термин "профессиональный маргинализм" определяет маргинальный статус по отношению к социально востребованной норме профессионала, характери-

зует удаленность от этой нормы и несет "знаковую" функцию социально негативного явления» [5. С. 58].

Профессиональному маргинализму способствуют следующие факторы индивидуального сознания: подмена профессиональной ментальности обывательской; абсолютизация принципа целесообразности; деидеологизация или сверхидеологизация сознания; амбициозность специалистов и некомпетентность лиц, принимающих решения; одномерность оценок; некритичность мышления; смысловая трансформация; ригидность маргинальных профессиональных установок; дефицит профессионально-правового самосознания.

Профессиональный маргинализм – это не просто банальный непрофессионализм как недостаточность или неадекватность профессиональных знаний и умений, это, прежде всего, личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно приемлемой для данной профессии профессиональной морали. И, наоборот, внутреннее отнесение себя к морали другой среды, профессиональной или внепрофессиональной.

Феномен профессионального маргинализма типичен на всех уровнях социально-профессиональной структуры нашей сегодняшней реальности и одинаково возможен в разных сферах профессионального труда. Но особую значимость он приобретает в социально ориентированных профессиях, представителями которых являются врачи, учителя, социальные работники и чиновники социальных структур; политики, социологи, занимающиеся статистикой и подготовкой общественного мнения; специалисты и руководители в потенциально опасных видах труда (операторы, летчики, военные).

Профессиональные маргиналы и идентичные профессионалы занимают полярные позиции как в континуумах профессионального самосознания (самоотрицание, конформизм, обособление, самоотождествление), так и в способах выхода профессионала из кризиса (деструктивный, адаптивный, эгоцентрический, преобразующий).

В качестве естественных (т. е. возникающих спонтанно) контингентов профессиональных маргиналов выделяются «отверженные» и «действующие». Основную массу отверженных составляют безработные. Однако между социально отверженными и маргиналами нет прямого соответствия: маргиналами являются лишь те, кто утратил не только должность, но и ментальную связь с профессией. Обе упомянутые категории создают базу для формирования теневых профессиональных структур и функций, однако теневая функция должностной роли – прерогатива «действующих» маргиналов, оставшихся формально включенными в трудовой процесс, но утративших внутреннюю принадлежность к профессиональной этике как в самосознании, так и в реальном поведении. Главная опасность профессионального маргинализма как социального явления – в его «действующей» составляющей.

По критерию неадекватности профессиональной динамики различаются: профессионально ригидные маргиналы (неспособные к профессиональной динамике в условиях, требующих перемен) и профессионально нестабильные (не готовые к длительному пребыванию в профессии, а, напротив, склонные к ее немотивированной смене).

По мотивационно-реализационному критерию различаются функциональные и ментальные маргиналы. Среди последних по ценностно-мотивационной ориентации выделяются:

а) ментально-внутренние маргиналы, ценности которых хотя и лежат внутри профессии, но это – узкие специалисты, не выходящие за рамки своих личных интересов в профессии и превратившие ее в свою служанку; они любят не дело, а себя в этом деле; среди них встречаются и «фанатики дела»;

б) ментально-внешние маргиналы, так и не принявшие профессиональной морали, не интериоризировавшие профессию, не сделавшие ее личностно значимой

ценностью для себя; они любят не дело, а нечто вообще вне его; готовы бросить дело, если подвернется более удобное, легкое или выгодное.

Превалирование профессионального маргинализма в общественном сознании может выступать как фактор социальной опасности, разрушающий социально значимые профессиональные структуры и отношения. Профессия для маргинала – лишь средство достижения иных, внепрофессиональных личных целей, а не способ гармоничного существования человека в деятельности, объективная цель которой не принимается им в качестве самоцели, т. е. не становится осознанной личностно значимой целью с достаточно высоким статусом в иерархической структуре ценностей.

Профессиональный маргинализм опасен еще и тем, что «маргинальный профессионал сам может стать социальной нормой, и прежде всего там, где отсутствуют единые нравственные критерии оценки социальных функций профессии у профессионала и клиента, у общества и профессиональной группы, – и тогда такими критериями оказываются правила, навязанные маргиналами; а также там, где не соблюдается баланс между интеллектуальным статусом, оплатой труда и качеством жизни, в силу чего большинством населения становятся обремененные заботами или иными жизненными обстоятельствами, ограниченные в возможностях служебной и общественной самореализации "несвободные" люди» [5. С. 58].

В основе любого профессионального становления лежат процессы идентификации [2]. Понятие «профессиональная идентичность» в полном смысле слова относится лишь к той категории людей (а в социальном плане – к тем эпохам и культурам), для которых основой идентификации является профессиональный труд.

Большой или меньший статус профессиональной идентичности в структуре идентификационных оснований личности в качестве фактора социализации и личностного самоопределения в значительной степени зависит от той объективной роли института профессии, которую он играет в данном обществе и в которой ценность профессии фигурирует в общественном сознании.

Индивидуальное профессиональное развитие, несмотря на различия в конкретных видах труда, имеет общую цель – субъекта, способного самостоятельно, качественно и своевременно осуществлять профессиональные функции с оптимальными психофизиологическими затратами. В реализации эта единая цель расходится как бы по двум руслам. Первое – создание субъектом внутренних средств профессиональной деятельности: многоканальный процесс формирования специальных знаний, умений и навыков, необходимых и достаточных в определенной предметной области, в ходе которого происходит расширение информационно-психологического пространства профессионала и поэтапное структурное изменение личности, повышающее автономность ее поведения при решении профессиональных задач (т. е. закладываются основы внутренней идентичности профессионала). Второе – формирование внешних средств профессиональной деятельности, включающее процесс накопления фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе и развитие (информационное и технологическое) материальных средств труда в соответствующей предметной области, – обеспечивает расширение информационного пространства профессии и повышение внешней идентичности профессионала.

Профессиональная идентичность складывается только на достаточно высоких уровнях овладения профессией и выступает как устойчивое согласование основных элементов профессионального процесса. Идентичными могут считаться профессионалы, обладающие как стабилизирующей базой, так и преобразующим потенциалом, в деятельности которых баланс стабилизирующих и преобразующих компонентов соответствует оптимальному уровню для данной профессии. Как регулятор профессиональная идентичность выполняет стабилизирующую и преоб-

разующую функции. Основная стабилизирующая функция профессиональной идентичности – обеспечение необходимой степени профессионального центризма и устойчивой профессионально-ментальной позиции, параметрами которой являются: константность (способность к сопротивлению изменениям), адаптивность (способность к разрушению неадекватных профессиональных стереотипов), дистантность (представление о месте профессии в семантическом, информационном и межкультурном профессиональном пространстве).

В массовом сознании профессиональная структура общества существует в форме должностей, предписывающих каждой профессии ее социальную роль, однако реальное положение действующего профессионала в обществе не обеспечивает безусловного выполнения декларируемых должностных обязанностей, а во многих случаях, наоборот, провоцирует появление скрытых от общества и несвойственных данной профессии функций, разрушающих ее социальное назначение. Появляется социально значимая профессиональная ошибка как индикатор перехода профессионалов от выполнения позитивной социальной функции к теневым функциям профессиональной роли, отражающая кризис профессиональной идентичности.

Профессиональная ошибка определяется Е. П. Ермолаевой как психологически детерминированное социальное действие, сознательно или неосознанно искажающее целевую функцию профессии и не отвечающее социально востребованным профессиональным нормам.

«Профессиональная ошибка» описывает социально-психологический феномен, рассматриваемый в категориях профессиональной идентичности, внутренних идентификационных требований профессии, ее социальной значимости, социальной опасности профессионала.

Профессиональная ошибка – это «социальное действие», основа профессиональной ошибки – распад, дисбаланс или размывание внутренних идентификационных требований профессии.

Повторяющаяся в массовом масштабе профессиональная ошибка становится тенденцией и служит опознавательным знаком социальной позиции данного профессионального слоя, а содержащаяся в ней информация свидетельствует о теневой функции профессиональной роли.

Таким образом, у личности в профессиональной сфере может быть одна из двух позитивных доминантных миссий: либо профессиональная самореализация (с преимущественной ориентацией «на социум») – сделать успешную карьеру, достичь вершин мастерства и общественного признания; либо наиболее полная самореализация именно как личности (ориентированная «на себя»), что не всегда совпадает с профессиональной самореализацией.

К числу негативных доминантных миссий в профессиональной сфере Е. П. Ермолаева относит: стремление к власти с целью использования других людей для нужд личной профессиональной карьеры; превращение профессии в «кормушку» и злоупотребление профессиональным положением в качестве механизма психологического и экономического давления; ненадлежащее использование профессиональной роли для компенсации «комплексов собственной неполноценности» как в самой профессии, так и в других сферах жизни, т. е. теневое самоутверждение. Все это можно рассматривать и в качестве аспектов более широких понятий «теневой психологии» и «теневой стратегии жизни».

Внешним выражением этих тенденций выступает «социально неадекватное профессиональное действие (СНПД), которое мы определяем как психологически детерминированное действие профессионала, сознательно или неосознанно искажающее социальную функцию профессии или не отвечающее социально востребованным нормам. Иными словами, это феномен профессионального поведения

(поступка, решения, события), отклоняющегося от декларируемого предназначения профессии (профессиональный маргинализм), либо преследующего иные, часто противоположные социальные цели (теневые функции)» [6. С. 31].

Сущность теневой функции как специфической дефиниции «действующего» профессионального маргинализма – подмена декларируемого назначения профессии скрытым личным или корпоративным интересом, влекущим психологические изменения на уровне общественного сознания (социальный резонанс), индивидуального сознания потребителя профессиональных услуг (эффект клиента), ментальности и ценностей структуры личности самого профессионала (эффект бумеранга), социального и психологического содержания профессии и профессиональных функций (профессиональная трансформация).

Е. П. Ермолаева подчеркивает, что реальная психология конкретного профессионала определяется ведущим идентификационным основанием, в выборе которого субъект не свободен: он личностно детерминирован и зависим от культурных, социальных, корпоративных, информационных, экономических факторов.

Массовый профессиональный субъект (т. е. количественное превалирование в профессиональной популяции того или иного ментально-нравственного типа профессионалов) зависит от преобладающего в обществе ведущего основания идентификации, что, в свою очередь, обусловлено следующими параметрами ситуации профессиональной идентификации: а) стабильностью (устойчивое функционирование – конструктивная стабильность, либо застой – деструктивная стабильность); б) изменчивостью (конструктивная изменчивость – развитие, прогресс, либо деструктивная изменчивость – разрушение, регресс); в) определенностью (однозначность законов преобразования ситуации); г) фрустрированностью (конфликтность, стрессогенность); д) терминальностью (кризисность, хаотичность); е) витальностью (важность для физического выживания).

Признаки, по которым человек и социум опознают профессию, а сам профессионал идентифицирует себя с ней, называются внутренними идентификационными требованиями профессии. Если признаки, используемые для идентификации, полностью совпадают у человека как потребителя профессии, общества как заказчика и профессионала как исполнителя, то можно говорить о профессиональной идентичности.

Для оценки степени идентичности Е. П. Ермолаева вводит критерий соответствия профессионала общечеловеческому статусу профессии. Общечеловеческий статус профессии – это то, что в данной цивилизации, на данном этапе уже определено как нормативные требования к профессионалу, и профессия в этом контексте выступает как общечеловеческая ценность.

Причем, говоря о «ценности», следует понимать, что ценность – это не признак объекта, а характеристика субъекта в его среде. Ценность не может быть «объективной», «объективно правильной», хотя для придания веса индивид может сослаться на мнение общности людей, на предков, на научную картину мира, на народную мудрость или на «священные тексты». Из сказанного следует, что должные ценностные представления надо активно и искусно культивировать уже в сознании подрастающего человека как потенциального субъекта профессиональной деятельности.

Эту позицию активно поддерживает Е. А. Климов. Он считает, что «проблема идеалов культуры – это и проблема регуляторов развития общества, сообществ людей, включая профессиональные». Причем под культурой он понимает значение из толкового словаря русского языка С. И. Ожегова: «Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова побуждает нас различать общее и частное значения слова "культура". *Первое*: "...совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей". *Второе* выражено так: "...высокий уровень чего-

нибудь, высокое развитие, умение. *Культура производства. Культура голоса (у певца). Физическая культура (физкультура). Культура речи*". "Высокий" (уровень) можно понять как "геометрическую" (устремленную вверх) или "первобытную" (уходящую в глубь веков) метафору. Но, скорее всего, под "высоким" уровнем понимается *совершенство* чего-либо с точки зрения идеалов культуры» [8. С. 94].

«Профессия – это не только работа, квалификация или общность людей. Профессия – это и образ жизни (слово “образ” в данном привычном словосочетании означает не ментальный феномен, не представление, а уклад). И есть основания говорить о профессиональной культуре. О большом множестве профессиональных культур, в чем-то сходных, а в чем-то различающихся. Вместе с тем в каждой профессиональной культуре можно выделить ее составляющие – интеллектуальную культуру специалиста, культуру двигательную (психомоторную), коммуникативную и т. п.» [8. С. 99]. Е. А. Климов полагает, что «становление человека как субъекта продуктивной деятельности, профессионала, а также профессионализма уместно рассматривать как процесс приближения к идеалам культуры (народной и профессиональной)» [Там же]. Этот процесс может осуществлять как сам субъект, так и те, кого волнуют его образование, воспитание, профессиональное становление, профессиональная карьера.

Итак, проведенное теоретическое исследование позволяет сделать вывод: успешность профессиональной деятельности определяется успешностью нахождения субъекта в соответствующем интерперсональном профессиональном пространстве, что во многом определяется тем, насколько гармонично проходит вхождение субъекта в соответствующую профессиональную культуру. Таким образом, процесс построения профессиональной карьеры, который может быть идентифицирован с процессом становления профессионала, можно рассматривать как процесс приобщения субъекта к соответствующей профессиональной культуре, процесс приобщения к ее идеалам. И успешность профессиональной карьеры будет оцениваться по степени приближения к идеалам соответствующей профессиональной культуры.

Все вышесказанное позволяет говорить о значимости и ответственности всех образовательных систем, в которых, по сути, происходит формирование субъекта профессиональной деятельности, закладываются основные составляющие профессиональной культуры (в соответствии с классификацией Е. А. Климова):

- на стадии оптанта – период обучения в средних и старших классах школьных образовательных учреждений;
- на стадии адепта – обучение в специальных образовательных учреждениях.

На этих стадиях происходит выбор будущей профессии и психологическое приобщение к определенной профессиональной среде. Успешность этого процесса во многом определяется тем, насколько безопасно ощущает себя будущий субъект профессиональной деятельности.

«Проблема безопасности личности напрямую связана с "технологиями" современной жизни, их позитивным или негативным влиянием на человека» [3. С. 60]. Эта проблема, безусловно, требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. Бодров В. А., Бессонова Ю. Б. Развитие профессиональной мотивации спасателей // Психологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 45–55.
2. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 24–31.
3. Дроздова А. В. Воздействие рекламы на безопасность личности в современном обществе // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 58–66.

4. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 51–59.
5. Ермолаева Е. П. Теневые функции должностной роли в структуре профессионального маргинализма // Психологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 56–65.
6. Ермолаева Е. П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «человек–профессия–общество» // Психологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 30–40.
7. Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 84–91.
8. Климов Е. А. Идеалы культуры // Психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 94–101.
9. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – СПб. : Прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. – 416 с.

УДК 659.113(075.8)

Шматов Георгий Артемович

канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры
«Реклама» Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: sga36@mail.ru

Shmatov Georgy Artemovich

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor at Advertising Chair,
Faculty of Social Psychology, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**МЕДИАПЛАНИРОВАНИЕ КАК
ТЕХНОЛОГИЯ МИНИМИЗАЦИИ
РИСКОВ НЕЭФФЕКТИВНОГО
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ В СМИ**

**MEDIA PLANNING
AS RISK REDUCING TECHNOLOGY
FOR INEFFICIENT MASS MEDIA
ADVERTISEMENTS**

Аннотация

В статье излагаются основы медиапланирования как экономико-математической теории планирования и оптимизации размещения рекламы в СМИ. Показано, что использование методов медиаматематики и экономико-математического моделирования позволяет разработать количественную теорию медиапланирования как основу технологии минимизации рисков неэффективного размещения рекламы в СМИ.

Ключевые слова: реклама; медиапланирование; мультимедийность; оптимизация; эффективность; риск.

Abstract

In the article media planning bases as are stated to the economic-mathematical theory of planning and advertisement positioning optimisation in mass-media. It is shown that use of methods of media mathematics and economic-mathematical modelling allows to develop the quantitative theory of media planning as a basis of technology of minimisation of risks of an inefficient advertisement positioning in mass-media.

Keywords: advertising; media planning; multimedia; optimization; efficiency; risk.

Тема исследования и ее актуальность

Интегрированные маркетинговые коммуникации, и в частности реклама, играют исключительно важную роль в экономической, социальной и других сферах жизни современного общества. Использование систем коммуникаций и рекламы является необходимым условием успешного решения многих задач, как экономических – повышение *спроса* и *прибыли*, *уровня жизни* потребителей, *качества* товаров и услуг; обеспечение *финансовой независимости* СМИ и др., так и социальных – улучшение качества жизни, уменьшение социальной напряженности и рисков и др. Ввиду важности этих проблем для развития общества задача исследования *эффективности* систем коммуникаций и рекламы весьма *актуальна*. Анализ результатов рекламных кампаний свидетельствует о том, что эффективность рекламного воздействия зависит от двух основных компонентов: 1) эффективности *рекламного сообщения* и 2) эффективности *размещения* рекламных материалов. Так, например, Эрик дю Плесси в книге «Психология рекламного влияния» пишет: «Неэффективный график размещения рекламы может сделать эффективную рекламу совершенно неэффективной. <...> Прежде всего рекламодатель должен убедиться, что создаваемая реклама будет эффективной, и затем он должен обеспечить соответствующий график размещения рекламы. Многие рек-

ламодатели, по-видимому, забывают, что эффективность кампании зависит от обоих этих компонентов. Я <...> обнаружил исследования <...> в которых реклама признана негодной для использования за ее содержание, тогда как проблемой была не реклама, а график ее размещения» [1. С. 34]. Первый из указанных выше компонентов, определяющих эффективность рекламы, связан с искусством создания эффективных рекламных сообщений и относится к области рекламного творчества, основанного на знании свойств и особенностей предмета рекламы и психологии потребителя. Второй компонент эффективности рекламы связан с разработкой наиболее *оптимальных* схем размещения рекламы в СМИ, что составляет основную задачу технологии медиапланирования. Данное обстоятельство позволяет рассматривать медиапланирование как технологию *минимизации рисков* неэффективного размещения рекламы в СМИ. Эту технологию нужно понимать весьма широко – как совокупность методов экспериментального, качественного и количественного исследования рисков размещения рекламы.

Методы оценки рисков широко используются для решения экономических задач. Величина риска оценивается на основе методов теории вероятностей. Одно из первых определений риска в экономике сформулировал Ф. Найт в 1921 г. в своей книге «Риск, неопределенность и прибыль»: «Для обозначения риска и неопределенности, соответственно, мы можем <...> пользоваться терминами "объективная" и "субъективная" вероятность» [2]. Согласно этой трактовке риск возникает в ситуации выбора, благоприятный исход которого может быть оценен объективно, с помощью вычисления вероятности определенных событий, а неопределенностью называется ситуация выбора, благоприятный исход которого оценивается лишь на основе субъективных соображений. Количественное вычисление рисков используется для принятия решений во многих областях экономики, в которых имеется ситуация выбора. Так, например, на основе количественной оценки величины риска в работах [3; 4] показано, что инвестирование в несвязанные активы с одинаковой доходностью снижает риски и повышает эффективность инвестиционного портфеля.

В настоящее время понятие риска широко используется для решения не только экономических, но и социальных, психологических, политических проблем, а также проблем в области обеспечения безопасности, социальной стабильности (подробнее см. работы [5–14] и ссылки в них). При этом понятие риска трактуется шире, чем *вероятность появления неблагоприятного исхода* и связывается с такими понятиями, как «*надежность*» и «*опасность*». Например, Н. Луман по поводу определения понятия риска пишет: «Что означает это слово? Какую возможность отрицания <...> имплицитно это понятие, если его хотят уточнить для научного использования? <...> Рационалистическая традиция <...> хотя и предлагает форму риска, но не определяет его. Проблему, состоящую в том, как <...> избежать ущерба, она переводит в директивы для калькуляции. <...> Весьма распространено представление, что понятие риска следует определять как противоположность понятию *надежности*. <...> В результате возникает пара понятий "риск/надежность". Это схема, которая, в принципе, делает возможным калькуляцию всех решений с точки зрения их рискованности. Следовательно, эта форма имеет ту бесспорную заслугу, что универсализирует понятие риска. И не случайно с XVII в. тематика надежности и тематика риска способствуют взаимному становлению. <...> Мы намерены придать понятию риска иную форму с помощью различения *риска* и *опасности*. Различение предполагает <...> что существует неуверенность относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т. е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т. е. вменяются окружающему миру. Тогда мы

говорим об опасности. <...> Различение "риск/надежность", как и различение "риск/опасность", построены асимметрично. В обоих случаях понятие риска обозначает сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело, по меньшей мере – в современном обществе» [6]. Согласно Питеру Бернстайну, «сущность управления риском состоит в максимизации набора обстоятельств, которые мы можем контролировать, и минимизации набора обстоятельств, контролировать которые нам не удастся и в рамках которых связь причины и следствия от нас скрыта» [15. С. 215].

Таким образом, понятие риска, а также вопросы его классификации, учета, вычисления и оценки можно рассматривать с разных позиций, например с точки зрения методов той или иной теории – теории вероятностей, теории игр, теории катастроф или с точки зрения специфического экспертного опыта в той или иной сфере. При этом важно выбрать такой подход, который наиболее полно отражает специфику конкретной области, в которой риск рассматривается.

Весьма актуальна задача развития количественных методов исследования рисков, поскольку владение этими методами позволяет не только оценивать риски в той или иной области деятельности, но и решать задачи управления, оптимизации рисков. К настоящему времени наиболее развиты методы количественной теории риска для решения экономических и финансовых задач [16]. Количественные методы оценки риска могут быть использованы в любой области человеческой деятельности, решения в которой принимаются в условиях неопределенности, допускающей количественную вероятностную оценку. В данной работе предложен новый подход к теории медиапланирования как количественной теории оценки рисков неэффективного размещения рекламы в СМИ. Методы современной теории медиапланирования и медиаматематики позволяют количественно, объективно оценивать риски размещения рекламы в СМИ. В этом плане теорию медиапланирования можно сравнить с теорией оценки рисков выбора портфельных инвестиций, изложенную в работах [3; 4]. В этой связи разработка методов теории медиапланирования, с помощью которых можно решать задачи управления рисками неэффективного размещения рекламы в СМИ, является весьма актуальной.

Методика минимизации рисков размещения рекламы

Объективность оценки риска связана с тем, что риск можно определить как вычисляемую *вероятность* получения неблагоприятного результата при размещении рекламы. Дать строгое количественное определение риска как вероятности неблагоприятного результата размещения рекламы позволяет понятие *эффективного охвата* аудитории. Определение этого понятия и методика его вычисления на основе методов медиаматематики приведены в работах [17; 18]. Эффективный охват $G_{эф}$ позволяет оценить ту часть аудитории, представители которой получили число рекламных контактов, не меньшее уровня эффективной частоты $f_{эф}$. Эффективная частота контактов $f_{эф}$ задает уровень *интенсивности* рекламного воздействия, достаточный для достижения поставленной цели рекламы. Величина эффективной частоты $f_{эф}$ зависит от ряда факторов: цели рекламы и выбранного критерия оценки ее эффективности; особенностей целевой аудитории и СМИ, в которых размещается реклама; параметров рекламных сообщений – длительности рекламных теле- и радиороликов, размера полосы рекламного объявления в прессе и некоторых других факторов. Величина $f_{эф}$ может быть найдена следующими способами: в результате исследований, на основе анализа результатов размещения рекламы, а также по специально разработанным методикам, например методикам Остроу и Росситера–Перси (см. [19. С. 213; 20. С. 491]).

В [17] дано *два* определения охвата аудитории, которые позволяют дать две совершенно разные интерпретации этого понятия. Согласно одному из этих опре-

делений охват – это *доля аудитории*, имевшей контакт с рекламой, а согласно второму определению охват – это *вероятность контакта* представителя аудитории с рекламой. Эквивалентность обоих определений основывается на эргодической гипотезе, согласно которой усреднение по ансамблю эквивалентно усреднению по времени. В соответствии с вероятностным пониманием охвата, эффективный охват аудитории можно трактовать как вероятность того, что представитель аудитории получил эффективное число контактов. Определим риск ρ как вероятность представителя целевой аудитории *не* получить эффективное число контактов с рекламой. Тогда риск ρ неэффективного размещения рекламы можно оценить по величине эффективного охвата, используя постулат о полной вероятности:

$$\rho = 1 - G_{\text{эф}} \quad (1)$$

Эффективный охват $G_{\text{эф}}$ вычисляется согласно следующей формуле:

$$G_{\text{эф}} = \sum_{f=1}^{f_{\text{max}}} E(f) g(f), \quad (2)$$

где $E(f)$ – функция эффективности, описывающая изменение эффективности контактов в окрестности значения эффективной частоты $f_{\text{эф}}$,

$g(f)$ – спектр охвата,

f_{max} – максимально возможное число контактов (подробнее см. в [17; 18]).

Функция эффективности $E(f)$ описывает экспериментально наблюдаемую зависимость эффективности воздействия от частоты (числа) рекламных контактов f . Как показывают исследования, функция $E(f)$ либо монотонно возрастает с увеличением частоты (с постепенно убывающей скоростью), либо имеет так называемый *S-образный* вид (скорость изменения функции сначала возрастает, а затем убывает в узком частотном *интервале эффективности* Δf вблизи *эффективной частоты* $f_{\text{эф}}$). При аналитическом моделировании функции $E(f)$ вводится ряд параметров, величина которых определяется экспериментально, исходя из реакции целевой аудитории на рекламное воздействие. Наиболее важными параметрами функции эффективности являются $f_{\text{эф}}$ и Δf .

Спектр охвата $g(f)$ вычисляется на основе бинарной модели аудитории по методике, изложенной в [17; 18]. Эта методика позволяет вычислять как моно- так и мультимедийные спектры охватов, а также моделировать усиление воздействия рекламных контактов при размещении рекламы в СМИ разных типов. Спектр охвата $g(f)$ является функцией *параметров* СМИ, в которых производится размещение рекламы (рейтинг, предельный охват, доля постоянной аудитории и вероятность контактов постоянной аудитории с медиа), а также числа размещений рекламы m_j в каждом СМИ, j – номер СМИ, $j = 1, 2, \dots, L$; L – число СМИ, в которых размещается реклама.

Таким образом, согласно формулам (1) и (2) риск, связанный с размещением рекламы, можно представить как функцию числа размещений $\rho = \rho(m_j)$. Считая m_j действительными переменными, представим их в виде $m_j = V_j / v_j$, где V_j – затраты на размещение рекламы, v_j – стоимость одного размещения рекламы в j -м СМИ. С учетом вышесказанного риск ρ можно представить как функцию затрат V_j на размещение рекламы в каждом СМИ: $\rho = \rho(V_j)$.

Функция $\rho(V_j)$ представляет собой *целевую функцию*, с помощью которой можно *оптимизировать* размещение рекламы, используя методы *математической экономики* (см., напр. [21; 22]). Согласно этим методам оптимизация размещения рекламы может быть осуществлена в результате: 1) минимизации целевой

функции риска $\rho(V_1, \dots, V_L)$ при заданном рекламном бюджете $V_0 = \text{const}$ или

2) минимизации рекламного бюджета $\sum_{j=1}^L V_j$ при заданном уровне риска $\rho_0 = \text{const}$.

Выбор метода оптимизации осуществляется рекламодателем исходя из экономических и/или коммуникативных соображений (бюджет, риск, эффективный охват и др.). Эти варианты оптимизации размещения рекламы реализуются с помощью методов нелинейного математического программирования при достижении, соответственно:

1) минимума целевой функции

$$\rho(V_1, \dots, V_L) \Rightarrow \min \quad (3)$$

при следующих ограничениях на переменные V_j :

$$\sum_{j=1}^L V_j - V_0 = 0; \quad (4)$$

2) минимума целевой функции затрат на размещение рекламы

$$\sum_{j=1}^L V_j \Rightarrow \min \quad (5)$$

при следующих ограничениях на уровень риска размещения

$$\rho(V_1, \dots, V_L) = \rho_0, \quad (6)$$

где V_0 – заданный рекламный бюджет,

ρ_0 – заданный риск не получить необходимую для достижения цели рекламы частоту рекламных контактов,

$$\sum_{j=1}^L V_j - \text{рекламный бюджет},$$

m_j и v_j – число и стоимость размещений рекламы в j -м СМИ,

$$V_j = m_j v_j$$

Численная минимизация рисков размещения рекламы

Сформулируем методику оценки величины риска при размещении рекламы. Пусть целью рекламной кампании является создание осведомленности о новой марке, выходящей на рынок. В этом случае при размещении рекламы нужно достичь такой интенсивности рекламного воздействия, которая обеспечивала бы каждому представителю аудитории достаточную для запоминания предмета рекламы частоту рекламных контактов. Для решения этой задачи необходимо предварительно определиться с двумя параметрами эффективности размещения: эффективной частотой контактов $f_{\text{эф}}$ и риском ρ того, что эта частота не будет достигнута. Изложенная выше методика позволяет оценить зависимость риска ρ от параметров размещения рекламы (числа размещений, рекламного бюджета) при той или иной эффективной частоте контактов. Решение такого рода задач осуществляется *численными* методами, например градиентными, в которых использует-

ся текущая рентабельность СМИ $Rent_j$ (см. [17]). После того как решена одна из двух сформулированных выше задач нелинейного математического программирования и найдены переменные V_j , минимизирующие либо рекламный бюджет при фиксированном риске, либо риск при фиксированном рекламном бюджете, находятся *оптимальные* числа размещений рекламы в каждом СМИ: $m_j = [V_j / v_j]$ (здесь квадратные скобки – целая часть числа).

В качестве параметра, характеризующего интенсивность размещения рекламы, применим TRP – один из наиболее часто используемых в медиапланировании параметров, который вычисляется как суммарный рейтинг $TRP = m_j R_j$ и количественно равен числу контактов с рекламой в процентах от численности целевой аудитории. На рис. 1 приведены зависимости рисков неэффективного размещения рекламы от числа контактов TRP, полученные в результате оптимизации размещения рекламы при разных значениях эффективной частоты $f_{эф}$. Зависимости $\rho(TRP)$ получены следующим образом. Рассматривалась оптимизация размещения рекламы на 10 телеканалах для целевой аудитории «женщины 25–44 лет с уровнем дохода не ниже среднего». Оптимизация осуществлялась в соответствии с критерием эффективности, предусматривающим минимизацию риска размещения при заданном рекламном бюджете (оптимизационная задача 1, сформулированная в предыдущем разделе).

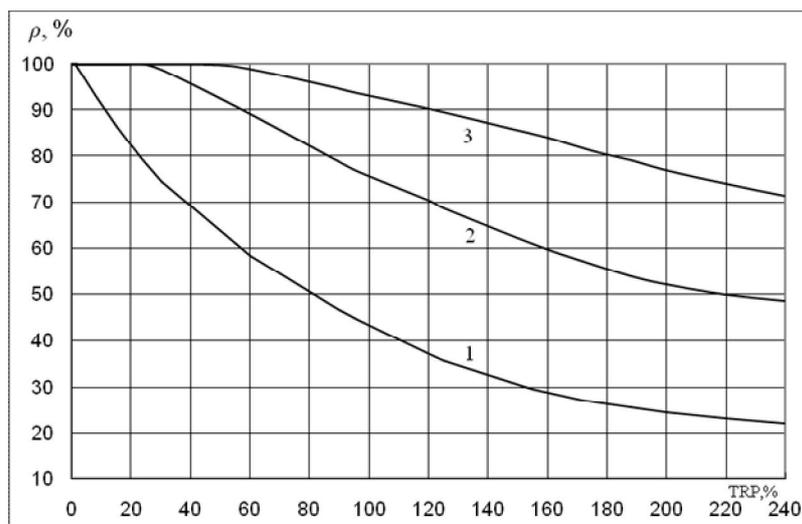

Рис. 1. Зависимость риска ρ неэффективного размещения рекламы от числа контактов TRP.
 $1 - f_{эф} = 1; 2 - f_{эф} = 3; 3 - f_{эф} = 5$

Из рис. 1 видно, что увеличение эффективной частоты $f_{эф}$ при неизменном числе контактов TRP приводит к существенному увеличению риска ρ неэффективного размещения рекламы, а рост числа контактов TRP при фиксированном уровне эффективной частоты $f_{эф}$ приводит к уменьшению риска. Напомним, что величина риска ρ показывает вероятность того, что представитель целевой аудитории не получил необходимой для достижения цели рекламы частоты рекламного воздействия. Например, согласно результатам, представленным на рис. 1, риск того, что представитель аудитории не получит *ни одного* рекламного контакта при $TRP = 160\%$ составляет 28%; риск не получить *трех* рекламных контактов при $TRP = 160\%$ составляет 60%; риск не получить *пяти* рекламных контактов равен 84% при том же $TRP = 160\%$.

Число контактов TRP и рекламный бюджет связаны прямо пропорциональной зависимостью. Поэтому результаты, представленные на рис. 1, позволяют оценить величину рекламного бюджета, достаточную для того, чтобы риск не получить необходимое (эффективное) число контактов не превышал заданной величины. Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Пусть в результате анализа рекламного отклика установлено, что необходимое для решения рекламной задачи эффективное число контактов $f_{\text{эф}}$ равно 3, а допустимый уровень риска ρ равен 50 %. Тогда, согласно данным, представленным на рис. 1, рекламный бюджет должен быть таким, чтобы TRP = 220 %. Если же эффективная частота $f_{\text{эф}}$ равна 5, то размещение рекламы и увеличение рекламного бюджета необходимо продолжать до тех пор, пока величина риска ρ , определяемая кривой 3 на рис. 1, не станет равной 50 %.

Аналитическая оценка рисков размещения рекламы

Аналитическая оценка величины риска основывается на свойствах функции спектра охвата $g(f)$. В [17; 18] показано, что при большом числе СМИ ($L \rightarrow \infty$) и большом числе размещений рекламы в каждом СМИ ($m \rightarrow \infty$) спектр охвата $g(f)$ асимптотически описывается функцией нормального распределения вероятностей. Далее для аналитических оценок рассмотрим случай размещения рекламы в одном СМИ при большом числе размещений рекламы и случай размещения рекламы в L СМИ с одинаковыми параметрами (рейтингом и предельным охватом). Спектр охвата $g(f)$ вычислим на основе бинарной модели аудитории в предположении малости постоянной аудитории СМИ [17]. Рассмотрим вначале следующую задачу размещения рекламы в одном СМИ: найти такое число размещений m , при котором риск ρ недостижения эффективной частоты контактов $f_{\text{эф}}$ не превосходит заданной величины. Как показано в [17; 18], эта задача при больших m может быть решена аналитически на основе использования свойств нормального распределения вероятностей случайной величины f и приведенного выше определения риска (1). Используя эти свойства, критерий эффективности размещения, обеспечивающий достижение эффективного числа контактов с заданной долей риска, можно записать в следующем виде:

$$f_{\text{эф}} = \bar{f} - t \sigma, \quad (7)$$

$$\rho = [1 - \Phi(t)] / 2, \quad (8)$$

где $\bar{f}$ и σ – математическое ожидание и среднеквадратичное отклонение случайной величины f , $\Phi(t)$ – интеграл вероятностей, величина которого находится из соответствующих таблиц (см., напр. [23. С. 71]) или стандартных компьютерных программ (SPSS, Statistica, Excel). Вычисляя математическое ожидание $\bar{f}$ и среднеквадратичное отклонение σ (см. [17, 18]) и решая уравнение (7) относительно числа размещений рекламы m , систему уравнений (7), (8) представим в следующем виде:

$$\rho = [1 - \Phi(t)] / 2, \quad (9)$$

$$m = \{ (M - 1)^{1/2} t / 2 + [(M - 1) t^2 / 4 - f_{\text{эф}} M]^{1/2} \}^2, \quad (10)$$

где $M = G^{\infty} / R$; R и G^{∞} – рейтинг и предельный охват СМИ. Система уравнений (9), (10) позволяет определить эффективное число m размещений рекламы в СМИ с параметрами R и G^{∞} , которое гарантирует достижение эффективной частоты $f_{\text{эф}}$ рекламного воздействия с заданным риском ρ . Алгоритм вычисления эффективного числа размещения рекламы с помощью уравнений (9), (10) – следующий. Вначале по величине заданного риска ρ с помощью уравнения (9) находится соответствующая величина параметра t . Затем найденное значение t подставляется в

уравнение (10) и определяется эффективное число размещений рекламы m . Отметим, что уравнение (10) позволяет оценить *эффективное* число размещений рекламы, в то время как решение задач (3)–(6) соответствуют *оптимальному* размещению. Для того чтобы число размещений m , вычисленное согласно (10), было оптимальным, необходимо, чтобы оно соответствовало минимальному бюджету $V = m v$, где v – стоимость одного размещения рекламы в СМИ.

Результаты вычислений риска и эффективного числа размещений в соответствии с уравнениями (9) и (10) представлены на рис. 2 в виде зависимости величины риска ρ от эффективного числа размещений рекламы m . Такой вид представления результатов выбран по аналогии с рис. 1: число размещений m отличается от величины $TRP = mR$ только множителем R .

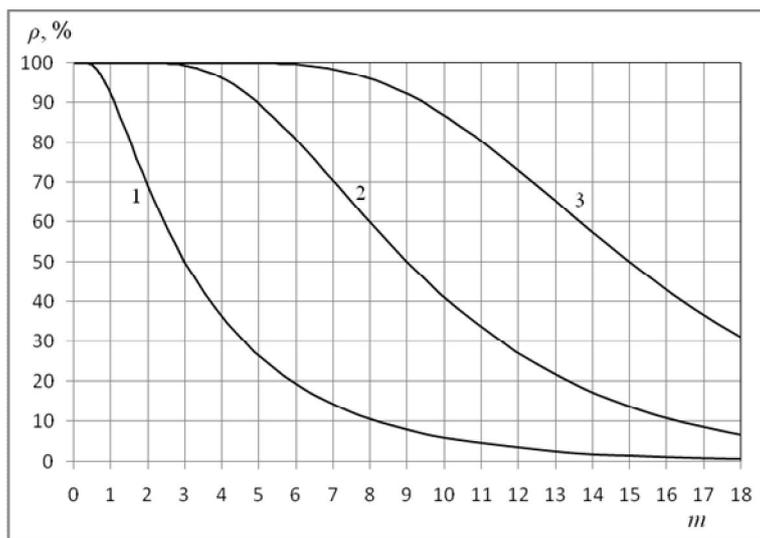

Рис. 2. Зависимость риска ρ неэффективного размещения рекламы от числа размещений m при $G^m/R = 3$; 1 - $f_{эф} = 1$; 2 - $f_{эф} = 3$; 3 - $f_{эф} = 5$

Сравнение рис. 1 и 2 показывает одинаковый характер зависимости риска ρ от числа размещений и числа контактов с рекламой. Это свидетельствует о полезности использования аналитических оценок для изучения зависимости риска от различных параметров. Аналитические оценки с технической стороны гораздо проще, чем численные расчеты, и тем не менее с их помощью можно изучить важные зависимости и закономерности.

Из рис. 2 видно, что увеличение эффективной частоты $f_{эф}$ при неизменном числе размещений m приводит к существенному увеличению риска ρ неэффективного размещения рекламы, а рост числа размещений m при фиксированном уровне эффективной частоты $f_{эф}$ приводит к уменьшению риска. Например, при числе размещений $m = 10$ риск того, что представитель аудитории не получит *ни одного* рекламного контакта, составляет 6 % (кривая 1 на рис. 2); риск не получить *трех* рекламных контактов при $m = 10$ составляет 41 % (кривая 2); риск не получить *пяти* рекламных контактов при том же числе размещений $m = 10$ равен 87 % (кривая 3).

Число размещений m и рекламный бюджет V связаны прямо пропорциональной зависимостью: $V = m v$, где v – стоимость одного размещения рекламы в СМИ. Поэтому результаты, представленные на рис. 2, позволяют оценить величину рекламного бюджета, достаточную для того, чтобы риск не получить необходимое число контактов не превышал заданной величины. Пусть, например, известно, что необходимое для решения рекламной задачи эффективное число контактов $f_{эф} = 3$,

а допустимый уровень риска равен 50 %. Тогда, согласно данным, представленным на рис. 2, рекламный бюджет должен быть таким, чтобы обеспечить число размещений рекламы $m = 9$ (кривая 2). Если же эффективная частота $f_{эф} = 5$, то рекламный бюджет должен быть таким, чтобы обеспечить число размещений рекламы $m = 15$ (кривая 3).

Оценим влияние на риск ρ не получить эффективное число контактов с рекламой в *одном* СМИ факта размещения рекламы не только в одном, а одновременно в нескольких СМИ. Для возможности аналитической оценки риска предположим, что СМИ, в которых размещается реклама, имеют одинаковые параметры. Далее нужно вычислить при этих условиях математическое ожидание $\bar{f}$ и среднеквадратичное отклонение σ . Затем необходимо решить уравнение (7) относительно числа размещений рекламы m . В итоге получим систему уравнений, формально эквивалентную системе (9), (10), но с той разницей, что параметр t в уравнении (10) заменен на параметр $t/\sqrt{L}$. Алгоритм вычисления зависимости величины риска от числа размещений остается таким же, как в рассмотренном выше случае. На рис. 3 представлены результаты вычисления зависимости риска не получить эффективное число контактов в *одном* СМИ при размещении рекламы в четырех СМИ (кривая 1) и в одном СМИ (кривая 2, аналогична кривой 2 на рис. 2). Согласно результатам, представленным на рис. 3, число размещений, гарантирующее достижение в *одном* СМИ (при одновременном размещении рекламы в четырех СМИ) заданной интенсивности рекламного воздействия с заданным риском ρ , уменьшается, если величина риска меньше 50 %, и указанное число размещений увеличивается, если величина риска больше 50 %. Отсюда, в частности, следует, что риск недостижения эффективной интенсивности рекламного воздействия в *каждом* СМИ уменьшается с ростом числа СМИ, если величина риска меньше 50 %. Например, при размещении рекламы в *одном* СМИ эффективная частота $f_{эф} = 3$ достигается при числе размещений $m = 16$ с риском $\rho = 10\%$ (см. кривую 2 на рис. 3), а при одновременном размещении рекламы в четырех СМИ та же интенсивность рекламы $f_{эф} = 3$ при том же уровне риска $\rho = 10\%$ достигается в том же СМИ при $m = 12$ (см. кривую 1 на рис. 3).

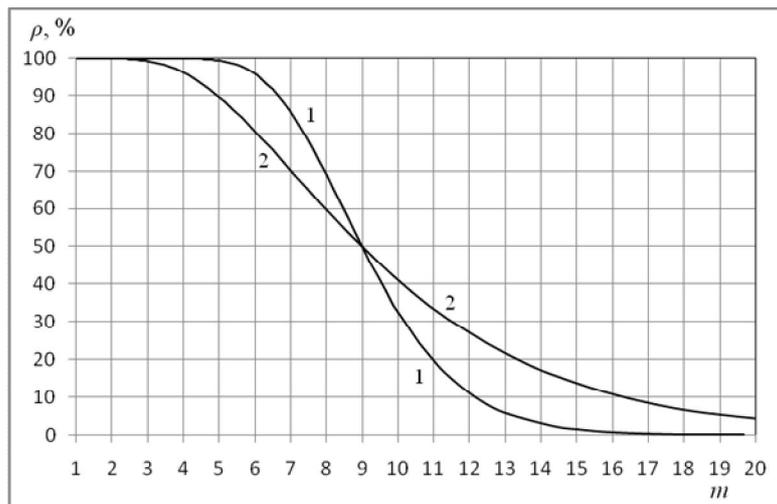

Рис. 3. Зависимость риска ρ неэффективного размещения рекламы от числа размещений m при $G^m/R = 3; f_{эф} = 3; 1 - L = 4; 2 - L = 1$

Таким образом, в работе изложена методика экономико-математического моделирования рисков, связанных с размещением рекламы в СМИ. Сформулированы численные и аналитические методы вычисления рисков и оптимизации разме-

нения рекламы, позволяющие минимизировать риски неэффективного размещения рекламы в СМИ. Получены зависимости эффективного и оптимального числа размещения рекламы от величины риска, которые могут использоваться при планировании размещения рекламы.

Литература

1. Дю Плесси Э. Психология рекламного влияния. – СПб.: Питер, 2007. – 272 с.
2. Knight F. Risk, Uncertainty and Profit. – Boston: Houghton Mifflin Co, 1921.
3. Markowitz H.M. Portfolio Selection // Journ. Finance. – 1952. – March. – P. 77–91.
4. Sharpe W. F. A Simplified Model of Portfolio Analysis // Management Science. – 1963. – Jan. – P. 277–293.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000 (1986). – 384 с.
6. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994 (1991). – № 5. – С. 136–160.
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994 (1991). – № 5. – С. 107–134.
8. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решения в неопределенности: Правила и предубеждения. – Харьков : Изд-во Института прикладной психологии «ГумАни-тарный Центр», 2005 (2001). – 632 с.
9. Зубков В. И. Социологическая теория риска. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 230 с.
10. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. – М. : Аспект- Пресс, 2003. – 286 с.
11. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.
12. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 24–31.
13. Дроздова А. В. Воздействие рекламы на безопасность личности в современном информационном обществе: социально-психологический аспект // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 58–65.
14. Зотова О. Ю. Потребность безопасности у представителей разных социально-экономических групп // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4. – С. 84–91.
15. Бернштейн П. Против богов: Укрощение риска. – М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008 (1996). – 400 с.
16. Шоломицкий А. Г. Теория риска. Выбор при неопределенности и моделирование риска. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 400 с.
17. Шматов Г. А. Основы медиапланирования. – Екатеринбург : Изд-во Уральского госуниверситета. – 1-е изд., 2005. – 332 с.; – 2-е изд., 2007. – 372 с.; – 3-е изд. : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2012. – 442 с.
18. Шматов Г. А. Экономико-математические модели и методы рекламного медиапланирования // Вестник ГУ. – 2013. – № 1. – С. 19–27.
19. Сиссорс Дж. З., Бэрон Р. Б. Рекламное медиапланирование. – СПб. : Питер, 2004. – 412 с.
20. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. – СПб. : Питер, 2000. – 656 с.
21. Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. – М. : Айрис-пресс, 2002. – 576 с.
22. Химмельблау Д. Прикладное нелинейное программирование. – М. : Мир, 1975. – 534 с.
23. Агекян Т. А. Основы теории ошибок. – М. : Наука, 1972. – 172 с.

Раздел 2

**Оптимизация управления
экономикой России:
финансово-экономические,
математические
и информационно-компьютерные модели**

УДК 330.322

Мецгер Александр Альбертович

канд. техн. наук, генеральный директор
ЗАО «Управляющая компания»
(г. Екатеринбург)
E-mail: metzger@azkapital.utk.ru

Metzger Alexander Al'bertovich

Candidate of Engineering, Director General,
ZAO «Upravlyayuschaya companya»
(Ekaterinburg)

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ
КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДАХ**

**FOREIGN EXPERIENCE
IN FORMING A CORPORATE
GOVERNANCE MODEL
IN INVESTMENT FUNDS**

Аннотация

Рассматриваются вопросы организации корпоративного управления в инвестиционных фондах. Выделены основные подходы, реализуемые в зарубежной практике для эффективного взаимодействия основных участников инвестиционного процесса. Описан механизм реализации каждого из подходов, и высказано предположение о формировании различных моделей корпоративного управления инвестиционными фондами в зависимости от ключевых условий их создания и функционирования. Показано системное единство традиционного корпоративного управления *Corporate Governance* и соответствующего управления в инвестиционных фондах *Fund Governance*. Определены границы аутсайдерской, инсайдерской моделей корпоративного управления применительно к индустрии инвестиционных фондов.

Ключевые слова: инвестиционный фонд; корпоративное управление; модель корпоративного управления; оппортунизм; трансакционные издержки; инсайдерская модель; аутсайдерская модель; бенчмарк; традиционные рынки; альтернативные инвестиции.

Abstract

The publication examines the problem of corporate governance in investment funds. Main approaches used in foreign practice are investigated for effective interaction between the principal participants of the investment process. The author describes the mechanism of each approach and suggests that the formation of different corporate governance models of investment funds depends on key conditions for their establishment and functioning. The systemic unity of traditional *Corporate Governance* and corresponding *Fund Governance* is shown. The outsider and insider corporate governance models limitations applied to the investment fund industry are determined.

Keywords: investment fund; corporate governance; corporate governance model; opportunism; transaction costs; insider model; outsider model; benchmark; traditional markets; alternative investments.

Корпоративное управление (*Corporate Governance*) уже достаточно давно перестало быть «модной» темой экономических и управленческих исследований, предметом околонучных спекуляций и спекулятивного создания стоимости. Практика показала, что адекватные конкретным социально-экономическим условиям практики корпоративного управления обеспечивают существенное конкурентное преимущество конкретному бизнесу наряду с такими аспектами его функционирования, как маркетинг, финансовая и инвестиционная политика и т. д.

Важно отметить, что эволюция категории корпоративного управления не есть простая смена одних подходов или моделей другими, более изощренными или бо-

лее полными. Точно так же вызывает сомнение и популярный в свое время тезис о конвергенции различных моделей корпоративного управления на базе процессов глобализации и унификации социальных и экономических предпосылок. Сохраняющееся разнообразие этих предпосылок, задач и проблем, стоящих перед конкретными бизнесами, определяет корпоративное управление как достаточно широкую категорию. В наиболее общем случае ее можно охарактеризовать как *систему механизмов управления и контроля, принятия управленческих решений, которые позволяют преодолеть проблемы объединения участников предпринимательской деятельности и их взаимоотношения с внешней средой с целью максимизации положительных эффектов данного объединения* [1]. Разумеется, подобное определение задает лишь самый общий вектор анализа. Однако данный анализ в конкретных условиях получает свою реализацию в соответствующих практиках, методиках и моделях. Например, *аутсайдерская модель* корпоративного управления выдвигает на первый план агентскую проблему, которая актуальна в условиях традиционной рыночной экономики, когда корпорация может быть представлена как объединение капиталов инвесторов (*stockholders*) под управлением менеджмента компании. В условиях смешанной, переходной экономики понятие «корпорация» существенно меняет свою природу и становится уже, скорее, сложным социально-экономическим явлением. В этом случае базовая проблема корпоративного управления разрешается в рамках *инсайдерской модели*, направленной на поиск механизмов, обеспечивающих согласование интересов широкого круга участников и заинтересованных лиц корпорации (*stakeholders*).

Подобная трактовка корпоративного управления не только устраняет методологические проблемы и противоречия различных подходов, но и открывает новые классы экономических субъектов, для осмысления в понятиях и терминах корпоративного управления. Для примера можно привести такую категорию, как «*семейное предприятие*». Подобные предприятия еще относительно недавно даже в западной теории трактовались как некие эмбрионы будущих корпораций, не вовлеченных в рынки капитала, с неразвитой системой управления, которым еще только предстоит выйти на уровень настоящего корпоративного управления. Сегодня семейный бизнес в развитых экономиках активно использует часть элементов «взрослого» корпоративного управления и формирует адекватные своей специфике практики и модели [2].

Аналогичным образом идет осмысление и развитие вопросов корпоративного управления в таком классе экономических субъектов, как «*инвестиционный фонд*». На первый взгляд модель инвестиционного фонда представляет собой образ классической корпорации, в которой происходит объединение капиталов инвесторов, которые, в свою очередь, передаются в управление профессиональным менеджером (управляющая компания, управляющий). Аналогия с классической корпорацией будет окончательно полной, если представить инвестиционные операции данного фонда как специфическую, но вполне понятную деятельность по созданию дополнительной стоимости для владельцев данной корпорации (инвесторов фонда). Передача активов в управление менеджменту фонда, пассивная роль инвесторов – все это выдвигает на первый план хорошо знакомую проблему «принципал – агент». Иными словами, в отсутствие механизмов должного контроля неограниченно растут прямые и косвенные издержки, связанные с *оппортунизмом менеджмента* инвестиционного фонда (вознаграждение, неэффективные инвестиционные решения и т. д.). Указанная проблема достаточно просто разрешается в случаях, когда инвестиционный фонд формируется и реализует свою деятельность в условиях развитого рынка. В самом общем случае это сводится 1) к осуществлению инвестиционных операций на рынке с минимальным уровнем трансакционных издержек, а также 2) к минимальному уровню трансакционных из-

держек «входа» инвесторов в данную «корпорацию» или выхода из нее. Рассмотрим эти аспекты более подробно.

Развитый рынок инвестиционных операций (например, биржа) не только позволяет снижать издержки по совершению сделок, но и – самое главное – представляет действенный механизм достоверного отражения эффективности подобного рода сделок. В наиболее простом случае происходит почти мгновенная переоценка стоимости активов инвестиционного фонда, которая даже для самого неискущенного инвестора является вполне понятной оценкой эффективности управления его активами со стороны управляющей компании.

Вторым аспектом являются низкие транзакционные издержки входа и выхода инвесторов фонда. В простейшем случае это означает, что инвесторы могут в любой момент как приобрести ценные бумаги фонда, так и предъявить их к выкупу, в обоих случаях по их объективной текущей стоимости.

В этих условиях мы получаем практически идеальные условия для реализации **аутсайдерской модели** корпоративного управления, в которой ключевую роль играют механизмы обратной связи *рыночных процессов*. Рыночная привлекательность инвестиционного фонда в глазах инвесторов есть не что иное, как доходность инвестиционных операций за вычетом издержек менеджмента. Причем важна даже не столько сама величина этой доходности, сколько ее сравнение с *бенчмарком*. В качестве последнего инвестор, как правило, рассматривает некий интегральный показатель рынка, на котором осуществляет свою деятельность и который он может обеспечить самостоятельно, не становясь участником инвестиционного фонда и не оплачивая тем самым услуги его управляющей компании. Если вновь представить себе, что инвестиционный фонд осуществляет свою деятельность на хорошо организованном рынке (например, через механизм биржи), то логично предположить, что инвестор имеет возможность определения т. н. «альфы» – количественного показателя, характеризующего доходность своих вложений в инвестиционный фонд (за вычетом издержек управления) по сравнению с доходностью соответствующего биржевого индекса. Методологическое значение «коэффициента альфа» состоит, таким образом, в возможности объективной оценки реального профессионализма управляющего, адекватности уровня затрат за выполнение им своих функций как агента. Отрицательная «альфа» или меньшая по ее значению в конкретном фонде по сравнению с аналогичными инвестиционными фондами запускает механизм «голосования ногами»: инвесторы выходят из данной неэффективной корпорации. С этой точки зрения совершенно понятно, что подобный механизм мотивирует управляющие компании совершенствовать процессы принятия инвестиционных решений, снижать уровень своего вознаграждения, что на практике означает решение данной моделью корпоративного управления своей основной задачи.

Разумеется, важными элементами аутсайдерского варианта модели корпоративного управления являются и элементы внешнего регулирования со стороны государственных органов, различного рода саморегулируемых организаций (регламентация требований к управляющим, жесткое регулирование раскрытия информации и пр.). Тем не менее стоит отметить, что данные механизмы по своей сути сводятся к сокращению возможностей искажения рыночных сигналов, которые позволяют инвесторам, в первую очередь рядовым и неискушенным, принимать взвешенные решения по поводу входа в данные инвестиционные корпорации.

Интересно в этой связи рассмотреть модель корпоративного управления чрезвычайно популярного в последние годы рынка *индексных фондов* и фондов *ETF*¹. В случае фонда *ETF* управляющая компания жестко определяет свою инвестиционную деятельность как формирование инвестиционного портфеля фонда в строгом соответствии с выбранным бенчмарком. Как уже отмечалось выше, подобный бенчмарк проще всего формализовать на основе развитого рынка биржевой торговли, когда он будет представлять собой не что иное, как совокупность инвестиционных активов, составляющих конкретный биржевой индекс. В результате управляющая компания может ограничиться пассивным управлением, состоящим лишь в относительно редких транзакциях, вызванных изменениями в структуре выбранного индекса. Иными словами, в данной модели изначально исключается сама возможность возникновения агентской проблемы со стороны управляющей компании фонда. Дело в том, что в этом случае отсутствует необходимость оценки деятельности управляющего через сравнение с бенчмарком, запуска механизма «голосования ногами» для снижения издержек управления: инвестор изначально получает желаемый результат – инвестирование посредством соответствующего фонда в выбранный рынок во всем его разнообразии. Разумеется, подобный формат фонда не позволяет инвестору рассчитывать на доходность выше, чем доходность соответствующего рынка. Однако эта доходность и не будет ниже доходности бенчмарка! А это само по себе серьезное преимущество подобных фондов. Дело в том, что многочисленные исследования последних лет убедительно доказывают тот факт, что профессиональные управляющие фондами лишь за очень редким исключением могут демонстрировать положительную альфу на протяжении достаточно длительного времени². Те небольшие издержки, которые несут инвесторы стандартного фонда *ETF*, многократно ниже альтернативных издержек транзакций при самостоятельном формировании аналогичного инвестиционного портфеля³, а для рядового инвестора эти издержки попросту являются запретительными.

Вышеизложенное наводит на мысль, что модель корпоративного управления в инвестиционных фондах является даже более тривиальной, чем модель классической акционерной корпорации, действующей в условиях развитого рынка капитала. Однако это не так, и описанная модель характерна для многочисленного по своим объемам, но достаточно узкого по своей природе спектра инвестиционных фондов. Напомним, что это фонды, осуществляющие свою деятельность на прозрачных, с низким уровнем специфичности, эффективных рынках, которые в силу этого понятны и привлекательны (в том числе через фактор ликвидности) для

---

¹ *ETF* – инвестиционный фонд (от англ. *Exchange Traded Fund*), ценные бумаги которого обращаются на бирже. Как правило, управление фондом осуществляется пассивно, поскольку структура его инвестиционного портфеля повторяет структуру выбранного базового индекса. В отличие от индексного фонда – ценные бумаги *ETF* имеют абсолютную рыночную ликвидность. В России аналогом фондов *ETF* являются *биржевые ПИФы*.

² Данный вывод подтверждается, например, в работе [3], посвященной оценке эффективности активно управляемых инвестиционных фондов Германии. Анализ показывает, что на историческом горизонте в десять лет лишь 431 фонд (или 20,57 % от их общего числа) смог продемонстрировать положительный коэффициент альфа относительно своего бенчмарка с учетом издержек на управление. Коэффициент альфа примерно у половины фондов сосредоточен в диапазоне от 0 до -2 % относительно бенчмарка по уровню среднегодовой доходности. Аналогичные результаты оставшейся части фондов распределены в диапазоне от -2 до -6 % по среднегодовой доходности относительно бенчмарка.

³ Например, в Германии средний размер вознаграждения управляющих компаний фондов *ETF*, ориентированных на индексы акций, составляет лишь 0,15 % в год от средней стоимости активов фонда.

большей части рядовых неискушенных инвесторов. Индустрия инвестиционных фондов гораздо более разнообразна в силу двух базовых предпосылок:

- рынок инвестиционных возможностей значительно превышает рынки биржевой торговли,
- круг потенциальных инвесторов существенно выходит за рамки категории «инвестор "рядовой и неискушенный"».

Рассмотрим в первую очередь основные характеристики инвестиционного рынка, который не является биржевым, а значит, эффективным, прозрачным и т. д. С одной стороны, это означает повышенные инвестиционные риски, транзакционные издержки. С другой стороны, тот же рынок открывает возможности по формированию уникального инвестиционного результата. Эта ситуация в корне отличается от классических, тех же биржевых рынков, на которых прозрачность и доступность всей существенной информации позволяет в полной мере использовать практически всем без исключения экономическим агентам общедоступные приемы и методы инвестиционного анализа (фундаментальный и технический анализ, помноженный на доступность вычислительных и информационных систем). В этих условиях профессиональный управляющий вполне способен, обладая необходимыми компетенциями, в т. ч. по снижению транзакционных издержек данного рынка (инсайдерская информация, уникальная методика оценки инвестиционных проектов и т. д.), формировать «коэффициент альфа», далеко выходящий за аналогичные значения на традиционных рынках. Сразу приходится оговориться, что неизбежно возникают серьезные методологические проблемы с оценкой коэффициента альфа, поскольку нетрадиционность рынка, его закрытость затрудняют определение бенчмарка.

Описанная ситуация не может не привлекать инвесторов. Однако в силу понятных причин доступ на данный рынок законодательно ограничен практически повсеместно для неискушенных и рядовых инвесторов. Это вполне объяснимо с точки зрения государства, поскольку неискушенные инвесторы в своей массе не могут оценить соответствующий повышенный уровень риска, а их масса при неблагоприятном развитии событий может создать уже избыточные социально-экономические риски. В совершенно ином положении находятся т. н. *квалифицированные инвесторы*, которые способны не только оценить при определенных условиях уровень риска инвестирования, но и соотнести его с собственным допустимым уровнем. К подобным инвесторам в первую очередь можно отнести т. н. *институциональных инвесторов* – банки, страховые компании, пенсионные фонды, часть физических лиц, при соответствии определенным критериям по профессиональному опыту и/или объемам инвестиционных активов.

Формат инвестиционного фонда открывает для подобного рода инвесторов принципиально новые возможности снижения транзакционных издержек. Реализуя самостоятельно инвестирование на нетрадиционных рынках, подобный инвестор вынужден формировать с высоким уровнем затрат соответствующие собственные компетенции, причем эти затраты могут оказаться избыточными или даже ненужными при изменении рыночной ситуации, что характерно для оцениваемых рынков. Немаловажно и то обстоятельство, что инвестиционный фонд, как объединение капиталов, позволяет каждому из своих участников минимизировать соответствующие риски, а кроме того, в большинстве случаев и сам фонд реализует стратегию портфельного диверсифицированного инвестирования.

На практике к подобного рода фондам относятся фонды частных, не биржевых инвестиций, такие как *Private Equity Fonds*, среди которых можно выделить выкупные (*Buy-out*) и венчурные (*Venture Capital*) фонды, а также ряд других альтернативных форм инвестиций: фонды мезонинного финансирования (*Mezzanine*

fund), фонды инфраструктурных инвестиций, определенные фонды недвижимости и, разумеется, хедж-фонды (*Hedge fund*).

На первый взгляд конструкция инвестиционного фонда, который ориентирован на квалифицированных инвесторов и нетрадиционные рынки, не имеет принципиальных отличий от так называемых розничных фондов (ритейл-фонд), предназначенных для широких слоев инвесторов и осуществляющих свою деятельность преимущественно на эффективных, традиционных рынках. Тем не менее, это не так. В первую очередь остановимся на таком важном моменте, как отсутствие бенчмарка, который может служить ориентиром для оценки эффективности работы менеджмента фонда. Во-вторых, нетрадиционные рынки априори характеризуются низкой ликвидностью, подвержены искажающему влиянию как рыночных, так и нерыночных сигналов, реальные эффекты инвестиций формируются очень медленно, что дополнительно затрудняет оценку менеджмента, во всяком случае, на основе элементарных показателей, таких как доходность фонда за непродолжительный период времени. И наконец, в-третьих, специфика инвестиционного рынка неизбежно накладывает ограничения на возможность свободного входа и выхода инвесторов из данной корпорации («голосование ногами») – механизм корпоративного контроля, который с высокой эффективностью работает в условиях рыночных фондов и аутсайдерской модели. На практике большинство подобных фондов создается как закрытые или в таких организационно-правовых формах, которые затрудняют выход участников из инвестиционной корпорации.

В этих условиях неизбежно формируется принципиально иная модель разрешения основных проблем интеграции участников и заинтересованных лиц фонда. В этой модели основную роль играют уже не рыночные, внешние по отношению к корпорации механизмы, а механизмы внутреннего взаимодействия основных групп участников. Забегая несколько вперед, можно уже сейчас обозначить эту модель как определенный вариант «инсайдерской модели» корпоративного управления.

Несмотря на то что данная модель по своей природе направлена на согласование интересов различных групп участников корпоративных отношений, начнем с хорошо понятной и уже рассмотренной выше проблемы согласования интересов инвесторов фонда и его менеджмента, которая, как отмечалось выше, трактуется как проблема оппортунизма менеджмента, или снижения агентских издержек.

Разрешение данной проблемы осуществляется с учетом специфики организационно-правовой формы, которая характерна для рассматриваемых инвестиционных фондов. Поскольку данные фонды ориентированы, в первую очередь, на ограниченное число квалифицированных инвесторов, то в большинстве случаев они не имеют громоздкой формы акционерного общества (акционерной корпорации) и создаются в форме различного рода партнерств (в Германии – *Kommanditgesellschaft*, в США/Великобритании – *Delaware/UK limited partnership* и т. д.)⁴. Форма партнерства, с одной стороны, позволяет предоставить менеджменту необходимые и достаточно широкие полномочия по осуществлению инвестиционной деятельности, а с другой – фиксирует принципиально важное для инвесторов положение об ограниченной ответственности.

Отсутствие избыточных законодательных требований в данном случае расширяет инвестиционные возможности, снижает избыточные трансакционные издержки управления, но одновременно увеличивает угрозу издержек оппортунизма менеджмента, не связанного законодательными нормами, требованиями рынка капитала (например, биржи) по раскрытию информации, соблюдению прав инвесто-

---

⁴ Усилия по развитию аналогичного рынка с точки зрения законодательства предпринимаются и в России, см. [4].

ров и т. д. Все это многократно усиливается спецификой и непрозрачностью самого рынка, на котором осуществляется инвестиционная деятельность, отсутствием реальной возможности выхода инвестора из партнерства: вторичный рынок обращения долей участия в подобных обществах существует, как правило, лишь номинально.

Подобная ситуация формирует системные риски для всей индустрии фондов альтернативных инвестиций. Более того, масштаб данной индустрии, даже в части такой категории, как хедж-фонды, является критичным для мировой финансовой системы, что продемонстрировала острая фаза кризиса 2007–2008 гг. Одним из направлений по снижению подобного рода рисков стали усилия по совершенствованию процессов корпоративного управления в фондах альтернативных инвестиций. Роль лидера по обобщению лучших практик в данном направлении взяла на себя Ассоциация партнерств институциональных инвесторов (*Institutional Limited Partners Association – ILPA*) – некоммерческое объединение институциональных инвесторов, осуществляющих инвестиции на рынке *Private Equity Funds*⁵. Усилия данной ассоциации направлены, в первую очередь, на создание большей прозрачности при реализации договорных обязательств в рамках инвестиционных партнерств. При этом постоянно подчеркивается значимость дискуссии с менеджментом данных партнерств о создании предпосылок к долгосрочному и успешному развитию рынка данного рода фондов.

В сентябре 2009 года Ассоциация впервые опубликовала ряд положений и рекомендаций по корпоративному управлению в инвестиционных фондах (*Fund Governance for Private Equity Funds*) – т. н. «*ILPA Private Equity Principles*». В этих положениях отражены три основных принципа корпоративного управления для данной категории фондов:

- согласование интересов участников;
- защита инвесторов и
- прозрачность.

Опубликование данного документа совпало по времени с возрастанием критики менеджмента большей части инвестиционных фондов рынка *Private Equity*, вызванной кризисными процессами в мировой экономике и финансах. В силу этого положения, предлагаемые Ассоциацией, вызвали значительный благоприятный резонанс со стороны инвесторов, хотя менеджмент фондов по вполне понятным причинам усматривал в них отход от прежних стандартов классического рынка.

В январе 2011 года Ассоциация ILPA опубликовала переработанный вариант принципов – т. н. «*ILPA- Principles 2.0*» [5]. Новую редакцию документа отличает бóльшая детализация сформулированных ранее базовых принципов, в том числе с учетом критики со стороны представителей менеджмента инвестиционных фондов [6].

Согласование интересов и структура вознаграждения

Важнейший принцип – согласование интересов участников – находит свое отражение и в таком принципиальном вопросе, как структура вознаграждения управляющих фондом. Данная структура должна обеспечивать создание стимулов для успешного управления фондом и исключать формирование неверных и искажающих стимулов. Давая оценку компонентам вознаграждения менеджеров, Ассоциация ILPA подчеркивает значение переменной части вознаграждения, зависящей от величины инвестиционного результата. Фиксированная часть вознаграждения должна покрывать лишь возникающие затраты. Кроме этого, необходи-

---

⁵ В наши дни Ассоциация объединяет более 240 институциональных инвесторов, осуществляющих инвестиции на рынке *Private Equity* с совокупным объемом более 1 трлн долларов. (См. <http://ilpa.org/>).

мым условием является инвестирование собственных средств (от 1 до 3 % активов совокупных активов) менеджментом фонда. Угроза держать свои деньги «под огнем» вынуждает менеджеров более ответственно подходить к участию в рискованных инвестициях («*skin in the game*»). В то же время рекомендации не настаивают на раскрытии распределения вознаграждения внутри самой группы менеджеров, как это было в первой версии Принципов.

Менеджеры фондов получают долю (как правило, 20 %) от прибыли на капитал (*Carried Interest; Carry*), но отнюдь не в прямой пропорции. Уже *ILPA-Principles 1.0* предусматривали, что выплата *Carry* осуществляется лишь после того, как инвесторы, по истечении срока жизни фонда, не только вернули себе объем первоначальных инвестиций, но и получили определенную минимальную доходность (*hurdle rate*).

ILPA-Principles 2.0 учитывают, что многие американские фонды предусматривают выплату вознаграждений менеджменту по отдельным инвестиционным операциям (*deal-by-deal Carry*). В дальнейшем, при расчете совокупной эффективности деятельности фонда, может выявиться избыточность выплаченных вознаграждений. В данном случае со стороны менеджмента возникает обязательство выплаты отступных, или возвратных, платежей в пользу фонда (*Clawback*). Ассоциация ILPA рекомендует минимизировать данные переплаты и осуществлять выплату вознаграждения с определенными условиями. Например, с учетом всех, а не только связанных с конкретной операцией затрат, сборов, налогов и амортизационных отчислений.

Реализация отступных, или возвратных, платежей должна осуществляться своевременно на специальные счета (не менее 30 % от выплачиваемой суммы денежными средствами) и гарантироваться солидарной ответственностью менеджмента или аффилированной менеджменту компании.

Размер сбора за управление фондом (*Management Fee*) должен покрывать лишь фактические затраты и должен снижаться после окончания периода инвестирования. Возможные в дальнейшем доходы и консультационные вознаграждения, которые получает менеджмент от компаний, входящих в инвестиционный портфель, должны полностью зачисляться в счет сборов за управление (*fee offset*).

Соучастие менеджмента в инвестициях фонда (*Co-Investments*) не должно иметь селективного, выборочного характера – менеджмент должен инвестировать во все компании (бизнесы), в которые инвестирует и сам фонд.

Корпоративное управление и права инвесторов

Менеджмент несет исключительную ответственность за руководство инвестиционным фондом. В силу этого инвесторы должны извещаться об изменениях в персональном составе менеджмента. Выход определенного числа менеджеров из руководства фондом (*Key Person Event*) должен автоматически вести к приостановке его инвестиционной деятельности. Это должно обеспечивать сохранение декларируемой стратегии инвестирования (*no style drift*) и выдерживание структуры вложений.

При нарушении менеджментом взятых на себя обязательств (*cause*) инвесторы получают возможность простым большинством голосов отстранить руководство фонда от выполнения своих обязанностей или принять решение о сокращении срока жизни фонда. Более того, договор о создании фонда должен предоставлять инвесторам подобное право и без наличия факта нарушения менеджментом своих обязательств (*no fault-right*). Правда, при этом требуется несколько более квалифицированное большинство инвесторов: для прекращения инвестиционной деятельности фонда – $\frac{2}{3}$ голосов, а для отстранения менеджмента от руководства фондом или досрочного расформирования фонда – большинство в $\frac{3}{4}$.

Наряду с Общим собранием участников фонда, Ассоциация ILPA подчеркивает роль такого органа внутрикорпоративного контроля, как Совет инвесторов (инвестиционный совет). Ключевыми задачами совета должны являться рассмотре-

ние ситуаций возможного конфликта интересов и одобрение определенных инвестиционных трансакций.

Транспарентность

ILPA-Principles 2.0 в отличие от первоначальной редакции содержит важное дополнение (*Standardized Reporting Format*), которое определяет требования к содержанию отчетности, форматы запросов на дополнительное финансирование и сообщений о выплатах. Наряду с этим менеджмент обязан раскрывать все без исключения сборы и особые доходы, получаемые им в процессе управления фондом. В годовом отчете фонда должен присутствовать раздел, посвященный риск-менеджменту, как на уровне самого фонда, так и в разрезе компаний, входящих в его инвестиционный портфель.

В целом, Ассоциация *ILPA* подчеркивает, что предлагаемый подход к корпоративному управлению инвестиционными фондами не должен восприниматься как полный и закрытый перечень необходимых действий и условий. Более того, должны учитываться особенности каждого конкретного фонда, с приоритетом эволюционного развития, однако на основе базовых принципов: согласования интересов, соблюдения прав инвесторов и транспарентности.

Одним из действенных элементов модели корпоративного управления можно считать и различные форматы саморегулирования управляющих компаний инвестиционными фондами, в том числе фондами альтернативных инвестиций. В качестве примера европейской практики можно привести немецкий Союз закрытых инвестиционных фондов (*Verband Geschlossene Fonds e.V. – VGF*). Он объединяет инициаторов и управляющие компании закрытых инвестиционных фондов, с совокупным объемом активов свыше 140 млрд евро, что составляет свыше 70 процентов соответствующих немецких фондов. В своей деятельности союз ставит основной задачей разработку и внедрение норм и правил регулирования, которые наиболее эффективно обеспечивают взаимодействие основных участников инвестиционного процесса: инвесторов и управляющих фондами, компаний и бизнесов, в которые осуществляются инвестиции, регулирующих органов и т. д. Подобные правила и корпоративные стандарты позволяют минимизировать издержки осуществления инвестиционной деятельности, снижать риски, что в целом отвечает интересам как отдельных фондов, так и всей индустрии альтернативных инвестиций на национальном уровне.

Разумеется, развитие такой категории, как *Fund Governance*, не ограничивается развитием наднациональных стандартов (примером которого могут служить *ILPA-Principles*), национальных кодексов поведения, например, управляющих компаний. Параллельно идет процесс развития соответствующих национальных законодательств в части коллективных инвестиций и, более узко, в части определенных категорий инвестиционных фондов. В качестве примера можно привести Директиву Евросоюза 2011/61/EU «Об управляющих фондами альтернативных инвестиций», принятой Европарламентом в ноябре 2011 года [7]. Интересно отметить, что объектом регулирования по данной директиве являются инвестиционные фонды, которые *не подпадают* под регулирование другой директивой Евросоюза 85/611/EWG «О координации прав и требований при управлении организациями по совместному инвестированию в ценные бумаги»⁶. Таким образом, западная законодательная практика формирует различные подходы к регулированию рыночных фондов (ориентированных на рядовых инвесторов) и инвестици-

---

⁶ Официальные сокращенные названия директивы: нем. – *OGAW (Organismus für gemeinsame Anlagen in Wertpapieren)*; фр. – *OPCVM (Organisme de placement collectif en valeurs mobilières)*; англ. – *UCITS (Undertakings for Collective Investments in Transferable Securities)*. См. [8].

онных фондов альтернативных инвестиций (ориентированных на квалифицированных и институциональных инвесторов).

Выводы. Развитие индустрии коллективных инвестиций, в том числе индустрии инвестиционных фондов, неизбежно выдвигает на первый план проблемы организации данных форм совместной экономической деятельности. Обобщаемые в категории *Fund Governance*, эти вопросы получают свое разрешение через создание соответствующих моделей взаимодействия основных участников и заинтересованных лиц инвестиционного процесса. При этом сохраняется методологическое родство рассматриваемой категории с категорией *Corporate Governance*, что, в свою очередь, дает основание говорить о существовании двух основных базовых моделей корпоративного управления в инвестиционных фондах:

- **аутсайдерской** – инвестиционные фонды, осуществляющие инвестиции на хорошо организованных и традиционных рынках и (именно поэтому) ориентированные на широкий круг рядовых неискушенных инвесторов;

- **инсайдерской** – инвестиционные фонды, реализующие инвестиции на альтернативных, менее эффективных и менее транспарентных, рынках, что определяет их ориентацию на институциональных или квалифицированных инвесторов.

Если в первом случае смыслом и содержанием модели управления является максимальное использование регулирующего воздействия рыночных механизмов, то инсайдерская модель естественным образом сосредоточивается на внутренних механизмах контроля и согласовании интересов различных участников.

Литература

1. Мецгер А. А., Первушина А. В. Корпоративное управление : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. перераб. и доп. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 768 с.
2. Мецгер А. А. Особенности корпоративного управления в семейных предприятиях Германии // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Интеграция России в мировую экономику: формирование социальной ответственности и кросс-культурной толерантности государства, бизнеса и общества». – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – Ч. 1. – С. 75–89.
3. Vergleich von Kapitalanlagegesellschaften. Studie zum empirischen Vergleich des Anlageerfolgs von Investmentfonds marktrelevanter Kapitalanlagegesellschaften. München. Institut für Vermögensaufbau (IVA) AG. 2011. – S. 26. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dsw-info.de/uploads/media/BE_11_04_12_Studie_Bewertung_von_Kapitalanlagegesellschaften.pdf
4. Об инвестиционном товариществе: Федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ. Принят Государственной Думой 21 ноября 2011 года.
5. Private Equity Principles. Version 2.0. January 2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ilpa.org/index.php?file=/wp-content/uploads/2011/01/ILPA-Private-Equity-Principles-version-2.pdf&ref=http://ilpa.org/ilpa-private-equity-principles/&t=1379420428>
6. Mardini T., Bärenz U. Fund Governance bei Private Equity Fonds – die neuen ILPA-Prinzipien. – Juve Handbuch, 2011/2012. – S. 2–3.
7. Richtlinie 2011/61/EU des Europäischen Parlaments und des Rates vom 8. Juni 2011 über die Verwalter alternativer Investmentfonds. [Электронный ресурс]. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:174:0001:0073:DE:PDF>
8. Richtlinie 85/611/EWG des Rates vom 20. Dezember 1985 zur Koordinierung der Rechts- und Verwaltungsvorschriften betreffend bestimmte Organismen für gemeinsame Anlagen in Wertpapieren (OGAW). [Электронный ресурс]. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31985L0611:DE:HTML>

УДК 339.138

Хмелькова Наталья Владимировна

канд. экон. наук, доцент, завкафедрой
экономики и информатизации
Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)
E-mail: umnichka-72@mail.ru

Khmelkova Natal'ya Vladimirovna

Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of Economics and Informatization Chair,
Applied Informatics Department, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ПАРТНЕРА
В КО-БРЕНДИНГОВОМ
СТРАТЕГИЧЕСКОМ
МАРКЕТИНГОВОМ АЛЬЯНСЕ**

**ON THE SELECTION
OF CO-BRANDED STRATEGIC
MARKETING ALLIANCE
PARTNER**

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные аспекты выбора партнера для ко-брендинга на основе соответствия (конгруэнтности) брендов. Обосновано влияние двух составляющих конгруэнтности на когнитивный и аффективный компоненты потребительского отношения к ко-брендингу, приведены результаты авторского маркетингового исследования ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов с различными партнерами.

Ключевые слова: ко-брендинговый стратегический маркетинговый альянс; ко-бренд; конгруэнтность брендов; ожидания; релевантность; потребительское отношение.

Abstract

Some aspects of a co-branding partner selection based on matching (congruent) brands are considered. The influence of two congruence components on the cognitive and affective parts of consumer attitudes to co-branding is defined, the results of the author's market research of co-branded strategic marketing alliances with various partners are presented.

Keywords: co-branding strategic marketing alliance; co-brand; brand congruency; expectations; relevance; consumer attitude.

На протяжении последних десятилетий неуклонно растет значение брендов, обретающих в условиях современной экономики, отличающейся сверхнасыщенностью товарных рынков и гиперконкуренцией, роль «глобальных коммуникаторов между продавцами, товарами и покупателями» [1. С. 167]. Усиливающееся влияние брендов олицетворяет растущий приоритет нематериального сектора в структуре постиндустриального общества.

Брендинг превращается в неотъемлемый элемент деловых стратегий современных организаций. Вместе с тем сами эти стратегии трансформируются под влиянием глобализации и усложнения рынков. В частности, стремясь противостоять вызовам внешней среды, организации все чаще ищут источники конкурентных преимуществ в сотрудничестве и интеграции своих ресурсов, знаний и технологий, что приводит к росту значения стратегических альянсов и сетей [2. С. 23].

Актуальные направления развития интеграционных процессов определяются проблемными областями в деятельности организаций. В их числе специалисты выделяют кооперацию в области НИОКР, совместное производство и взаимодействие в рамках маркетинговых программ [3]. Стратегические альянсы в маркетинговой сфере занимают в этом ряду особое место, поскольку определяющее значение маркетинга в достижении организациями долгосрочного стратегического успеха на современном рынке является общепризнанным. Как указывают Р. Экрол и

Ф. Котлер, в постиндустриальной экономике вертикальная интеграция становится неактуальной и вертикально интегрированные группы уступают место маркетинговым сетям. Маркетинговые сети возвышаются над иерархиями производства и обмена знаниями, преобразуя многие аспекты традиционных процессов маркетинга [4. С. 352, 356].

Как показывают исследования, стратегические маркетинговые альянсы охватывают различные элементы и уровни маркетинговой деятельности организаций. В их числе ко-брендинговые стратегические маркетинговые альянсы, основанные на объединении брендов организаций.

Ко-брендинг порождает сложный комплекс теоретико-методологических вопросов, которые в настоящее время еще не решены маркетинговой наукой в системном виде. Центральным из них выступает вопрос о выборе партнера для заключения ко-брендингового стратегического маркетингового альянса. Его актуальность обусловлена стремлением организаций реализовать через ко-брендинг потенциал синергии за счет «капитализации» сильных сторон каждой из марок, которые объединяются в альянс [5].

В данной статье автором рассмотрены некоторые важные аспекты выбора партнера для ко-брендинга на основе учета фактора соответствия объединяющихся брендов, представлены результаты эмпирического маркетингового исследования.

Стратегические маркетинговые альянсы и ко-брендинг: теоретические подходы. Под стратегическим маркетинговым альянсом мы понимаем форму взаимодействия двух или нескольких независимых организаций для совместной разработки и реализации маркетинговых программ путем координации необходимых знаний, ресурсов и инструментария с целью удовлетворения потребителей и для улучшения маркетингового потенциала участников альянса. Типологизация стратегических маркетинговых альянсов, проведенная нами на основе методологии модели «маркетинг-микс» (4 «Р»), показывает, что организации объединяют свои маркетинговые усилия в соответствии с элементами комплекса маркетинга, что порождает возникновение нескольких форм альянсов, в числе которых рекламные альянсы и маркетинговые коалиции, сбытовые альянсы, ценовые альянсы и продуктовые альянсы. Анализ выделенных форм альянсов в исторической ретроспективе позволяет сделать вывод, что их генезис также подчинен логике комплекса маркетинга и протекает в направлении перехода от альянсов по «продвижению», «сбыту» и «цене» к продуктовым стратегическим маркетинговым альянсам, основанным на ко-брендинге [6].

Внедорожник Nissan Columbia, бытовая техника Siemens PorscheDesign, люксовый сотовый телефон LG Prada, спортивный концепт-кар Citroën Lacoste, «женская» банковская карта Альфа-банк Cosmopolitan, лимитированные серии автомобилей Volkswagen Sochi Edition и Skoda Sochi Edition, выпущенные на российский рынок к Олимпийским играм–2014 в Сочи, – вот лишь некоторые примеры ко-брендинговых альянсов, заключенных корпорациями различных стран и сфер бизнеса в последние годы. По существующим оценкам, в мире происходит неуклонное увеличение числа подобных маркетинговых союзов. По данным, представленным в отдельных исследованиях, их количество ежегодно растет на 40 % [7].

Принципиальным отличием ко-брендинга от других форм стратегических маркетинговых альянсов, выделенных нами на основе модели комплекса маркетинга, является «совместное брендование» (ко-брендование), или выпуск на рынок товаров и услуг, в названии которых объединены марки партнеров, заключивших альянс. Вследствие этого, с развитием ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов в эволюции восприятия потребителями продукта организации, происходящей под влиянием трансформации технологий, потребностей и

рынка, наряду с традиционно выделяемыми фазами товара, торговой марки и бренда [8], возникает новый этап, характеризующийся объединением брендов.

Поскольку ко-бренды являются сущностями, производными от брендов, и возникают в результате объединения двух (или более) ранее не связанных друг с другом марок в единое целое – совместный бренд, их определение связано с определенной методологической трудностью. Она обусловлена тем, что до настоящего времени в литературе не сложилось единого мнения о том, что представляет собой «бренд» [9. С. 9]. Изучением и определением сущности брендов занимаются представители различных научных дисциплин, что обусловлено сложным синтезом психологических, социологических, экономических и многих иных измерений в природе брендов. Рассмотрение феномена бренда как междисциплинарного атрибута позволяет многогранно описать его сущность [10]. Вместе с тем необходимо учитывать, что фундаментальным процессом в маркетинге является потребление, связанное с формированием сложного чувственного опыта восприятия потребителями товаров и услуг. Поэтому, как указывают Р. Экрол и Ф. Котлер, доминирующим подходом к изучению потребительского поведения в рамках существующей парадигмы маркетинга на протяжении последних десятилетий остается когнитивная психология [4. С. 353]. Это, в свою очередь, обуславливает доминирование психологического подхода в маркетинговой трактовке брендов. Именно в таком ключе рассматривает данное понятие большинство видных авторитетов брендинга, включая в бренд помимо самого товара, его марочного названия, логотипа и фирменной упаковки «мысленный образ товара, ассоциации, возникающие у его потребителя» [11. С. 60, 65].

Исходя из такого понимания, в маркетинге «закрепилось» понимание бренда как суммы всего познавательного опыта человека, формирующегося в процессе восприятия вещи, продукта или компании, который, согласно представлениям современной когнитивной психологии, хранится в сознании человека в форме ассоциативных сетей. Ф. Котлер и В. Пфферч, рассматривая бренд с точки зрения системы ассоциаций, определяют его как набор ожиданий и ассоциаций, возникающих у потребителя вследствие взаимодействия с компанией, товаром или услугой [12]. Д. Аакер и Э. Йохимштайлер понимают под брендом уникальный набор ассоциаций, указывающий на причину существования бренда и содержащий в себе обещание потребителю от производителя [13]. Для К. Л. Келлера бренд – это набор ассоциаций, возникающих в сознании потребителей, которые добавляют воспринимаемую ценность к товару или услуге [14]. Российские исследователи брендов В. Перция и Л. Мамлеева предлагают определение бренда как «набора восприятий в воображении потребителя» или «всего того, что приходит в голову человеку относительно продукта, когда он видит его логотип или слышит название» [15].

В итоге, основываясь на «психологической» трактовке бренда, общепринятой для современной маркетинговой теории, можно «сконструировать» теоретическое определение ко-бренда, под которым мы предлагаем понимать комплекс ожиданий и ассоциаций, возникающих у потребителя в результате объединения брендов совместно действующих организаций и добавляющих товару или услуге воспринимаемую ценность.

Подход к пониманию ко-брендов как «продукту» познавательной деятельности потребителя, результатом которой является формирование в его сознании новых ассоциативных сетей, хорошо объясняет, почему совместный брендинг требует создания намного более глубоких связей между брендами, чем простое совместное использование логотипов. Устойчивые связи призваны обеспечить синергетический эффект для потребителя в контексте различных продуктов, ценностей и идей, которые представляют бренды. Не имея возможности установить прочную смысловую связь между торговыми марками, вовлеченными в партнер-

ство, потребитель не может увидеть ценность объединения и почувствовать эффект синергии [16]. Таким образом, ввиду обозначенного выше понимания брендов и ко-брендов, методологической основой для выбора партнера для заключения ко-брендингового стратегического маркетингового альянса должны служить подходы, позволяющие объяснить логику и закономерности установления в сознании потребителей ассоциативных связей между марками, объединяющимися в совместный бренд.

Влияние соответствия брендов на потребительское отношение к ко-брендингу с различными партнерами. В работах, посвященных ко-брендингу, можно обнаружить широкое разнообразие терминов, с помощью которых их авторы обозначают связь, соответствие, сходство, совместимость и сочетаемость брендов в стратегическом маркетинговом альянсе – «*link*», «*relatedness*», «*matching up*», «*similarity*». Однако характер традиции приобрело использование категории «*perceived fit*» («воспринимаемое соответствие»), заимствованной из работ Д. Аакера и К. Л. Келлера по расширениям брендов и употребляемой в англоязычной литературе по ко-брендингу в значении «воспринимаемая потребителями совместимость брендов в альянсе друг с другом».

Поиск глубинных причин, обуславливающих важность соответствия брендов для заключения успешного стратегического маркетингового альянса, определил выбор исследователями ко-брендинга психологической парадигмы конгруэнтности в качестве методологической основы определения «правильного» партнера для объединения брендов. Исходя из этого, сущность воспринимаемого соответствия брендов в рамках альянсов в современных работах по ко-брендингу раскрывается через категории «конгруэнтность» (*congruence*) и «неконгруэнтность» (*incongruence*), поскольку, как утверждает Т. Гэд, «самое главное – это проверить, насколько соответствуют друг другу стиль, миссия, видение и ценности двух брендов» [17].

Центральным постулатом учения о конгруэнтности¹ является рассмотрение соответствия в качестве ядра когнитивной ориентации человека, обеспечивающего сбалансированность его познавательной структуры. В когнитивной психологии понятие конгруэнтности было введено Ч. Осгудом и П. Танненбаумом [18]. Они предложили ее понимание как совпадение оценок, даваемых человеком различным объектам, указав, что вопрос о соответствии возникает в том случае, когда речь идет об ассоциациях в отношении двух или большего числа сущностей. Лишь тогда субъекту необходимо иметь суждения относительно того, являются ли эти объекты конгруэнтными или неконгруэнтными. Именно этим, по мнению И. Джериди и Э. Тисье-Дезборд [19], обусловлен интерес к проблеме конгруэнтности в рамках теории ко-брендинга, поскольку объединение двух марок в альянсе порождает проблему их соответствия и, как следствие, влечет за собой необходимость оценки потребителем степени их конгруэнтности.

Конгруэнтность, если исходить из получившего широкое признание в исследованиях ко-брендинга подхода С. Хеклера и Т. Чайлдерса [20], является би-пространственным понятием, включающим в себя две составляющие: «ожидание» (*expectancy congruence*) и «релевантность» (*relevancy congruence*). Ожидания отражают суждения людей относительно развития событий в будущем в зависимости от существующих в их сознании устоявшихся представлений. С этой точки зрения уровень конгруэнтности определяется тем, насколько новая информация о событиях и объектах «укладывается» в уже сформировавшуюся у человека «карти-

---

¹ Конгруэнтность (от латинского слова «*congruens*» – соразмерный, соответствующий, совпадающий) – означает соответствие или подобие.

ну мира». Релевантность предполагает наличие во взаимодействиях различных объектов определенной логики, позволяющей установить между ними соответствие посредством ассоциаций. В этом смысле конгруэнтность зависит от того, насколько новая информация, заключенная в стимулах², способствует закреплению уже существующих когнитивных схем либо создает угрозы их размывания.

Отметим, что понятие когнитивной схемы (*schemata*), или прототипа, является для учения о конгруэнтности ключевым, поскольку уровень соответствия может быть определен лишь по отношению к тем представлениям, которые уже сформированы. Заключение ко-брендингового альянса активизирует существующие в сознании потребителя схемы продуктов и брендов, и ему необходимо воспринять тот факт, что два самостоятельных бренда действуют на рынке совместно, и оценить, имеет ли данное объединение какой-либо смысл и, как следствие, ценность с точки зрения уже существующих у него представлений.

Исходя из такого понимания конгруэнтности, Н. Флек, Дж. Мишель, Х. Гатиньон показывают, что каждая из ее составляющих завязана на свой компонент потребительского отношения к объединению брендов [7]. Процесс носит двойственный характер, поскольку с точки зрения современной теории потребительского поведения отношение потребителя к объекту (товару, бренду и т. д.) определяется его мнениями (когнитивный компонент) и чувствами (аффективный компонент) в отношении его [21]. Когнитивный компонент отражает «верования» потребителя относительно бренда, формируемые на основе знаний об его атрибутах, и определяет степень потребительской убежденности в том, что бренд соответствует заявленным в нем характеристикам. В свою очередь, аффективный компонент отражает чувства и эмоциональные реакции, вызываемые брендом у потребителя [22].

Основываясь на этом, Флек и ее коллеги полагают, что релевантность брендов будет формировать когнитивный аспект отношения к ко-брендингу, определяя уровень воспринимаемого доверия потребителей к их объединению. По их мнению, низкий уровень релевантности, означающий неспособность потребителей увидеть и понять связь между брендами и, как следствие, объяснить себе логику их объединения, исходя из имеющихся знаний и представлений о брендах, будет рождать высокий уровень недоверия к их альянсу. В свою очередь, ожидания будут определять аффективный компонент потребительского отношения к ко-брендингу, означая уровень воспринимаемой потребителями новизны или нетривиальности комбинации брендов в альянсе. Данное утверждение базируется на представлениях о психологических механизмах влияния «эффекта новизны» на поведение человека. Д. Берлайн в связи с этим пишет, что «новизна стимулирует и радует, в особенности тогда, когда она удивляет, привносит перемены, создает неясность... а также расхождение между тем, что ожидаешь, и тем, что происходит» [23]. Иными словами, новизна привлекает внимание, создает стимулирующее действие. Поэтому для получения эмоционального удовлетворения от ко-брендинга необходим определенный уровень неконгруэнтности³, который будет формировать ощущение нового и необычного от объединения брендов, делая их альянс интересным для потребителей.

---

² Другие события, объекты и люди, активизирующие существующие в памяти когнитивные схемы.

³ Речь идет о некотором среднем уровне неконгруэнтности. Полная конгруэнтность будет восприниматься потребителями как слишком тривиальная и предсказуемая и, следовательно, не будет вызывать с их стороны заинтересованного отношения. Что касается ситуации экстремальной неконгруэнтности, то, как полагает Мандлер, ее следует избегать, поскольку она может спровоцировать психологическое состояние фрустрации и тревоги, связанной с несбывшимися ожиданиями, следствием которых станут негативные потребительские оценки [24].

В итоге, делают вывод Флек и коллеги, для максимизации когнитивного компонента потребительского отношения к ко-брендингу необходим высокий уровень релевантности брендов в альянсе, тогда как максимизация аффективного компонента отношения происходит при низком уровне ожиданий потребителей, когда объединение двух брендов в определенной степени является для потребителей неожиданностью. Таким образом, в их понимании, наилучшие потребительские оценки ко-брендинга по обоим компонентам потребительского отношения можно прогнозировать в ситуации низкого уровня ожиданий и высокого уровня релевантности, что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что альянс таких брендов будет наиболее успешным (рис. 1).

		Ожидания	
		Высокие	Низкие
Релевантность	Высокая	Когнитивный компонент <i>max</i> . Аффективный компонент <i>min</i>	Когнитивный компонент <i>max</i> . Аффективный компонент <i>max</i>
	Низкая	Когнитивный компонент <i>min</i> . Аффективный компонент <i>min</i>	Когнитивный компонент <i>min</i> . Аффективный компонент <i>max</i>

Рис. 1. Матрица влияния конгруэнтности брендов на потребительское отношение к ко-брендингу⁴

Эмпирическая оценка соответствия брендов в ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсах. В целях эмпирической проверки описанных выше взаимосвязей конгруэнтности и компонентов потребительского отношения к ко-брендингу нами было проведено маркетинговое исследование, в рамках которого изучались четыре ко-брендинговых альянса на рынке сотовых телефонов⁵. В качестве инструмента исследования были использованы вопросы с балльными шкалами, построенными на основе методики «семантического дифференциала».

На первом этапе была выполнена оценка конгруэнтности ко-брендинговых альянсов, что позволило позиционировать их в соответствующих сегментах представленной выше матрицы (рис. 2). Респонденты по пятибалльной шкале (где 1 – минимальная оценка, а 5 – максимальная оценка) оценивали, насколько объединение данных брендов является гармоничным, понятным, «правильным» с точки зрения близости их имиджей (*релевантность*), а также насколько их альянс является для них предсказуемым или, напротив, неожиданным (*ожидания*).

		Ожидания	
		Высокие	Низкие
Релевантность	Высокая	MTC Nokia	MTC Huawei
	Низкая	Adidas Samsung	Adidas Shanzhai

Рис. 2. Позиционирование ко-брендинговых альянсов в соответствии с уровнем их конгруэнтности

⁴ Матрица разработана автором на основе работы [7].

⁵ Были изучены три реальных альянса, заключенных на рынке сотовых телефонов, – MTC Huawei, Adidas Samsung и Adidas Shanzhai и один гипотетический альянс – MTC Nokia.

На *втором этапе* оценивалось потребительское отношение к каждому из рассматриваемых альянсов. В итоге гипотеза о влиянии конгруэнтности на компоненты отношения потребителей к ко-брендингу нашла частичное подтверждение. Наилучшие результаты были получены не по альянсу МТС Huawei, для которого характерен высокий уровень релевантности и низкий уровень ожиданий потребителей, а по альянсу МТС Nokia, отличающемуся высокой конгруэнтностью по обоим составляющим. Потребители продемонстрировали наиболее высокий уровень доверия к продукции данного альянса, оценив вероятность существования на рынке сотового телефона под совместным брендом данных компаний в 71 %, несмотря на то, что такой альянс никогда не был заключен в действительности. При этом вероятность существования сотового телефона под совместным брендом МТС Huawei была оценена респондентами в 61 %, Adidas Samsung – в 41 %, Adidas Shanzhai – в 30 %. Иными словами, несмотря на то что такие продукты в действительности были выпущены на рынок, большая часть респондентов не верит в возможность их существования.

54 % респондентов указали на готовность приобрести телефон МТС Nokia и порекомендовать его покупке своим родным, друзьям, знакомым. Лишь 27 % респондентов высказали аналогичное мнение в отношении сотового телефона Adidas Samsung. При этом ни один из респондентов не высказал желания приобрести продукцию альянсов МТС Huawei и Adidas Shanzhai, заключение которых не соответствует их ожиданиям.

Заключение. Представленные в данной статье теоретические и практические результаты стимулируют интерес к активному изучению проблемы соответствия брендов в стратегических маркетинговых альянсах и способствуют развитию парадигмы конгруэнтности в ко-брендинге. Автор выражает уверенность, что дальнейшие исследования конгруэнтности позволят организациям заключать альянсы с «правильными» партнерами, взаимодействие с которыми обеспечит положительные результаты для всех участников.

Литература

1. Мильберт И. П. Эволюция брендов и роль брендинга в постиндустриальной экономике // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 167–173.
2. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. – СПб. : Питер, 1998. – 896 с.
3. Юрков С. Международные стратегические альянсы как механизм корпоративного роста // Экономические стратегии. – 2001. – № 5–6. – С. 128–135.
4. Экрол Р., Котлер Ф. Границы парадигмы маркетинга в третьем тысячелетии (ч. 1) // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2012. – № 5. – С. 350–362.
5. Leuthesser L., Kohli S., Suri R. 2 + 2 = 5? A Framework for Using Co-branding to Leverage a Brand // Brand Management. – 2003. – № 1. – Vol. 11. – P. 35–47.
6. Хмелькова Н. В., Агеносов А. В. Сущность и формы стратегических маркетинговых альянсов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 1. – С. 104–111.
7. Fleck, N.D., Michel, G., Gatignon, H. The Dual Process of Co-branded New Products: Why Fit is Not All That Matters, Working paper, INSEAD, France, 2012. – 42 p.
8. Капустина Л. М., Решетило Т. Л. Маркетинговые технологии брендинга. – Екатеринбург, 2009. – 104 с.
9. Комарова Ю. В. Репутация и имидж товарного бренда // Наука страны как гарант стабильного развития : материалы XXIII Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 26–27 июля 2012 г.). – Горловка : ФЛП Пантюх Ю. Ф., 2012. – С. 8–11.

10. Краснослободцев А. А., Басова М. М. Междисциплинарный дискурс категории бренд: особенности влияния на эффективность управления персоналом // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2009. – № 12. – С. 30–39.
11. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории. – Екатеринбург, 2013. – 408 с.
12. Котлер Ф., Пфферч В. Бренд-менеджмент в 2В-сфере. – М. : Вершина, 2007. – 432 с.
13. Аакер Д. А., Йохимштайлер Э. Бренд-лидерство: новая концепция брендинга : пер. с англ. – М. : Изд. дом Гребенникова, 2003. – 380 с.
14. Келлер К. Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. – М. : Вильямс, 2005. – 704 с.
15. Перция В., Мамлеева Л. Анатомия бренда. – М. : Вершина, 2007. – 288 с.
16. Линдстром М. Brand sense = Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов : пер. с англ. – М. : Эксмо, 2006. – 272 с.
17. Гэд Т. 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. – 229 с.
18. Osgood C. E., Tannenbaum P. H. The Principle of Congruity in the Prediction of Attitude Change // Psychological Review. – 1955. – № 1. – Vol. 62. – P. 42–55.
19. Tissier-Desbordes E., Jeridi I. Alliances de Marques : Vers une Meilleure Exploration de la Relation Perceptuelle Entre les Marques [Electronic resource]. – URL: www.marketing-trends-congress.com/2010.../Jeridi_Tissier_Desbordes.pdf.
20. Heckler S. E., Childers T. L. The Role of Expectancy and Relevancy in Memory for Verbal and Visual Information: What is Incongruity? // Journal of Consumer Research. – 1992. – № 1. – Vol. 18. – P. 475–492.
21. Энджел Ф., Блэкуэлл Р., Миниард П. Поведение потребителей. – СПб. : Питер, 1999. – 780 с.
22. Алешина И. В. Поведение потребителей. – М. : ФАИР-Пресс, 2000. – 384 с.
23. Ламбен Ж. Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. – СПб. : Питер, 2004. – 800 с.
24. Mandler G. The Structure of Value: Accounting for Taste. In M.S. Clark T. T. Fiske (Eds.), Affect and Cognition: The 17th annual Carnegie symposium. – 1982. – P. 3–36.

Раздел 3

**Правовая и политическая культура
в социальной, государственной,
военной истории России и мира**

УДК 341.231.14

Глушкова Светлана Игоревна

д-р полит. наук, профессор,
замдекана юридического факультета,
завкафедрой прав человека Гуманитарного
университета (г. Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета
Париж-Запад (Франция)
E-mail: glsvig@yandex.ru

Glushkova Svetlana Igorevna

Doctor of Political Sciences, Professor,
Deputy Dean of Legal Department,
Head of Human Rights Chair, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg), Visiting Professor of Université
Paris X – Nanterre (France)

**РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В XX – НАЧАЛЕ XXI В.:
ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛОЗУНГА
К «УБЕЖИЩУ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»**

**THE DEVELOPMENT OF HUMAN
RIGHTS IDEA IN THE TWENTIETH
AND AT THE BEGINNING
OF THE TWENTY-FIRST CENTURY:
FROM POLITICAL SLOGANS
TO «SHELTER FOR PERSON»**

Аннотация

В статье С. И. Глушковой анализируется эволюция идеи прав человека, рассматривается многообразный и системный характер прав человека, формирование междисциплинарной (интегральной) науки прав человека, различные подходы к пониманию прав человека, новые направления и тенденции развития идеи прав человека.

Ключевые слова: права человека; междисциплинарная (интегральная) наука прав человека; культура прав человека; индивидуальные, групповые и коллективные права; поколения прав человека.

Abstract

The S. I. Glushkova's article analyzes the evolution of human rights idea and highlights the diverse and system nature of human rights, the creation of interdisciplinary (integrated) science of human rights; various approaches to human rights understanding, new directions and tendencies of human rights idea development are considered as well.

Keywords: human rights; interdisciplinary (integrated) science of human rights; human rights culture; individual rights; group law and collective rights; human rights generations.

В современных гуманитарных и юридических науках права человека рассматриваются как основа для универсальных правовых стандартов, как одно из главных достижений и ценностей демократического общества и государства, как открытое пространство для научных исследований, как предмет для правового и гуманитарного мониторинга соблюдения и защиты прав человека на международном, государственном и общественном, федеральном и региональном уровнях.

Анализируя эволюцию идеи прав человека, которая пронизывает все стороны жизнедеятельности человека, функционирования государства и развития общества, в истории XX – начала XXI в. можно отметить следующие направления ее развития:

1) от сугубо юридической идеи, теории, доктрины – к междисциплинарной науке прав человека;

2) от политического лозунга, составного элемента программ политических партий и избирательных программ политиков разных уровней (данный лозунг и элемент постепенно стал присущ не только либералам, но отчасти и консерваторам и радикалам) революций и демонстраций, реформ и преобразований – к «убе-

жишу для человека» (этот термин был введен в начале XXI в. известным правоведом, одним из создателей Конституции РФ 1993 г. и Гражданского кодекса РФ С. С. Алексеевым);

3) от монополии классической концепции прав человека и/или концепции трех поколений прав человека – к признанию многообразия концепций и теорий прав человека;

4) от понимания прав человека как ценности, возникшей только в Западной Европе и исключительно присущей только европейскому менталитету и культуре – к универсализации идеи прав человека, признанию права на существование различных национально-культурных концепций прав человека;

5) от поисков истоков и оснований для идеи прав человека в христианской культуре – до признания наряду с этим и других национально-религиозных истоков и оснований развития идеи прав человека.

При всем многообразии понятий, концепций прав человека, все же, как справедливо отмечает Е. Н. Рахманова, «несмотря на многовековую историю, права человека еще не имеют универсального понимания и интерпретации» [1. С. 13].

При рассмотрении различных подходов в современной гуманитарно-правовой науке к определению прав человека представляет интерес анализ существующих определений Е. Н. Рахмановой, которая отмечает: ряд специалистов отождествляет права человека и свободу, другие понимают права человека как отражение достоинства личности, третьи определяют права человека как притязание на обладание определенными предпосылками и возможностями и защиту возможностей для достойной жизни человека, ряд ученых толкует права человека как «понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству», другие видят в правах человека инструмент ограничения государственной власти [1. С. 17–18].

Многие ученые в современной России справедливо считают необходимым синтезировать разные подходы к правам человека, тем более что, по их мнению, принципиальных противоречий между названными и другими более или менее распространенными подходами нет.

В этом отношении можно согласиться с Л. И. Глухаревой, которая отмечает многоаспектный и системный характер прав человека. Среди различных аспектов прав человека она обращает внимание на следующие составляющие элементы системы прав человека: права человека «обладают защитным характером, их предназначение в идеале – оградить людей от воздействия всякого насилия и принуждения. Права человека, располагая арсеналом гарантий (индивидуального, коллективного, государственно-правового, международного уровня), обеспечивают безопасность личности, ее защищенность... Права человека имеют социальное измерение, это исключительно общественное (а не индивидуалистическое) явление, личностный, персоноцентристский принцип социальной организации» [2. С. 22–23].

Стремление синтезировать и проанализировать различные подходы к правам человека привело российских исследователей этого гуманитарного и правового феномена к созданию энциклопедического словаря по правам человека (отв. редактор С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009), инициаторами которого выступили уральские ученые из Гуманитарного университета (декан юридического факультета А. П. Семитко, завкафедрой прав человека С. И. Глушкова – автор данной статьи). При этом в качестве основного методологического подхода к исследованию прав человека при подготовке этого труда была избрана персоналистическая парадигма современной теории прав человека, в соответствии с которой «высшей и непреходящей ценностью является человеческая личность» [3. С. 25].

Среди новых понятий и подходов к изучению и преподаванию прав человека, институтов прав человека, представленных в энциклопедии и являющихся отдель-

ными темами для будущих гуманитарно-правовых исследований, могут быть отмечены следующие:

- 1) гендерное измерение прав человека;
- 2) европейская магистратура по правам человека и демократизации (в современном российском высшем образовании начинают утверждаться магистратуры по правам человека. Так, в Гуманитарном университете (г. Екатеринбург) с 2012 г. функционирует бюджетная магистратура «Правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности»);
- 3) имитация прав человека;
- 4) кафедры прав человека (в современной России действует более 10 подобных кафедр, при этом первую кафедру прав человека еще в Советской России в 90-х гг. удалось создать известному правоведа, автору многочисленных работ по правам человека Ф. М. Рудинскому, который положил начало формированию академического кафедрального сообщества исследователей прав человека);
- 5) образование в области прав человека: опыт Совета Европы (после провозглашения Советом Европы 2005 г. Европейским годом гражданственности через образование в европейских школах получила развитие и распространение стратегия ОДГ – обучения демократической гражданственности – посредством новых курсов, институтов школьного самоуправления, вовлечения школьников, учителей и родителей в инновационные проекты взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций со школами);
- 6) наука прав человека: в современной России формируется новая междисциплинарная наука прав человека. Считаю необходимым применить к ее характеристике понятие «интегральная» и говорить о междисциплинарной, интегральной науке прав человека, объединяющей политологический, социологический, философский, математический, логический, культурологический и юридический подходы и методы исследования феномена прав человека;
- 7) философия прав человека, логика прав человека и др.

Особое внимание в энциклопедии по правам человека следует обратить на категорию «право на право» (С. С. Алексеев), которую известный правовед рассматривает «в качестве важнейшей составляющей культуры прав человека, и не исключено – одним из основных прав человека вообще. Таким правом, прирожденным, неотъемлемым и неотчуждаемым, которым в современном гражданском обществе должен обладать каждый человек с момента рождения». При этом, как отмечает С. С. Алексеев, «формула "право на право" выражает гарантированную государством возможность строго правового решения данной жизненной ситуации, конфликта, столкновения интересов» [4. С. 159].

В целях развития категориального аппарата теории прав человека и выявления новых тенденций ее развития предлагаю ввести в научный оборот такое понятие, как «возраст прав человека», которое позволит рассмотреть и проанализировать различные права и свободы человека с точки зрения их развития, движения и трансформации в истории государства, права, общества различных стран мира, а также позволит по-новому посмотреть на вечную дискуссию о приоритетах и иерархии различных прав человека. «Право на право» С. С. Алексеева в таком контексте является самым древним и главным (с точки зрения возраста прав человека) правом человека, которое всегда сопровождало жизнедеятельность человека, несмотря на запреты и/или ограничения со стороны государства.

Издание первой энциклопедии по правам человека в России стало предметом для научных дискуссий в гуманитарной и юридической сферах, в рамках которых сейчас обсуждаются вопросы о возможностях обновления и дополнения энциклопедии (в том числе о выпуске многотомного издания энциклопедии) и/или вы-

пуске новой редакции энциклопедии с учетом новых подходов и методов к изучению и преподаванию прав человека, развития интегральной науки прав человека.

В целом надо отметить, что на рубеже XX–XXI вв. идея прав человека получила новое развитие и звучание, с этого периода по настоящее время в России и других странах мира мы наблюдаем новую волну в периодизации, определенный этап интереса к этой теме. В современной теории прав человека и формирующейся междисциплинарной науке прав человека появляются новые категории, новые подходы.

Наряду с энциклопедией по правам человека, за этот период вышло немало монографий (С. С. Алексеев, Л. И. Глухарева, В. Д. Зорькин, Е. А. Лукашева, Е. Н. Рахманова, А. П. Семитко, Ф. М. Рудинский, А. Ю. Сунгуров и др.), учебников (С. С. Алексеев, А. Я. Азаров, Л. И. Глухарева, С. И. Глушкова, Е. А. Лукашева, Ф. М. Рудинский и др.), защищены многочисленные диссертации по данной тематике в гуманитарной и юридической науках.

Однако тема прав человека до сих пор была и остается непреходящей основой для научных исследований (и уже не только в юридических науках, но и в социологии, политологии и других отраслях научного знания), государственного и общественного мониторинга, для развития новых институтов прав человека.

В последнее время в гуманитарных и юридических науках все более актуальным становится кросс-культурный подход ко всем явлениям и во всех научных отраслях знаний, который предполагает пересечение культур в силу глобализации и мультикультурных тенденций. В отношении прав человека в современном мире мы также можем применить этот подход, рассматривая возможности разного исхода такого пересечения культур (предлагаю использовать здесь термин «кросс-культурализация») в сфере прав человека: от столкновения до взаимодополнения правовых и политических культур, религиозных и культурных традиций.

При изучении особенностей эволюции прав человека в условиях глобализации важно обратить внимание на развитие культуры мира, культуры медиации (восстановительной культуры), а также культуры прав человека, которая должна быть составляющей любой национальной правовой культуры. Это культура понимания, использования, применения и реализации прав человека в каждой реальной жизненной ситуации. Применительно к разным странам мира мы можем говорить о высоком, среднем или низком уровне развития такой культуры в силу традиций и исторического опыта. Например, понимание того, как можно защитить свое право на жизнь и что является унижающим достоинство человека отношением и поведением, различно во многих странах. Формирование культуры прав человека должно начинаться с семьи, с уважительного отношения родителей к своим детям и детей к родителям, старшему поколению. Ибо именно на этом личностном уровне с раннего детства и закладываются основы внимательного отношения к достоинству маленького еще по возрасту человека, которые в его будущей жизни будут проявляться уже в отношении к другим людям.

Размышляя, с точки зрения западноевропейской доктрины прав человека, о логике их развития, можно сказать, что в истории мировой политико-правовой мысли идеи прав человека развивались от теорий о личных (индивидуальных) правах – к теориям о групповых (классовых правах либо правах различных социальных групп и др.) правах, коллективных правах (правах наций, народов) всех представителей человечества. И логика такой последовательности развития идей о правах человека вполне закономерна, такова во многом и история формирования самих прав человека в мировой истории (надо признать, что в большей степени эта логика развития характерна для западноевропейских стран).

Однако, наряду с такой распространенной теорией развития прав человека, можно говорить и о другой логике развития прав человека, а именно с точки зре-

ния национально-культурной и религиозно-культурной специфики. Исходя из религиозных оснований права и прав человека и соответствующих культурных традиций, права человека развивались изначально в политической и правовой культуре (как и в целом интересы индивида, группы или коллектива в национальной культуре) того или иного народа как индивидуальные, либо групповые, либо коллективные. Поэтому сегодня многие специалисты в области прав человека готовы признать сосуществование различных национально-культурных теорий, концепций прав человека (в том числе признать право за каждым народом решать вопрос о приоритете индивидуальных, групповых или коллективных прав), основываясь на мультикультурном подходе к правам человека, как и к праву в целом. Дискурс прав человека тем самым получил иное звучание в конце XX в., когда многие стереотипы (запреты, монополии, ограничения, барьеры и т. д.) в области прав человека стали постепенно уступать место здравому смыслу и подвергаться жесткой критике как со стороны юристов, так и со стороны представителей неюрисдического сообщества.

Опыт деятельности ООН, Совета Европы и других международных и региональных организаций по защите прав человека позволяет говорить о том, что многие страны до сих пор не готовы по уровню экономического развития либо не хотят из политических и/или идеологических соображений подписывать или ратифицировать те или иные стандарты прав человека, апеллируя к социальным, экономическим, религиозным и другим основаниям. Присоединение к международным стандартам прав человека не всегда, как мы видим в действительности, означает изменение национально-культурной концепции прав человека и совершенствование национального законодательства в области прав человека в конкретной стране. Известны факты имитации прав человека в той или иной стране даже после подписания и/или ратификации соответствующих стандартов прав человека либо ограниченное применение этих стандартов только к представителям титульной нации при ограничении доступа к правам человека для представителей национальных, языковых и других меньшинств.

Наука прав человека формируется сегодня в российской научной среде как междисциплинарная система знаний о правах человека. Если ранее права человека рассматривались исключительно как юридическая сфера, удел исследований юристов, то сейчас мы можем говорить о распространении и развитии идей прав человека в других науках, в частности о формировании экономической теории прав человека, политологии прав человека, антропологии прав человека, философии прав человека, социологии прав человека, логики прав человека и других направлений междисциплинарного изучения прав человека. Однако наука во многом не свободна от государственного вмешательства, и это сказывается на исследованиях и трактовке прав человека в правовой науке, которая создается, в том числе, юристами, являющимися представителями органов государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти). Это влияние во многом определяет распространенный позитивистский, этатистский подход к правам человека.

Усилия многих идеологов, политиков, исследователей долгое время занимала проблема установления приоритетов, иерархии прав человека. В связи с этим важно отметить, что групповые и коллективные права дополняют индивидуальные права, которые фактически являются естественными, неотчуждаемыми и неотделимыми правами человека, присущими ему от рождения (право на жизнь, право на личную свободу и личную неприкосновенность). С точки зрения «возраста» прав человека индивидуальные права – самые «старые», фундаментальные, универсальные и общепризнанные, имеющие религиозные и философские основания. Поэтому формирование и закрепление в международных стандартах, начиная с

послевоенного периода (после Второй мировой войны), «новых» прав (которыми стали социальные, культурные и экономические права) привело сначала к формированию антагонизма старых и новых прав.

В условиях мультикультурализма – признания наряду с универсальными правами человека также и национально-культурной специфики прав человека в каждой политической и правовой системе, культуре – важными для обеспечения индивидуальных прав являются вопросы личной безопасности и защиты индивидуального самоопределения. Среди дискуссионных в этой сфере аспектов можно выделить следующие: информационное самоопределение (защита личной информации и тайны), защита доброго имени, собственное сексуальное развитие, вопросы продолжения рода, распоряжение собственным телом после смерти, эвтаназия [5. С. 90].

Биоэтические дискуссии о правах человека в настоящее время способствуют постановке проблемы личностных прав человека (А. И. Ковлер, В. И. Крусс). Их основанием, как считает В. И. Крусс, является фундаментальная уверенность в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию», даже «фундаментальную реконструкцию». К личностным правам В. И. Крусс относит «право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, клонирование, виртуальное моделирование...» [6. С. 43].

А. И. Ковлер (экс-судья Европейского суда по правам человека от России) считает личностные права особой разновидностью личных прав человека. К личностным правам он относит такие базовые личные права, как «право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести» [7. С. 427].

Анализируя развитие идеи прав человека в современном мире, можно отметить следующую тенденцию: доступ к индивидуальным, коллективным и групповым правам, объем их использования и широта их защищенности во многом зависят от принадлежности человека к той или иной социальной, национальной, языковой, гендерной или этнической группе. Это свидетельствует о четкой и закономерной (несмотря на внушительный каталог международных и региональных стандартов по правам человека) зависимости уровня развития, признания и степени защищенности прав человека от государственной идеологии и правовой политики конкретной страны.

Наиболее болезненными при осуществлении групповых прав являются проблемы взаимоотношений титульной нации и национальных меньшинств, представителей государственной и муниципальной властей и национальных меньшинств. К этому относятся, например, конфликты в странах Балтии русскоязычного населения и титульной нации, в Турции – курдов и титульной нации, др. Дискриминация представителей национальных меньшинств остается в современном мире распространенным явлением, несмотря на существование международных стандартов по правам национальных меньшинств, а также осуждение подобных фактов дискриминации со стороны международных организаций по защите прав человека.

Актуальным в связи с этим является вопрос о качестве и эффективности международных стандартов и в целом системы международной защиты прав человека в современном мире, как в отношении прав этнических, религиозных и языковых меньшинств, так и в отношении других групповых прав. Незащищенность многих групповых прав заставляет специалистов по правам человека неоднократно за последние десятилетия ставить вопрос о реформировании и/или расформировании ООН и преобразовании Совета Европы.

Наиболее уязвимыми группами, права которых нарушаются чаще всего как в рамках конкретного государства, так и в мире в целом, являются права мигрантов, детей, женщин, инвалидов. Хотя существуют соответствующие международные и региональные стандарты по правам этих категорий и в законодательстве многих стран предусмотрены меры по защите прав этих групп.

Почему это продолжает происходить, почему трудно остановить проявления насилия в современном мире?¹ Как видим, право силы в противовес силе права продолжает существовать и утверждаться в мире в разных проявлениях и в разных целях: либо как один из способов «прививки» развивающимся странам адаптированной модели демократии, либо как средство борьбы с оппозицией. Важным вопросом в этой сфере является уровень соответствия правовой политики государства этим стандартам, степень эффективности как международных, так и национальных (государственных и муниципальных) механизмов и институтов защиты этих прав, государственных и негосударственных институтов по защите прав человека.

В XXI в. в глобализирующемся мире наряду с индивидуальными и коллективными правами необходимо разрабатывать концепцию всеобщих прав, прав человечества, которые присущи как отдельному человеку, отдельной социальной или национальной группе, так и всем представителям человечества. В условиях недавнего мирового экономического кризиса такими правами (независимо от социально-экономического положения человека и уровня развития страны его проживания) одновременно стало право на свободу от нужды и нищеты, от бедности, право на достойное существование.

В целом надо отметить, что важным достижением последних лет в развитии идеи прав человека стало формирование интегральной науки прав человека, приращение общей теории прав человека новыми поколениями (информационные, экологические, др.)² и классификациями (групповые, всеобщие, общепризнанные, фундаментальные, др.) прав человека, новыми направлениями исследования (право на права, логика прав человека, политология прав человека, социология прав человека, философия прав человека, международное право прав человека, обучение правам человека и др.).

Каждое право, как и поколение (или группа) прав, формируется в истории человечества в ответ на вызовы определенного времени, эпохи (революций или ре-

---

¹ Можно согласиться в этом отношении с С. С. Алексеевым, который утверждает: ошибочно рассматривать переход человечества от традиционных к демократическим цивилизациям в качестве общего и непрерывного потока позитивных перемен, который осложняется некоторыми «издержками». Процессы современного мира намного сложнее. В реальной жизни сохраняются, реанимируются рудименты древних эпох, в вариантах авторитарного или тоталитарного типов, которые прикрываются «внешне современными, казалось бы, передовыми юридическими институтами». Новая эпоха породила такие явления негативного характера, как «восприятие людьми свободы как состояния вольницы... новый всплеск магии власти, и простор для всплеск этнических и сепаратистских страстей, стремление утвердить свои идеалы и ответить на погранные права насильем, террором. Отсюда – нарастающие стремления овладеть путем насилия собственностью и властью». (См.: Алексеев С. С. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 23).

² Считаю необходимым введение в научный оборот нового поколения и новой классификации прав человека – биотехнологические права. Эта новая группа прав человека призвана защитить человека от произвола и непрофессионализма в медицинских и «околомедицинских» учреждениях, отражать взаимосвязь проблем прав человека и биоэтики, новые тенденции в развитии прав человека, связанные с медицинскими экспериментами и явлениями реконструкции, изменения человеческого тела и организма в целом.

форм, др.) и постепенно становится своеобразным «убежищем для человека» (С. С. Алексеев).

Идея прав человека продолжает развитие, отражая движение современных обществ по пути к правовому прогрессу. Интегральной науке прав человека еще предстоит пополняться новыми понятиями, классификациями, институтами и тенденциями развития прав человека.

Литература

1. Рахманова Е. Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. – М. : Университетская книга, 2008. – 312 с.
2. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – М. : Юрист, 2003. – 304 с.
3. Семитко А. П. Право, личность, права человека: персоноцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009. – 656 с.
4. Алексеев С. С. Право на право // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009. – 656 с.
5. Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции : учеб. пособие. – М., 2004. – С. 90.
6. Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10.
7. Ковлер А. И. Антропология права. – М. : Юрист, 2002.

УДК 342.4

Денисов Сергей Алексеевич

канд. юр. наук, доцент кафедры
публичного права юридического факультета
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergey Alekseevich

Candidate of Law, Associate Professor
at Public Law Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**КОНСТИТУЦИОННЫ ЛИ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РФ?**

**ARE THE JUDGMENTS
OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF RUSSIA
CONSTITUTIONAL?**

Аннотация

Теория конституционализма выработала ряд ценностей: ограниченное правление, правовое государство, разделение властей, суверенитет народа, политические права граждан, федерализм. Конституционный Суд РФ в ряде своих решений отказывается поддерживать эти ценности.

Ключевые слова: ценности конституционализма; решения Конституционного Суда РФ.

Abstract

The theory of constitutionalism make some values: reduce of government, state of law, division of power, sovereignty of people, political rights of citizens, federalism. Some times the Constitutional Court of Russia refuses to support these values.

Keywords: values of constitutionalism; judgments of the Constitutional Court of Russia.

Большинство конституционалистов в России проводят исследования в рамках позитивистской методологии. При этом текст национальной Конституции неосознанно сакрализуется, берется за идеал при всех оценках законодательства и правовой жизни. В данном исследовании предлагается аксиологический подход к конституционному праву. При этом подходе мы сравниваем национальный конституционный акт с идеалами конституционализма, выработанными в западной теории конституционного права. В результате такого сравнения делается вывод о том, является ли национальный конституционный акт реальной конституцией, соответствующей идеалам конституционализма, или это всего лишь имитация конституции, ложная конституция, текст которой закрепляет принципы и нормы, характерные для доконституционного этапа развития государственного права [27. С. 2–8; 28. С. 5–7]. С помощью этой методологии предлагается оценивать и решения Конституционного Суда РФ.

Первой задачей данного исследования является уяснение ценностей, которые можно назвать универсальными для западной традиции конституционализма. Ко второй задаче относится исследование того, как эти ценности могут тонко и профессионально искажаться, подменяться неконституционными ценностями в так называемых административных государствах, обеспечивающих власть не народа, а государственной бюрократии [29].

Предметом анализа будет несколько решений Конституционного Суда РФ, касающихся вопросов политического режима, формы правления и государственного устройства России.

1. Смыслом и целью конституционного права, в западном его понимании, является ограничение власти государства, его органов. Этим оно отличается от до-

конституционного государственного права, которое нацелено, наоборот, на легитимацию власти государственных органов во главе с правителем. «Конституция – это средство ограничения государственной власти», – пишет А. Шайо [32. С. 57].

Важнейшим средством ограничения власти государственных органов является применение к ним разрешительного типа правового регулирования в соответствии с концепцией правового государства. Этот тип регулирования предполагает, что государственный орган может делать только то, что ему прямо предписано в конституции. Отсутствие прямого разрешения указывает на запрет.

Конституционный Суд РФ в своих решениях последовательно отказывается от применения разрешительного типа правового регулирования к органам государства. Наоборот, он считает не только их правом, но и обязанностью выходить за рамки указанных в Конституции РФ полномочий, ссылаясь на их общие цели и задачи. Цель оправдывает средства. Наиболее ярким примером такого подхода является правовая позиция Конституционного Суда РФ, предполагающая наличие скрытых полномочий у Президента РФ [13]. Согласно этой правовой позиции Президент РФ приобрел право издавать указы, носящие характер закона [15], осуществлять контроль за правотворческой деятельностью Федерального Собрания [14]. Опираясь на эту правовую позицию, сам Президент РФ (с помощью издания указов) и послушное ему Федеральное Собрание (с помощью принятия законов) стали дополнять содержание статей Конституции РФ новыми кадровыми полномочиями Президента РФ без изменения текста Конституции. Ст. 132 Конституции РФ перечисляет важнейшие функции органов местного самоуправления, а затем указывает, что они могут «решать иные вопросы местного значения». Ст. 83 Конституции РФ, казалось бы, содержит законченный перечень полномочий Президента РФ, но благодаря введенной в оборот Конституционным Судом РФ правовой доктрины «скрытых полномочий Президента РФ» стала толковаться расширительно и сегодня фактически дополнена пунктом «н», в соответствии с которым Президент РФ «представляет Федеральному Собранию кандидатов на должность Председателя Счетной палаты, его заместителей и аудиторов» [4]; пунктом «о»: «представляет Совету Федерации кандидатов для назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителей» [1. С. 2]; пунктом «п»: «предлагает представителю органа субъекта Федерации кандидатов на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Федерации [7. С. 17]; п. «р»: назначает на должность и освобождает от должности Председателя Следственного комитета, заместителей Председателя Следственного комитета, руководителей главных следственных управлений, следственных управлений по субъектам Российской Федерации, их первых заместителей и заместителей, приравненных к ним руководителей и их заместителей, иных должностных лиц, для должностей, перечисленных в специальном перечне, имеющих высшие специальные звания» [5]. Конституция РФ сегодня дописывается указами самого Президента РФ. В уже указанную ст. 83 Конституции РФ, перечисляющую полномочия Президента РФ по формированию органов власти, фактически введен пункт «с», в соответствии с которым Президент РФ наделил себя полномочиями формировать Государственный Совет РФ [10]. Ст. 86 Конституции РФ сегодня фактически дополнена указом Президента РФ пунктом «д», в соответствии с которым Президент «производит разделение страны на федеральные округа и формирует органы власти в них» [9]. Ст. 90 Конституции РФ дополнена п. 4: «Президент РФ издает указания [11] и поручения» [8]. Принятие названных правовых актов позволяет Президенту РФ подменять собой Правительство РФ, лишая его какой-либо самостоятельности, декларированной в Конституции РФ (ст. 10). Например, в 2009 г. Президент РФ издал 1753 поручения [31. С. 1].

Еще раз свою позицию в отношении дописывания норм Конституции РФ с помощью федеральных законов Конституционный Суд РФ подтвердил при рассмотрении вопроса о праве Президента РФ предлагать кандидатуры на должность высшего должностного лица субъекта Федерации [19].

«Институт "скрытых (подразумеваемых)" полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике, – пишет в своем особом мнении судья Конституционного Суда РФ Н. В. Витрук, – однако он используется с достаточной степенью осторожности и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой» [24]. В России, отмечает далее Н. В. Витрук, он «означает неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства. Все это, вместе взятое, чревато негативными последствиями для утверждения институтов демократии, формирования правового государства в обществе, в котором далеко не изжиты произвол властей, правовой нигилизм, пренебрежение властей к правам человека и гражданина» [24].

Принцип разделения властей является вторым важнейшим средством ограничения власти государственного аппарата над гражданским обществом. После 1993 г. Конституционный Суд РФ во всех спорах о полномочиях Президента РФ последовательно занимает позицию, направленную на расширение его власти [13; 14; 15; 16; 19]. Это привело к тому, что фактически в России оказался восстановленным институт Верховной власти, закрепленный в 1906 г. в Основных законах Российской империи (ст. 4). Президент РФ окончательно возвысился над выделенными в Конституции РФ ветвями власти и устранил их самостоятельность. Разделение властей оказалось подменено разделением труда между различными государственными органами, подвластными Правителю.

Как не раз отмечал в своих решениях Конституционный Суд РФ, неопределенность норм закона создает предпосылки для произвола должностных лиц [12]. Но в некоторых своих решениях он сам оправдывает нормы, порождающие этот произвол. Судья Конституционного Суда РФ А. Л. Кононов в своем особом мнении считает, что Конституционный Суд РФ в своем Определении от 2 апреля 2009 года № 484-О-П встал на защиту «циничного и ничем не ограниченного произвола исполнительных органов власти», которые, исходя из собственных интересов, разрешают или запрещают проведение публичных мероприятий в городах страны [26]. На неконституционность норм ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании», вводящих фактически разрешительный порядок проведения публичных мероприятий, обратил внимание ряд видных ученых-конституционалистов: М. А. Краснов, В. Т. Кабышев, А. Н. Кокотов [26]. Однако Конституционный Суд РФ не прислушался к их мнению.

2. Второй важнейшей целью конституционного права является обеспечение свободного развития гражданского общества. Она реализуется посредством закрепления общедозволительного типа регулирования поведения граждан. Закрепление этого типа регулирования происходит посредством декларирования свободы слова, печати, объединения, публичных мероприятий и т. д. Свобода означает, что гражданин может делать все, что угодно, за исключением того, что наносит очевидный вред другим людям и обществу. Ограничение свободы может быть выражено только через охранительные нормы права (уголовного, административного), в которых формулируется состав правонарушения и санкция за его совершение. Свобода не должна ограничиваться с помощью регулятивных норм, указывающих, как, в какой форме и последовательности гражданин может ее реализовать. Эта идея четко выражена в Поправке I к Конституции США: «Конгресс не должен

издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собирать и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [30. С. 173].

Если законодатель принимает законы, направленные на регулирование использования свободы, то он неизбежно устраняет ее, переходит к разрешительному типу регулирования, при котором указывается, что имеет право делать гражданин. Не указанные в законе формы поведения автоматически запрещаются. Так, Конституционный Суд РФ, продекларировав на словах свободу объединения, на деле санкционировал устранение этой свободы, указав, что законодатель не только имеет право, но и обязан, исходя из политической ситуации, регулировать создание и деятельность политических партий [18; п. 2 установочной части]. Поддержка введения разрешительного типа правового регулирования привела к тому, что в России оказалась почему-то запрещенной организация региональных партий, кадровых партий, не имеющих членства (как республиканцы и демократы в США), партий с коллективным членством, как лейбористы в Великобритании. Конституционный Суд РФ фактически встал на этатистскую позицию, посчитав, что государственные органы лучше знают, что нужно гражданам, и сумеют о них позаботиться. Либеральный взгляд на конституционализм исходит из того, что если конституция не ограничила права граждан, то это значит, что она предоставила им свободу деятельности. Конституционный Суд РФ, который не заподозришь в либерализме и сочувствии политическим свободам, рассуждает прямо противоположно. Конституция РФ «непосредственно не определяет особенности создания, деятельности, реорганизации и ликвидации политических партий, как не устанавливает и условия и порядок реализации гражданами Российской Федерации права на объединение в политические партии, чем обуславливается необходимость соответствующего правового регулирования и допустимость установления федеральным законодателем, действующим в соответствии с Конституцией Российской Федерации и в пределах имеющейся у него дискреции, требований, предъявляемых к созданию и деятельности политических партий», – написано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П [20]. Фактически, по мнению автора, Конституционный Суд РФ исходит из идеала полицейского, патерналистского государства, которое должно регулировать каждый шаг в жизни человека.

3. Конституционное право, в отличие от государственного доконституционного права, закрепляет и поддерживает суверенитет народа, а не правителя и государственной бюрократии. Народ реализует свой суверенитет непосредственно, используя политические права и свободы. В своих решениях Конституционный Суд РФ последовательно выступает за умаление этих политических прав и свобод, нарушая, в том числе, требования ч. 2 ст. 55 Конституции РФ. Он признал конституционным ограничение права граждан на объединение в политические партии [18], сужение избирательных прав граждан [19]. Оправдание этих ограничений основано не на вредности того или иного поведения для общества (его посягательством на ценности, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а на политической целесообразности таких ограничений: обеспечение «устойчивости многопартийной системы» [20; п. 6. установочной части], «целостность и устойчивость политической системы», борьба «против дробления политических сил, появления множества искусственно создаваемых (особенно в период избирательных кампаний) малочисленных партий, деятельность которых рассчитана на непродолжительное время и которые в силу этого не способны выполнить свое предназначение в качестве общественного объединения в политической системе общества» [18; п. 3.1. установочной части]. Такая правовая позиция Суда открывает дорогу для оправ-

дания ограничения конституционных прав граждан в других законах, не ставших предметом рассмотрения в Конституционном Суде. Вполне конституционными, с точки зрения Конституционного Суда РФ, видимо, надо считать нормы ФЗ «Об общественных объединениях» [2], которые устраняют свободу деятельности объединений, ставят их под административный надзор государства (исходя из презумпции их недобросовестности) и позволяют ликвидировать их по формальным основаниям.

В одном из своих особых мнений судья Конституционного Суда Н. В. Витрук отмечал, что принцип высшей ценности прав и свобод человека является приоритетным [24]. Реализация этих прав могла бы позволить населению России превратиться в суверенный народ. Однако Конституционный Суд РФ в вышеуказанных постановлениях помогает правящей группе подавить и без того слабую оппозицию, поставить препятствия на пути ее объединения в партии. В частности, он поддержал политику, направленную на вытеснение с политического поля небольших политических объединений оппозиции. Ссылаясь на необходимость обеспечения единства страны, он признал конституционным разрешение создавать только массовые партии с числом зарегистрированных членов в 50 тыс. человек [20].

В СССР разрешалось развивать только социалистическую демократию (ст. 9 Конституции СССР 1977 г.). Просто демократия была под запретом. Конституционный Суд РФ выдвинул доктрину конституционности «устойчивой многопартийной» [20; п. 3.1. установочной части]. Таким образом, он выступил против неустойчивой, динамичной многопартийности, ограниченно истолковав ч. 3 ст. 13 Конституции РФ. А между тем, в условиях конституционного строя, граждане России сами должны решать, какая им нужна многопартийность. Попытки навязать людям сверху модель партийной системы является признаком авторитарного, а не демократического режима.

Признавая неразвитость демократии в России [20; п. 3.2. установочной части], Конституционный Суд тут же выступает за консервацию этой неразвитой политической системы, объявляя ценностью «устойчивость политической системы» [20; п. 3.1. установочной части], в которой у «Лидера нации» и «партии Лидера нации» нет достойных конкурентов. Почему-то партии, по мнению Конституционного Суда РФ, должны «выражать прежде всего общенациональные интересы» [20; п. 3.1. установочной части]. Но само слово «партия» означает «часть». Она выражает групповые интересы своих членов и своих сторонников. Бывают правые и левые партии, революционные и консервативные. Это в нацистской Германии действовал принцип: «Один Бог. Один народ. Один фюрер. Одна партия».

При решении дел, касающихся политического режима, Конституционный Суд РФ постоянно прибегает к ссылке на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, причем, по мнению автора, толкует основания для ограничения политических прав граждан чрезвычайно широко.

Поддержанная Конституционным Судом РФ политика правящей группы на выстраивание удобной ей модели партийной системы привела, с одной стороны, к созданию партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы (которое, фактически, является не общественным объединением, а теневым звеном механизма государства), а с другой – к формированию института «оппозиции его величества», в рамках которого правящая группа разрешала создание партий, которые бы боролись между собой, но не смели выступать против «Лидера нации». Впоследствии правящая группа сама отказалась от политики монополизации политического поля и дозволила оппозиции создавать небольшие федеральные партии [6. С. 17].

Подчас Конституционный Суд РФ отказывается защищать конституционные права граждан, систематически ограничиваемые должностными лицами государственных и муниципальных органов. Так, он признал не противоречащим Консти-

туции РФ [21; 22] фактически введенный ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [3] разрешительный порядок проведения публичных мероприятий. Он ограничился указанием на то, что должностные лица не должны рассматривать положения Закона как дающие им право без всяких оснований запрещать проведение публичных мероприятий. Судья Конституционного Суда РФ А. Л. Кононов в своем особом мнении высказал мысль, что «Суд в нарушение принципов конституционного судопроизводства уклонился в данном случае от своей главной обязанности – защиты конституционных прав и свобод граждан» [26].

Суверенитет народа реализуется не только через центральные органы государственной власти, но и через органы власти регионов и мест. Но Конституционный Суд РФ в своих решениях проявляет явную поддержку курса правящей группы на установление централизованного управления страной, ограничение права населения регионов самостоятельно решать свои дела. Это ярко проявилось в решении, оправдывающем фактический переход к назначению глав регионов Президентом РФ [19]. Чтобы отнять у субъектов Федерации право самостоятельно устанавливать у себя систему органов государственной власти, Конституционный Суд РФ фактически возвел в ранг общих принципов все нормы (имеющие достаточно узкое и конкретное содержание), содержащиеся в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [19] и указах Президента РФ [15]. В своем Постановлении от 30 апреля 1996 г. № 11-П Конституционный Суд РФ [15] лишил население регионов права самостоятельно определять вид республики, который оно считает приемлемым для себя. Он обязал это население копировать суперпрезидентский характер республики, который закреплен в Конституции РФ. На вредность этой унификации организации власти в регионах для развития федерализма обращал внимание Н. В. Витрук в своем особом мнении [23]. Отказ признать принцип разделенного государственного суверенитета [17] значительно подрвал самостоятельность регионов и способствовал восстановлению фактически имперского государственного устройства. Существенно ограничило права граждан на региональное самоуправление оправдание запрета региональных партий. Конституционный Суд РФ выразил явное пренебрежение к реализации интересов населения отдельных регионов. По его мнению, политические партии «призваны формировать политическую волю многонационального русского народа как целого, выражать, прежде всего, общенациональные интересы; цели их деятельности не должны ассоциироваться исключительно с интересами отдельных регионов» [18; п. 3.1. установочной части]. Таким образом, «интересы регионов» рассматриваются как нечто опасное, неконституционное. Как будто Россия не провозглашается федеративным государством, а для реализации интересов регионов не создана специальная палата в Федеральном Собрании.

4. Конституционность тех или иных норм законов часто зависит от того, в каких условиях они применяются, к каким последствиям приводят. В Великобритании монархия не является препятствием для существования конституционного строя. Это не значит, что восстановление монархии в России будет соответствовать конституционным идеалам. Судьи Конституционного Суда РФ не раз в своих особых мнениях указывали, что Конституционный Суд подчас уклоняется от глубокого изучения обстоятельств, в которых осуществляется рассматриваемый закон, от того, как его понимают на практике, от его последствий для страны. Так, в то время судья Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в своем особом мнении по делу «о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики"..."»

указал, что «Суд не исследовал формат чеченских событий и не соотнес качество случившегося с уровнем принятых мер» [25; п. 1]. Суд «своим утверждением вывел за рамки права вопрос о политической целесообразности и адекватности мер, т. е. фактически отказался от исследования их юридического характера. А без такого исследования невозможно было приступить к оценке, соответствуют ли рассматриваемые акты Конституции» [25; п. 2]. «Необходимо было, как это предписано Законом о Конституционном Суде, исследовать фактические обстоятельства, насколько это относится к сфере конституционного судопроизводства (ст. 3); выяснить обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела, исследовать соответствующие доказательства (ст. 49, 50, 67); оценить не только буквальный смысл рассматриваемых актов, но и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, сложившейся правоприменительной практикой (ст. 74); оценить эти акты не в их изолированности, а исходя из их места, которое они заняли в существующей, действующей системе правовых (нормативных и ненормативных) актов (ст. 74). Все эти требования играют ключевую роль. Не выполнив их, Суд не сможет выяснить объективную истину по делу и, следовательно, принять обоснованное, правильное решение» [25].

В своем особом мнении по определению Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П судья Конституционного Суда А. Л. Кононов отметил, что Суд попытался «представить нарушение прав заявителей как явление случайное или нехарактерное, как эксцесс исполнителя» [25].

Из всего сказанного автор делает вывод, что Конституционный Суд РФ своей деятельностью вносит посильный вклад в восстановление бюрократического характера Российского государства, введение в стране авторитарного режима и монархической формы правления.

5. Констатация факта, что Конституционный Суд РФ принимал решения, не соответствующие идеалам конституционализма, не означает того, что он действовал вопреки интересам России. Не следует забывать, что идеалы конституционализма принимаются той или иной страной на определенном этапе ее развития. Глупо было бы пенять на то, что средневековые государства неконституционны. Вполне возможно, что Россия еще не дошла до того уровня развития, когда ей нужен конституционализм. Франция, Германия, Япония, Южная Корея шли в своем развитии через этап бонапартизма, при котором бюрократия во главе с правителем навязывала консервативному обществу новый капиталистический порядок. Вполне возможно, что России сегодня тоже выгоден бонапартизм. Но ученые конституционалисты, если они не являются просто пропагандистами, оправдывающими государственную политику, должны называть вещи своими именами, не объявлять конституционным то, что им не является. Как говорится, не следует путать Божий дар с яичницей.

Источники и литература

1. ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 02 июня 2009 г. № 2-ФКЗ // Российская газета. 2009. 4 июня.
2. Об общественных объединениях : ФЗ от 12 мая 1995 г. № 82-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
3. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании : ФЗ от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.
4. ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О Счетной палате РФ» // СЗ РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4844.
5. О Следственном Комитете Российской Федерации : ФЗ ч. 5 ст. 15 от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 03.12.2012 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.
6. О внесении изменений в ФЗ «О политических партиях» : ФЗ от 02 апреля 2012 г. № 28-ФЗ // Российская газета. 2012. 4 апреля.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : ФЗ от 02 апреля 2013 г. № 30-ФЗ // Российская газета. 2013. 5 апреля.
8. О мерах по совершенствованию организации контроля и проверки исполнения поручений Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 06 ноября 1996 г. № 1536 // СЗ РФ. – 1996. – № 46. – Ст. 5241.
9. О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе : Указ Президента РФ // СЗ РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
10. О Государственном совете РФ : Указ Президента РФ от 01 сентября 2000 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2000. – № 36. – Ст. 3633.
11. О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352 // СЗ РФ. – 2011. – № 14. – Ст. 1880.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708; Постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 1998 г. № 8-П // СЗ РФ. – 1998. – № 12. – Ст. 1458 и др.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.
14. П. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П по делу о толковании отдельных положений ст. 107 Конституции Российской Федерации // СЗ РФ. – 1996. – № 18. – Ст. 2253.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П по делу о проверке конституционности п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и п. 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом // СЗ РФ. – 1996. – № 19. – Ст. 2320.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П // СЗ РФ. – 1998. – № 52. – Ст. 6447.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 07 июня 2000 г. № 10-П // СЗ РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2728.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 февраля 2005 г. № 1-П по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего п. 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. – 2005. – № 6. – Ст. 491.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 336.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 3, 18 и 41 Федерального Закона "О политических партиях" в связи с жалобой политической партии "Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов" // СЗ РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3989.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 02 апреля 2009 г. № 484-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 6.
22. Определение Конституционного Суда РФ от 01 июня 2010 г. № 705-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Косякина Константина Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 5 и п. 2 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // КонсультантПлюс : Высшая школа. – 2013. – Вып. 19.
23. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука по делу о проверке ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края // СЗ РФ. – 1996. – № 4. – Ст. 409.
24. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

25. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.
26. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по определению Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 6.
27. Денисов С. А. Исследование перехода от государственного доконституционного права к конституционному праву // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11.
28. Денисов С. А. Неконституционные нормы конституционных актов // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4.
29. Денисов С. А. Общая теория административного государства. – Екатеринбург, 2011.
30. Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США: Политико-правовой комментарий. – М., 1985.
31. Не всегда поручается // Коммерсантъ. 2010. 17 марта.
32. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М., 2001.

УДК 94(3)

Любимова Ольга Владимировна

аспирант кафедры истории Древнего мира
и Средних веков УрФУ им. первого
Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: lov800@yandex.ru

Lyubimova Olga Vladimirovna

Postgraduate of Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ПИСЬМО КРАССА О ВЫЗОВЕ
ПОМПЕЯ И М. ЛУКУЛЛА
ПРОТИВ СПАРТАКА:
ВРЕМЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
НАПИСАНИЯ**

**CRASSUS' REQUEST
FOR SUMMONING OF POMPEY
AND M. LUCULLUS AGAINST
SPARTACUS: THE DATE
AND THE CIRCUMSTANCES**

Аннотация

В статье рассматриваются время и обстоятельства обращения Красса в сенат с просьбой вызвать в Италию Помпея и М. Лукулла для войны со Спартаксом. Сведения источников об этих событиях фрагментарны, однако не противоречат друг другу, а анализ хода военных действий позволяет сделать вывод, что, вероятнее всего, Красс написал это письмо сразу после поражения своего легата Муммия и одновременно с децимацией бежавшей с поля боя когорты. В это время Спартак представлял угрозу для Кампании и Лация. Последующие успехи Красса отвратили эту угрозу, однако в Риме возникло недовольство затягиванием военных действий, и Помпей был вызван в Италию, хотя сам Красс уже не видел в этом необходимости.

Ключевые слова: восстание Спартака; Красс; Помпей; Марк Лукулл; осада Спартака; децимация.

Abstract

The article explores the date and the circumstances of Crassus' request to the senate for summoning Pompey and M. Lucullus to Italy against Spartacus. The information about these events in our sources is fragmentary but not discrepant, and the analysis of warfare allows to suppose that most probably Crassus wrote the letter immediately after the defeat of his legate Mummius and simultaneously with the decimation of the cohort which had fled from the battlefield. At this point Spartacus posed a threat for Campania and Latium. The subsequent successes of Crassus averted the threat but the delaying of warfare caused the discontent in Rome, and Pompey was summoned to Italy though Crassus considered this no longer necessary.

Keywords: Spartacus' revolt; Crassus; Pompey; Marcus Lucullus; siege of Spartacus; decimation.

Оценивая роль Спартака в римской истории, Дж. Гриффит высказывает следующее соображение: «Именно из-за его решительного сопротивления потребовалось вызвать Помпея, возвращавшегося из Испании, чтобы завершить то, чего Красс, в сущности, уже достиг, и заносчивость Помпея, проявившаяся в мелочном притязании на большую славу за подавление Спартака, чем заслуживало его вмешательство, оттолкнула от него Красса. Если бы эти двое способны были более успешно сотрудничать в тяжелые годы, последовавшие за этим, история могла бы пойти совсем иным путем» [23. Р. 69]. Представляется, что данное утверждение содержит некоторое преувеличение: вряд ли этот эпизод мог раз и навсегда определить отношения Помпея и Красса, и интересы двух столь влиятельных фигур в римской политике неизбежно должны были время от времени приходить в проти-

воречие. Тем не менее события Спартаковской войны представляют собой немаловажный фон для последовавшего непосредственно за ними совместного консульства Помпея и Красса, которое ознаменовалось не только крупными реформами в государстве, но и серьезным конфликтом между консулами. Однако сведения источников об обстоятельствах, при которых Красс обратился в сенат с просьбой вызвать ему в помощь других полководцев, очень обрывочны. Исследователи по-разному оценивают их достоверность и предлагают различные датировки и мотивации для этого письма Красса. Поэтому представляется целесообразным еще раз рассмотреть эту проблему и, опираясь на источники, попытаться установить, в каких обстоятельствах Красс мог направить в Рим подобное послание.

Прежде всего следует вкратце изложить хронологию основных событий последнего этапа Спартаковской войны. Красс принял командование над консульскими армиями и набрал шесть новых легионов¹. Его легат Муммий, поставленный во главе двух легионов, вопреки приказу вступил в бой со Спартаксом и был разбит. В целях восстановления дисциплины Красс децимировал когорту, бежавшую первой, двинулся на врага и истребил часть войска рабов, стоявшую отдельно. Спартак отступил в Бруттий, намереваясь переправиться на Сицилию. Отплыть из Италии ему не удалось, а Красс запер рабское войско на Регийском полуострове, построив огромные фортификационные сооружения. Через некоторое время Спартак прорвал осаду; Красс нанес поражение отдельному отряду восставших при Луканском озере, затем войску под командованием Ганника и Каста. Спартак же разбил Квинкция и Скрофу, подчиненных Красса. За этим последовало решающее сражение, в котором Красс одержал победу [Plut. Crass. 10–11; App. BC. I. 118–120]².

Terminus ante quem для назначения Красса – 1 ноября 72 г.³; известно, что в этот день консулы уже находились в Риме и руководили заседанием сената [Cic. Verr. II. 2. 94–96]. Плутарх сообщает, что Спартак прорвал осаду «снежной и бурной зимней ночью» [Plut. Crass. 10. 6], а Аппиан – что Красс закончил войну за шесть месяцев [App. BC. I. 121]. Наконец, из надписи известно, что 1 апреля 71 г. в Капуе проводились игры [CIL. X. 8070, 3–4], и это позволяет предположить, что к тому моменту со Спартаксом уже было покончено [34. P. 89]. Исходя из этих данных представляется, что Красс, вероятно, приступил к командованию в сентябре или начале октября 72 г., а решающее сражение состоялось в марте 71 г. [34. P. 89; 17. S. 95, Ann. 2; 29. P. 111; 2. C. 136, прим. 21]⁴.

Об обстоятельствах назначения Помпея командующим в войне против Спартака источники сообщают следующее. Аппиан, рассказав о начале осады, продолжает: «В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака – дело тягостное и серьезное» [App. BC. I. 119, пер. С. А. Жебелёва]⁵. Цицерон, превозно-

¹ Аппиан пишет, что консульских легионов было два [App. BC. I. 117, 118]; многие исследователи считают это ошибкой, так как в соответствии с римским обычаем [Polyb. VI. 26. 3] каждый консул должен был командовать двумя легионами [34. P. 83–84; 11. P. 129; 26. P. 389]. Х. Ласт, впрочем, предполагает, что ко времени назначения Красса четыре консульских легиона сократились в численности до двух из-за тяжелых потерь [27. P. 331, n. 1].

² Ср. таблицу основных источников у Т. Р. Холмса [26. P. 387–388].

³ Все даты в статье – до нашей эры.

⁴ А. Гарцетти полагает, что Красс приступил к командованию в ноябре 72 г. [19. P. 88]; представляется, что это слишком поздняя датировка.

⁵ οἱ δ' ἐν ἄστει Ῥωμαῖοι τῆς πολιρκίας πυνθανόμενοι καὶ ἀδοξοῦντες, εἰ χρόνιος αὐτοῖς ἔσται πόλεμος μονομάχων, προκατέλεγον ἐπὶ τὴν στρατείαν Πομπήϊον ἄρτι ἀφικόμενον ἐξ Ἰβερίας, πιστεύοντες ἤδη δυσχερὲς εἶναι καὶ μέγα τὸ Σπαρτάκειον ἔργον.

ся в речи «О Манилиевом законе» полководческие таланты Помпея, призывает в свидетели Италию, «которая, страдая от ужасной и опасной войны с рабами, призвала его на помощь из чужих краев, причем в этой войне от одного ожидания приезда Помпея наступило успокоение и затишье, а после его прибытия она была закончена и позабыта» [Cic. *Leg. Man.* 30, пер. В. О. Горенштейна]⁶. Плутарх же, описав прорыв Спартака из осады и победу Красса над частью его войска при Луканском озере, сообщает, что «раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла из Фракии и Помпея из Испании, но теперь сожалел о своем шаге и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь» [Plut. *Crass.* 11. 2, пер. В. В. Петуховой, ср. *Comp. Nic. et Crass.* 3.2]⁷. В жизнеописании Помпея Плутарх ничего не говорит о полученном им поручении и пишет лишь, что «он привел в Италию войско, случайно попав в войну с рабами, находившуюся в разгаре» [Plut. *Pomp.* 21.1]⁸.

Выводы современных исследователей относительно достоверности этих сообщений и хронологии описываемых событий довольно существенно расходятся. Так, В. Друманн, не оспаривая версию Плутарха, просто не упоминает письмо Красса в сенат и излагает события согласно Аппиану, датируя назначение Помпея периодом осады [17. S. 92, 395–395]. Т. Р. Холмс и Х. Ласт полагают, что война со Спартаком была поручена Помпею позднее, уже после прорыва осады, но также не пишут о том, что это решение было принято по просьбе Красса [26. P. 159–160; 27. P. 331]. А. Гарцетти подчеркивает содержательные и хронологические расхождения между версиями Аппиана и Плутарха и усматривает в рассказе последнего «биографический элемент первостепенной важности», ярко характеризующий личность Красса, однако не выносит окончательного решения относительно его достоверности [19. P. 93]. А. Уорд полагает, что в рассказе Плутарха содержится путаница и единственное, о чем Красс мог просить сенат, – это подкрепления; Помпей же получил командование против Спартака благодаря маневрам своих сторонников в сенате и народном собрании и вопреки желанию Красса [43. P. 91–92, n. 24]; с ним согласен Р. Сигер [36. P. 201, n. 74; 37. P. 222–223]. Дж. Лич также считает, что Красс, вероятно, ни о чем не просил сенат, но присутствие Помпея и М. Лукулла в Италии помогло ему одержать победу, поэтому позднее он приписывал себе инициативу их вызова [28. P. 57]. А. Гуарино пишет лишь о том, что после поражения Муммия Красс «не опроверг мнение» (*non contestò la voce*) о необходимости вызвать в Италию Помпея и М. Лукулла, а окончательное принятие этого решения, по его мнению, последовало за прорывом осады [24. P. 81–83]. А. Скьявоне, описывая назначение Помпея и М. Лукулла (которое, по его мнению, произошло почти одновременно с назначением Красса), указывает, что неизвестно, был ли Красс вполне согласен на это [35. P. 8].

Исследователи, доверяющие сообщению Плутарха, существенно расходятся между собой в датировке письма Красса сенату. Так, С. Л. Утченко полагает, что оно было написано в связи с неудачами, постигшими Красса после того, как децимация не возымела действия [7. С. 58]; такого же мнения придерживается Р. Гюн-

⁶ Testis est iterum et saepius Italia, quae cum servili bello taetro periculoque premeretur, ab hoc auxilium absente expetivit: quod bellum exspectatione eius attenuatum atque imminutum est, adventu sublatum ac sepultum.

⁷ Γεγραφὸς δὲ τῇ βουλῇ πρότερον ὡς χρὴ καὶ Λεύκυλλον ἐκ Θράκης καλεῖν καὶ Πομπήιον ἐξ Ἰβηρίας, μετενδὲι καὶ πρὶν ἤκειν ἐκείνους ἔσπευδε διαπράξασθαι τὸν πόλεμον, εἰδὼς ὅτι τοῦ ποσγειομένου καὶ βοηθήσαντος, οὐκ αὐτοῦ, τὸ κατόρθωμα δόξει.

⁸ ἀπῆγεν εἰς Ἰταλίαν τὸν στρατόν, ἀκμάζοντι τῷ δουλικῷ πολέμῳ κατὰ τύχην φερόμενος. П. Гринхол убедительно показал, что в этом случае Плутарх допускает неточность и свидетельство Цицерона и Аппиана надежно подтверждают, что Помпей был вызван в Италию [22. P. 238].

тер [25. S. 22]. Е. М. Штаерман считает, что Красс направил письмо в сенат одновременно с провалом попытки рабов переправиться на Сицилию [9. С. 240]. Многие авторы полагают, что Красс просил сенат о назначении Помпея и М. Лукулла во время осады [34. P. 87; 5. С. 127; 10. P. 25; 22. P. 62, 238–239; 12. S. 147; 39. P. 51–52, 157, n. 2; 40. P. 151–152], распространена также и точка зрения, согласно которой римский полководец решил обратиться с этой просьбой лишь после того, как Спартак прорвал блокаду [1. С. 427; 20. Sp. 303; 21, S. 55; 33. P. 136, n. 1; 14. P. 235; 8. С. 236]. Наконец, некоторые исследователи, принимая сообщение Плутарха об обращении Красса к сенату, просто не задаются вопросом, когда именно и в связи с чем оно могло быть направлено [30. P. 33; 2. С. 127]. Таким образом, налицо существенные расхождения в трактовке данного эпизода.

Прежде всего следует отметить, что, вопреки мнению ряда исследователей [19. P. 93; 18. P. 329–330; 43. P. 91, n. 24; 13. P. 361; 28. P. 57], рассказы Плутарха и Аппиана не содержат противоречия. Плутарх сообщает, что Красс просил сенат вызвать Помпея и М. Лукулла «раньше» (πρότερον), т. е. до своей победы при Луканском озере, однако не уточняет, когда именно было направлено послание: теоретически это могло произойти на любом этапе предшествующих военных действий. Аппиан же пишет, что римляне решили вызвать Помпея в Италию, когда убедились, что осада затягивается; письмо Красса вполне могло быть написано до этого момента, и тогда рассказы историков не опровергают, а дополняют друг друга [34. P. 59–60].

В таком случае хронология, согласно которой Красс направил послание в сенат уже после прорыва осады, прямо противоречит источникам: обращаться с подобной просьбой после того, как Помпей уже был вызван, не имело смысла – а Помпей, как следует из Аппиана, получил свое назначение, когда Спартак был еще блокирован на Бруттийском полуострове. Свидетельство Цицерона тоже не согласуется с данной хронологией: по его словам, после назначения Помпея в войне наступило затишье. Но после того, как Спартак вырвался из осады, военные действия, напротив, резко активизировались и не стихали вплоть до решающего сражения⁹. Однако, невзирая на противоречие источникам, данная хронология принята многими исследователями (см. выше), никто из которых не комментирует указанное несоответствие. По-видимому, это объясняется тем, что Плутарх рассказывает о письме Красса в связи с военными действиями, последовавшими за прорывом блокады, а в результате этого прорыва опасность рабского войска для Италии и Рима резко возросла. Красс утратил контроль над событиями, его военный план был сорван, и такая серьезная неудача вполне могла бы побудить его обратиться за помощью к другим полководцам (ср. *Plut. Crass.* 11. 1 об опасениях Красса). Однако, хотя данная хронология весьма привлекательна с точки зрения логики военных действий, представляется, что от нее все же следует отказаться, так как она не соответствует указаниям источников¹⁰.

Рассмотрим другую точку зрения, согласно которой письмо Красса сенату было написано во время осады армии Спартака. Хронологически она не противоречит сведениям Аппиана и Плутарха, хотя и не вытекает из них с необходимос-

---

⁹ Ср. *Plut. Rom.* 21. 1: Помпей прибыл в Италию, когда война с рабами «находилась в разгаре» (ἀκράζων). Конечно, у Цицерона изложение событий искажено, так как он стремится подчеркнуть страх врагов перед Помпеем; однако вряд ли спустя всего шесть лет после событий оратор мог представить народу картину событий, диаметрально противоположную реальности.

¹⁰ По этим же причинам представляется несостоятельной хронология Х. Декнатела и Т. Урбанчик, согласно которой Красс направил письмо в сенат лишь после битвы при Луканском озере [15. P. 14, 42, 73–74]. Данная версия противоречит свидетельству не только Аппиана, но и Плутарха. То же самое можно сказать и о хронологии В. А. Лескова, согласно которой Помпей получил назначение еще позднее, после поражения Аррия и Скрофы [4. С. 134].

тью¹¹. Но тогда возникает вопрос: почему Красс обратился в Рим с подобной просьбой? После того как строительство вала было завершено, войско Спартака оказалось блокировано на южной оконечности Бруттийского полуострова¹² и непосредственная опасность для Италии и Рима существенно снизилась. Красс в достаточной мере контролировал военную обстановку: согласно Аппиану, он успешно пресек попытку Спартака вырваться из окружения [App. BC. I. 119]¹³, и это внушило римскому войску уверенность в победе. М. Дои отмечает, что блокада армии Спартака в Бруттии была первой благоприятной для Рима ситуацией в Спартаковской войне [16. P. 171]. С другой стороны, как подчеркивают многие исследователи, Красс, обращаясь за помощью к другим полководцам, тем самым признавал, что неспособен справиться с возложенной на него задачей, и лишал себя немалой доли военной славы, на которую, несомненно, рассчитывал, добываясь командования [1. С. 427; 43. P. 91–92, n. 24; 22. P. 62; 40. P. 152 и др.]. Впрочем, Б. Маршалл полагает, что Помпей не слишком претендовал на славу победителя Спартака, так как победа над рабами не упоминается в источниках в связи с его триумфом 71 г.; Красс же не был лишен причитающихся ему почестей, получив ование и лавровый венок [30. P. 33–34]. Последнее утверждение не вызывает возражений; однако о притязаниях Помпея свидетельствует его письмо к сенату, где он написал, «что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем» [Plut. Pomp. 21. 2; Crass. 11. 7]. Римское общество, по-видимому, признало справедливость этих притязаний [Plut. Pomp. 21. 2, ср. 22, p. 46], и Цицерон не только восхваляет Помпея за победу над рабами в речи о Манилиевом законе [Cic. Leg. Man. 30], где естественно было бы ожидать преувеличения его военных заслуг, но и в речи против Верреса называет его победителем Спартака наряду с Крассом [Cic. Verr. II. 5. 5], хотя в данном случае не требовалось специально подчеркивать роль Помпея в этой войне. Таким образом, Крассу действительно пришлось разделить славу победы с соперником, что, конечно, было для него нежелательно [ср. Plut. Crass. 11. 2; Comp. Nic. et Crass. 3. 2; App. BC. I. 120]. Представляется, что если он действительно просил сенат поручить командование Помпею и М. Лукуллу, то должен был руководствоваться очень серьезными соображениями. Исследователи, датировавшие письмо Красса периодом осады, предложили два объяснения его мотивов: военное и политическое.

Г. Ратке считает, что Красс просил о назначении Помпея и М. Лукулла, так как «либо полагал, что невозможно долго охранять вал, либо ожидал, что Спар-

---

¹¹ П. Саузерн, описав осадные сооружения Красса, продолжает: «Согласно Плутарху, именно тогда (it was at this point) он написал сенату, советуя отозвать Лукулла с войны с Митридатом, а Помпея из Испании» [39. P. 52]. Однако, не говоря уже о том, что у Плутарха речь идет об отзыве Марка Лукулла из Фракии, а не Луция Лукулла с войны против Митридата, необходимо подчеркнуть, что слова этого историка не содержат столь точных хронологических указаний, что отмечает и Э. Габба [18. P. 329].

¹² Масштабы и точное местоположение осадных сооружений вызывают у исследователей споры. А. Уорд возражает против мнения большинства исследователей, восходящего к Плутарху, о том, что вал перерезал весь Бруттийский полуостров от моря до моря [Plut. Crass. 10. 4–5], и доказывает, что Спартак был заперт на гораздо меньшей территории полуострова Скиллей [43. P. 89–90, n. 20, со ссылками на предшествующие исследования]. Аргументы в защиту традиционной точки зрения приводит Б. Страусс [40. P. 147–149].

¹³ Хотя сведения о потерях, приводимые Аппианом (12 тыс. со стороны Спартака, трое убитых и семеро раненых со стороны Красса), невероятны [18. P. 328; 43. P. 91, n. 21; 2. С. 124]. Ввиду этого, а также ввиду отсутствия данных в других источниках М. Бертинелли считает недостоверным всё сообщение Аппиана в целом [13. P. 360]; однако представляется, что, за исключением цифр, в нем нет ничего невероятного.

так, заключив союз с пиратами, перенесет войну на Сицилию» [34. P. 87]¹⁴. Действительно, оказавшись в окружении, войско Спартака вскоре стало страдать от голода [Plut. *Crass.* 11. 6], и со временем давление на осаждающих усиливалось [App. *BC.* I. 119]. Однако Аппиан сообщает, что, получив известие о назначении Помпея, Красс, в свою очередь, активизировал военные действия и стал нападать на осажденных, желая как можно скорее покончить с восстанием [App. *BC.* 120]. Представляется, что эти сведения противоречат первому из предложенных объяснений: если бы Красс вызвал Помпея и М. Лукулла, потому что опасался прорыва осады, то ожидал бы их прибытия, бросив все силы на охрану укреплений, и не стал бы провоцировать неприятеля.

Что касается перспективы переноса войны на Сицилию, то представляется маловероятным, что она настолько пугала Красса, чтобы побудить его обратиться за помощью к Помпею и М. Лукуллу. Правда, Плутарх сообщает, что восстание сицилийских рабов затухло незадолго перед тем и «достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой» [Plut. *Crass.* 10. 3], однако это, несомненно, преувеличение: второе сицилийское восстание было подавлено за 28 лет до этих событий. С другой стороны, утверждения Цицерона, что со стороны Спартака Сицилии не грозила никакая опасность [Cic. *Verr.* II. 5. 5–9], тоже не вполне убедительны, так как он заинтересован в том, чтобы приуменьшить заслуги Верреса, наместника этой провинции¹⁵. Вероятно, если бы переправа восставших рабов увенчалась успехом, то Сицилия могла бы серьезно пострадать; с другой стороны, непосредственная угроза для Италии и Рима исчезла бы или, по крайней мере, снизилась, а ввиду их большой политической значимости это можно было бы представить как успех. Кроме того, если бы спартаковцы предприняли переправу, то столкнулись бы с трудностями плавания в бурном проливе в зимний сезон [ср. Sall. *Hist.* IV. 28; Flor. II. 8. 13], причем в Италии им противодействовал бы сам Красс [Cic. *Verr.* II. 5. 5], а на Сицилии – Гай Веррес [Sall. *Hist.* IV. 32]; в результате переправившееся войско было бы, вероятно, сильно ослаблено¹⁶. Наконец, А. Уорд справедливо отмечает, что в этот период и Помпей, и М. Лукулл находились вне Италии [43, p. 91–92, n. 24; ср. Cic. *Leg. Man.* 30]. Если бы Спартак всё-таки решился переправиться на Сицилию, они просто не успели бы прибыть вовремя, чтобы ему воспрепятствовать.

Р. А. Горончаровский объясняет обращение Красса в сенат иначе: Красс, по его мнению, предлагал вызвать Помпея и М. Лукулла «ради достижения быстрой победы» [2. С. 127]. М. Дои тоже подчеркивает, что римляне стремились покончить со Спартаком как можно скорее, так как считали войну с рабами позором для своей чести [16. P. 172–173]. Но здесь вновь следует вспомнить о том, что лишь известие о назначении Помпея побудило Красса ускорить операции [App. *BC.* I. 120]; однако до этого он избегал крупных сражений и бросил все свои силы на то, чтобы блокировать противника и взять его измором. Римское общество действительно желало скорейшего окончания войны, и известие о том, что осада затягивается, вызвало в Риме недовольство [App. *BC.* I. 120]; однако сам Красс явно смотрел на дело иначе и предпочитал стратегию промедления, отказаться от которой его за-

---

¹⁴ К первому из этих объяснений близка позиция Е. Армина, который считает, что Красс чувствовал себя слишком слабым, чтобы удерживать Спартака в осаде или дать ему решающее сражение, и боялся ответственности за новое поражение [12. S. 147]. Ко второму объяснению примыкает точка зрения Е. М. Штаерман, которая связывает письмо Красса с попыткой спартаковцев переправиться на Сицилию [9. С. 240].

¹⁵ Критический анализ свидетельств Цицерона дает А. А. Мотус-Беккер [6. С. 55–59].

¹⁶ Согласно Плутарху, Спартак первоначально планировал переправить на Сицилию только две тысячи человек [Plut. *Crass.* 10. 3].

ставило лишь назначение Помпея [40. Р. 143–144]. Поэтому вряд ли справедливо и мнение А. В. Мишулина о том, что с помощью Помпея и М. Лукулла Красс «желал застраховать себя от случайностей в предпринятых против рабов наступательных операциях» [5. С. 127]: насколько можно судить, Красс не планировал крупных наступательных операций против Спартака и вынужден был перейти к ним лишь после того, как рабы вырвались из осады.

П. Гринхол предлагает политическое объяснение просьбы Красса: по его мнению, полководец знал расстановку политических сил в Риме, понимал, что сенат в любом случае назначит Помпея и М. Лукулла, и направил письмо с просьбой об этом, так как «не желал показаться мелочным» [22. С. 62, 239]; то же объяснение принимают и П. Саузерн и Б. Страусс [39. Р. 52; 40. Р. 152]. Представляется, однако, что, для того чтобы Красса не сочли мелочным, ему достаточно было бы отреагировать на назначение других полководцев хладнокровно, не демонстрируя публично досаду и раздражение¹⁷ и не саботируя совместных военных действий¹⁸. Самому обращаться в сенат с просьбой о помощи было уже излишне; подобная просьба скорее вредила имиджу Красса в глазах общества, чем улучшала его: ведь таким образом он признавал, что не способен справиться со столь недостойным противником самостоятельно, и навсегда лишал себя возможности заявить, что мог бы победить Спартака и без помощи Помпея и М. Лукулла.

Таким образом, если обращение Красса в сенат относится к периоду осады Спартака, то поступок римского полководца выглядит довольно неожиданным и плохо мотивированным как с военной, так и с политической точки зрения, а сомнения А. Уорда и Р. Сигера [43. Р. 91–92, п. 24; 36. Р. 201, п. 74; 37. Р. 222–223] в достоверности такой реконструкции событий представляются вполне правомерными. Вместе с тем было бы рискованно просто отвергать сообщение Плутарха, как предлагает А. Уорд: выше показано, что оно вполне согласуется со свидетельствами Аппиана и Цицерона, а речь в нем идет об официальном документе, донесении проконсула сенату, которое было направлено по официальным каналам, обсуждалось публично и могло даже упоминаться в тексте постановления сената как основание для назначения Помпея и М. Лукулла. Поэтому следует попытаться найти более правдоподобный исторический контекст для этого письма.

Для этого необходимо вернуться назад и более подробно рассмотреть ход военных действий после поражения консулов и назначения Красса командующим в войне против Спартака. Аппиан рассказывает, что после того, как консулы 71 г. потерпели в Пицене очередное крупное поражение (вследствие которого и было принято решение отстранить их от командования), Спартак не стал атаковать Рим, а отправился в Фурии и занял этот город [App. BC. I. 117]. Затем Аппиан переходит к назначению Красса и его первым операциям, не уточняя, где именно они велись. Плутарх же сообщает, что, приняв командование, Красс «расположился у границы Пицена (πρὸ τῆς Πικεΐδος), рассчитывая захватить направлявшегося туда Спартака»; Спартак же, одержав победу над его легатом Муммием, «отступил через Луканию и вышел к морю» (ὑπεξέχωρει διὰ Λευκαΐας πρὸς τὴν θάλασσαν) [Plut. Crass. 10. 1].

Рассказы двух историков содержат противоречие: из Аппиана следует, что сразу после победы над консулами Спартак двинулся на юг и к моменту назначения Красса обосновался в Фуриях. Из рассказа Плутарха не вполне ясно, куда направлялся Спартак, когда Красс пожелал ему воспрепятствовать «на границах Пи-

---

¹⁷ Ср. реакцию Метелла на назначение Мария [Sall. Jug. 82. 2; Plut. Mar. 10. 1] или Лукулла – на назначение Помпея [Plut. Pomp. 31. 4].

¹⁸ Ср. нежелание Цепиона действовать совместно с Маллием [Dio fr. 90] или отказ Глабриона и Рекса оказать помощь Лукуллу [Dio XXXVI. 15. 1; 17. 1–2].

цена»: если Спартак покидал Пицен после победы над консулами, то в хронологии событий не остается места для занятия Фурий. Если же, напротив, Спартак вел войско из Фурий обратно в Пицен, откуда ушел незадолго до того, то логика его действий становится непонятной¹⁹.

Для разрешения этой проблемы Г. Ратке выдвинул предположение, что Аппиан перепутал порядок событий и на самом деле пребывание Спартака в Фуриях следует датировать годом ранее [34. P. 57–58, ср. Flor. II. 8. 4]²⁰. Высказывалось также мнение о том, что, напротив, Спартак взял Фурии уже после назначения Красса и поражения Муммия, по пути в Бруттий через Луканию [12. S. 141; 2. С. 113–114]²¹. Однако обе эти реконструкции требуют допущения, что Аппиан в своем изложении событий допустил серьезную ошибку. Представляется, что более удовлетворительное объяснение дал В. Друман, предположивший, что ошибка, гораздо менее грубая и вполне объяснимая, содержится не у Аппиана, а у Плутарха. По мнению немецкого историка, Красс ожидал Спартака, уже завладевшего Фуриями, у границ не Пицена (как у Плутарха: πρὸ τῆς Πικεΐδος), а Пицентинской земли (Plin. *NH*. III. 5. 70: *ager Picentinus*; Strab. V. 4. 13: τὸ τῶν Πικέντων ἔθνος, οἱ Πικέντες; Ptol. *Geogr*. III. 1. 7: Πικεντίνοι) [17. S. 91–92, Anm. 10]. Гипотеза Друмана принята многими исследователями [26. P. 388–389; 20. Sp. 303; 31. Sp. 1533; 19. P. 90, n. 89; 43. P. 86, n. 11; 13. P. 355–356; 40, 123].

Если дело обстояло так, то позиция Красса имела важное стратегическое значение: его армия перекрывала дорогу, по которой восставшие рабы направлялись из уже захваченной Лукании в богатую и плодородную Кампанию, откуда далее могли двинуться на Рим [43. P. 86; 13. P. 356]. Неизвестно, входило ли это в планы Спартака, однако римляне очень опасались подобного развития событий [Oros. V. 24. 5, ср. App. *BC*. I 117; Flor. II. 8. 11], и Красс должен был считать первоочередной задачей его предотвращение. Вероятно, он поручил Муммию с двумя легионами следовать за неприятелем для того, чтобы своевременно отследить и пресечь попытку Спартака проникнуть в Кампанию обходными путями [40. P. 124]. Когда Муммий в нарушение приказа вступил в сражение и был разбит, положение стало угрожающим. Новое поражение от рук восставших рабов должно было сильно ослабить мораль только что набранного римского войска и внушить солдатам страх перед врагом. Красс мог опасаться, что не в силах будет помешать Спартаку, если тот решит развить успех и продолжить движение на север. Для того чтобы восстановить порядок и дисциплину в своей армии, римский полководец вынужден был прибегнуть к крайне суровой мере, не применявшейся уже много лет, и децимировать когорту, победившую первой [Plut. *Crass*. 10. 2–3]. Эта казнь, сопровождавшаяся «жуткими и мрачными обрядами» [Plut. *loc. cit.*], произвела сильное впечатление не только на солдат, для которых полководец оказался «страшнее побеждавших их врагов» [App. *BC*. I. 118], но, по-видимому, и на общество в целом, о чем свидетельствует рассказ Аппиана, в котором децимированная когорта превратилась в два легиона или даже целую армию [App. *loc. cit.*]. Жестокость и необычность (для этого времени) избранного Крассом наказания свидетельствует о том, что полководец оценивал сложившуюся ситуацию как

---

¹⁹ Наиболее явно это противоречие воспроизведено в исследовании Б. Маршалла, где за короткое время войско Спартака перемещается из Пицена в Луканию дважды: первый раз сразу после победы над консулами [30. P. 25], второй раз – после столкновения с Муммием и Крассом [30. P. 32].

²⁰ Некоторые другие исследователи также излагают события 72 г., не упоминая о взятии Фурий [5. С. 127; 32. S. 131–140; 9. С. 240; 7. С. 58].

²¹ Р. Гюнтер даже считает, что Спартак провел в Фуриях зиму 72/71 гг. [25. S. 21–22], хотя это противоречит свидетельству Плутарха о местонахождении Спартака в данный период [Plut. *Crass*. 10. 6].

критическую. Представляется весьма вероятным, что именно в этих обстоятельствах он и обратился к сенату с просьбой вызвать на помощь Помпея и М. Лукулла²².

Как говорилось выше, эта просьба сама по себе должна была уронить престиж полководца; по мнению ряда исследователей, положение осложнялось тем, что в этот период Красс враждовал с Помпеем. М. Гельцер определяет отношение Красса к Помпею как злобную ревность [20. Sp. 298: *gehässigster Eifersucht*], а А. Гарцетти – даже как ненависть [19. P. 78: *odiare*]. По мнению Бриссона, Красс «лопался от зависти» (*crevant de jalousie*) к Помпею и считал его «самым ненавистным из своих соперников» (*plus haï de ses rivaux*) [14. P. 228, 235]. Данные утверждения, однако, представляются излишне категоричными. Рассмотрим историю предшествующих взаимоотношений Красса с Помпеем.

Первый опыт совместных действий они получили в ходе гражданской войны. В 82 г. Красс вел операции на юге Умбрии, где взял город Тудер [Plut. *Crass.* 6. 5], а Помпей – на севере, где захватил Сену Галльскую [App. *BC.* I. 88]; однако они ненадолго объединились, чтобы дать бой Карринату, нанесли ему поражение под Сполетием, заперли в городе и некоторое время осаждали, пока полководец Карбона не бежал, воспользовавшись темнотой и непогодой [App. *BC.* I. 90, подробнее см. 43. P. 62–63, n. 19]. По-видимому, на данном этапе между Помпеем и Крассом не существовало каких-либо непримиримых разногласий и они готовы были координировать действия ради победы над общим врагом.

Плутарх, однако, сообщает, что вскоре Красса охватило желание соперничать с Помпеем, что его «раззадоривала и раздражала» (*διέκαλε καὶ παρώξυνε* и даже «мучила» (*ἤνικα*) слава Магна [Plut. *Crass.* 6. 5; 7. 1]. Действительно, после взятия Рима Сулла, по-видимому, поручил Крассу розыск и уничтожение проскрибированных в Бруттии, что не сулило славы и популярности [20. Sp. 298], а вскоре и вовсе отстранил его от государственных дел, обнаружив, что Красс самовольно внес какого-то человека в проскрипционный список [Plut. *Crass.* 6. 7]. В это же самое время Помпей, который был младше Красса на семь или восемь лет²³, самостоятельно вел масштабные военные действия сперва на Сицилии, затем в Африке во главе шести легионов, был провозглашен императором, потребовал и получил триумф [Plut. *Pomp.* 10–14]. Однако следует отметить, что в своем продвижении наверх Помпей не причинил Крассу никакого вреда. Плутарх же свидетельствует о том, что «соперничество не увлекало... Красса на путь вражды или какого-нибудь недоброжелательства... к честолюбию не присоединялось ни враждебности, ни коварства» [Plut. *Crass.* 7. 5]. И Гельцер, и Гарцетти в качестве иллюстрации своей точки зрения приводят рассказ Плутарха [Plut. *Crass.* 7. 1] о том, как Красс, услышав упоминание о Помпее Великом (*Magnus*), насмешливо поинтересовался, какой же он величины [20. Sp. 299; 19. P. 80]. Однако эта шутка представляется довольно безобидной, если сравнить ее, например, с тем, как Цицерон обыграл когномен Тита Росция Магна, сопоставив это имя с гладиаторским прозвищем, а самого своего судебного противника – с ланистой [Cic. *Rosc. Am.* 17]; схолиаст поясняет, что прозвище Магн обычно принимали гладиаторы, убившие множество противников [Schol. *Gron.* 427 Orelli]²⁴. Вполне вероятно, что в 70-х гг. Красс действительно не был удовлетворен собственным положением в государстве и испытывал чувство соперничества, видя успехи Помпея. Впрочем, к концу 72 г. это

---

²² По-видимому, так считает и М. Дои [16. P. 171–172]; к сожалению, мне не удалось ознакомиться со статьей этого автора на японском языке [3].

²³ Красс родился в 114-м или 113 г. [41. P. 123–124], Помпей – в 106 г. [Vell. II. 53.4].

²⁴ Учитывая, что много лет спустя Помпея однажды называли «юным палачом» (*adulescentulus carnifex*), вспоминая о противниках, уничтоженных им в гражданской войне [Val. Max. VI. 2. 8], сопоставление с гладиатором-победителем, вероятно, было бы для него довольно болезненным.

соперничество уже могло потерять прежнюю остроту: Красс теперь тоже обладал чрезвычайными проконсульскими полномочиями и возглавлял крупное войско, причем уже достиг ранга претория, тогда как Помпей все еще оставался римским всадником. Так или иначе, представляется маловероятным, что в этот период жизни Красс питал ненависть к молодому триумфатору или считал его личным врагом²⁵. В условиях серьезной военной опасности он вполне мог счесть обращение к Помпею разумной и оправданной, хоть и болезненной для честолюбия мерой, тем более что, как отмечает Б. Страусс, одновременное назначение М. Лукулла должно было несколько принизить значимость Помпея [40. P. 152].

Если Красс обратился в сенат сразу после поражения Муммия, то возникает вопрос: почему решение о назначении Помпея было принято лишь во время осады, т. е. спустя довольно долгое время – несколько недель, а возможно, и месяцев? Чтобы попытаться ответить на него, рассмотрим ход военных действий в этот период времени.

Аппиан рассказывает, что вскоре после децимации Красс одержал победу над 10 тыс. спартаковцев, отдельно стоявших лагерем, и уничтожил две трети их, а затем разбил и самого Спартака, который после этого бежал с целью переправиться на Сицилию [App. BC. I. 118]. Т. Р. Холмс высказал сомнения в реальности этих событий, о которых не упоминает больше ни один источник, и предположил, что Аппиан здесь имел в виду победы Красса при Луканском озере и у истоков Силара уже после прорыва осады, которые отсутствуют в рассказе александрийского историка на своем месте [26. P. 389–390]²⁶. Однако Э. Габба и А. Уорд справедливо отмечают, что рассказ Аппиана подтверждается свидетельствами Флора и Орозия о том, что Красс удачно сразился со спартаковцами вскоре после своего назначения [Flor. II. 8. 12; Oros. V. 24. 6], и цифры, приводимые Орозием (6 тыс. убитых и 900 пленных), в общем соответствуют данным Аппиана [18. P. 327; 43. P. 88, n. 16]²⁷. Таким образом, вполне правомерно сделать вывод, что Крассу быстро удалось обратить неудачу в успех и именно это вынудило Спартака отступить в Бруттий и попытаться покинуть Италию [6. С. 72; 18. P. 327; 43. P. 88–89; 13. P. 357; 40. P. 127–128]. Вопреки мнению С. Л. Утченко и Р. Гюнтера [7. С. 58; 25. S. 22]²⁸, в источниках не содержится сведений о каких-либо поражениях Красса в период между разгромом Муммия и началом осады Спартака на Регийском полуострове. Непосредственная угроза для центральной Италии миновала, и, вероятно, в Риме уже ожидали скорой победы над восставшими рабами. В новых условиях необходимости вызывать Помпея и М. Лукулла не было и письмо Красса должно было представляться неактуальным. Кроме того, можно предположить, что многие влиятельные политики не желали поручать Помпею войну против Спартака: это назначение позволяло бы командующему не распускать армию на территории

---

²⁵ Отдельно следует отметить предположение А. Уорда о том, что за Плотием, который в 73 г. обвинил Красса в связи с весталкой, стоял Помпей [43. P. 75]. Данный инцидент действительно мог породить со стороны Красса непримиримую вражду – однако лишь в том случае, если он знал, по чьему наущению действует обвинитель. Однако Плотии (Плавтии) появляются в окружении Помпея лишь с 70 г. [43. P. 75], а о предшествующем сотрудничестве членов этого рода с Помпеем или его отцом никаких сведений обнаружить не удается.

²⁶ Ранее это предположение высказывал В. Друмманн, не останавливаясь на нем подробно [17. S. 92, Anm. 2]. С аргументацией Холмса согласился А. Гарцетти [19. P. 91].

²⁷ Сообщения источников о первых победах Красса доверяют и многие другие исследователи [20. Sp. 304; 31, 1534; 13. P. 357]. Б. Страусс, не отрицая сам факт победы Красса, считает, что его успех несколько преувеличен [40. P. 127]. Столкновение Красса с самим Спартаком действительно не упоминается в других источниках, так что в этом вопросе сомнения Т. Р. Холмса представляются более правомерными [ср.: 12. P. 141; 8. С. 229–230].

²⁸ Оба исследователя объясняют просьбу Красса о назначении Помпея и М. Лукулла некими его неудачами, последовавшими за поражением Муммия.

Италии, а Помпей уже продемонстрировал, что способен использовать войско как инструмент давления на сенат и магистратов ради достижения собственных целей [38. P. 1–13, особ. 4–5]²⁹. Вероятно, именно поэтому просьба Красса не была удовлетворена сразу, и он оставался единственным командующим против Спартака.

Однако когда в Риме было получено известие, что, вместо того чтобы разгромить Спартака в сражении, Красс запер его в Бруттии и приступил к осаде, положение изменилось. Перспектива затягивания войны вызывала в Риме недовольство, стратегия Красса не пользовалась одобрением и поддержкой [App. BC. I. 119, ср.: 22. P. 238; 43. P. 91]. Вероятно, именно тогда о прежней просьбе Красса снова вспомнили и решили ее удовлетворить, невзирая на то, что, с точки зрения самого полководца, это было уже ненужно и нежелательно. Согласно Аппиану, узнав об этом решении, Красс активизировал военные действия, чтобы слава победителя не досталась другому [App. *loc. cit.*]. В итоге ему действительно удалось разбить Спартака собственными силами, однако Помпей, который уничтожил остатки рабских войск уже после решающего сражения, действительно приписал себе заслугу победы в этой войне, и тот факт, что ему было официально поручено командование в ней – причем в соответствии с просьбой самого Красса – должен был придать дополнительный вес его притязаниям.

Таким образом, сведения Цицерона и Аппиана о том, при каких обстоятельствах Помпею было поручено вести войну против Спартака, не противоречат упоминанию Плутарха о том, что Красс обратился в Рим с просьбой об этом. Источники не содержат точных сведений о времени этого обращения и позволяют лишь утверждать, что оно было направлено раньше, чем Спартак прорвал укрепления Красса на Регийском полуострове. Однако анализ хода военных действий свидетельствует о том, что наиболее вероятным контекстом для просьбы Красса вызвать в Италию Помпея и М. Лукулла являются первые дни после разгрома Муммия. Едва приступив к командованию, Красс потерпел серьезное поражение, которое угрожало деморализовать только что набранные легионы и сорвать все планы полководца. Красс не мог быть уверен, что ему удастся остановить Спартака и не пропустить его в Кампанию и дальше – на Рим. Перед лицом этой опасности он счел необходимым прибегнуть к весьма суровой дисциплинарной мере – децимации, и очень вероятно, что предложение вызвать Помпея и М. Лукулла (что тоже было своего рода крайним средством) было направлено в сенат тогда же. Однако худшие опасения Красса не оправдались: вскоре ему удалось нанести восставшим крупное поражение, оттеснить на Регийский полуостров и запретить там, взяв таким образом ситуацию под контроль. В Риме, однако, желали быстрой победы, и когда стало ясно, что война затягивается, письму полководца, написанному в иных обстоятельствах, все-таки дали ход, и именно тогда Помпей и, вероятно, М. Лукулл были вызваны в Италию для войны против Спартака – к немалой досаде Красса.

Литература

1. Валлон А. История рабства в античном мире. – М., 1941. – Т. 2.
2. Горончаровский Р. А. Спартакоская война: восставшие рабы против римских легионов. – СПб., 2011.
3. Дои М. Реконструкция рабской войны Спартака // Сеншу Шигаку. – 1968. – № 1. – С. 41–100.

---

²⁹ Помпей вопреки приказу Суллы привел в Италию армию из Африки и добился триумфа, на который не имел права [Cic. *Leg. Man.* 61; Plut. *Pomp.* 13–14], после войны против Лепида отказывался распустить войско, пока не получил назначение в Испанию [Plut. *Pomp.* 17. 3], а оттуда в 74 г. направил консулам письмо с угрозой привести войско в Италию, если ему не будут предоставлены подкрепления [Sall. *Hist.* II. 98; Plut. *Pomp.* 20. 1].

4. Лесков В. А. Марк Красс и другие // Вопросы истории. – 1970. – № 8. – С. 129–142.
5. Мишулин А. В. Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. – М., 1936.
6. Мотус-Беккер А. А. Из истории восстания Спартака // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1948. – Т. 68. – С. 55–78.
7. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. – М., 1969.
8. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима. – М., 1992.
9. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. – М., 1964.
10. Adcock F. Marcus Crassus, Millionaire. – Cambridge, 1966.
11. Appiani Historia Romana ex recensione L. Mendelssohnii / Ed. 2 cur. P. Viereck. Vol. II. – Lipsae, 1905. – P. 129.
12. Armin J. Spartacus. Kampf der Sklaven. – В., 1986.
13. Bertinelli M. G. A. Commento. La vita di Crasso // Plutarco. Le vita di Nicio et di Crasso / A cura di M. G. A. Bertinelli, C. Carena, M. Manfredini, L. Piccitilli. – Milano, 1993. – P. 317–425.
14. Brisson J.-P. Spartacus. – P., 1959.
15. Deknatel Chr. De vita M. Licinii Crassi. – Lugduni Batavorum, 1901.
16. Doi M. On the Negotiations between the Roman State and the Spartacus Army // Klio. Bd. 66. – 1984. – P. 170–174.
17. Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. Hg. P. Groebe. Bd. 4. – Hildesheim, 1964.
18. Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. – Firenze, 1958.
19. Garzetti A. Scritti di storia repubblicana e augustea. – Roma, 1996.
20. Gelzer M. Licinius (68) // RE. HbBd. 25. – 1926. – Sp. 295–331.
21. Gelzer M. Pompeius. – München, 1973.
22. Greenhalgh P. Pompey: The Roman Alexander. – L., 1980.
23. Griffith J. G. Spartacus and the Growth of Historical and Political Legends // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981. – P. 64–70.
24. Guarino A. Spartaco. Analisi di un mito. – Napoli, 1979.
25. Günther R. Der Aufstand des Spartacus. – В., 1984.
26. Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder of Empire. Vol. I. – Oxford, 1923.
27. Last H. The Breakdown of the Sullan System and the rise of Pompey // CAH. 1st edn. Vol. IX. – Cambridge, 1932. – P. 313–349.
28. Leach J. Pompey the Great. – L., 1978.
29. Marshall B. Crassus and the Command against Spartacus // Athenaeum. – 1973. – Vol. 51. – P. 109–121.
30. Marshall B. Marcus Crassus: A Political Biography. – Amsterdam, 1976.
31. Münzer F. Spartacus // RE. HBd. 6. – 1929. – Sp. 1528–1536.
32. Oliivier M. Spartacus. – Jena, 1948.
33. Ooteghem P., van. Pompée le Grand: Batisseur d'Empire. – Bruxelles, 1954.
34. Rathke J. De Romanorum Bellis Servilibus. – В., 1904. – P. 83–84; Appiani Historia Romana ex recensione L. Mendelssohnii / Ed. 2 cur. P. Viereck. Vol. II. Lipsae, 1905.
35. Schiavone A. Spartacus / Engl. transl. by J. Carden. – Oxf. ; Mass. ; L., 2013.
36. Seager R. Pompey the Great. A Political Biography. – Oxford, 2002.
37. Seager R. The Rise of Pompey // CAH. – 2nd edn. – Vol. IX. – Cambridge, 1992. – P. 208–228.
38. Smith R. E. Pompey's Conduct in 80 and 77 B. C. // Phoenix. – 1960. – Vol. 14. 1. – P. 1–13.
39. Southern P. Pompey the Great. – Stroud ; Charleston, 2002.
40. Strauss B. The Spartacus War. – N.Y., 2009.
41. Sumner G. V. Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. – Toronto ; Buffalo, 1973.
42. Urbainczyk Th. Spartacus. – L., 2004.
43. Ward A. Marcus Crassus and the Late Roman Republic. – Columbia, 1977.

Список сокращений

CAH – The Cambridge Ancient History.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

RE – Pauly's Realencyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft. Neue Bearbeitung.

УДК 281.93

Андреева Елена Владимировна

канд. ист. наук, доцент кафедры «Реклама»
факультета социальной психологии
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: lenaandreeva@e1.ru

Andreeva Elena Vladimirovna

Candidate of History, Associate Professor
of Advertising Chair, Faculty of Social
Psychology, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ
ВОСТОЧНОГО УРАЛА
И ЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**ECONOMIC ACTIVITIES
OF EASTERN URAL
MONASTERIES AND CONVENTS
AND ITS IMPORTANCE**

Аннотация

Монастыри Восточного Урала первоначально, с XVII в., были в составе Пермской епархии. В качестве хозяйственного объекта управления Екатеринбургской епархии они известны с 1885 г. Быстрый рост монастырей происходил в XIX в.; после того как они стали общежительными, увеличились их земельная собственность и капитал. Но общероссийскую известность в начале XX в. получил только Верхотурский Николаевский мужской монастырь¹, во многом благодаря паломничеству к святым мощам праведного Симеона.

Ключевые слова: община; монастырь; Синод; благочинный; Екатеринбургская епархия; архиерей; кружечный капитал; свечной сбор; паломничество.

Abstract

Monasteries of the Eastern Ural used to be a part of the Perm diocese. They became economic entities of Ekaterinburg diocese in 1885. Their rapid growth took place in the 19th century as they turned into places of community living, acquired greater land plots and capital. The only monastery that gained nationwide popularity at the beginning of the 20th century was St. Nikolas monastery in Verkhoturie thanks mainly to Righteous Gideon relics' pilgrimage.

Keywords: community; monastery; Synod; Devout; Ekaterinburg Diocese; archpriest; charity capital, candle fee; pilgrimage.

В наши дни необходимо учитывать преемственность влияния монастырей на жизнь общества, так как «формы социальных отношений в схематичных формах современной социально-экономической эволюции редуцируются, обедняются социально-функциональные возможности, происходит углубление дифференциации массового общества, нарастание темпа исторических изменений» [1. С. 24]. Кроме того, деятельность монастырей до 1917 г. дает конструктивный пример значения благотворительности и ее нравственно-формирующего характера.

Традиционно жизнедеятельность уральских обителей рассматривалась только с точки зрения популяризации их как мест религиозного поклонения и историко-культурных центров православия на Урале [2]. Значимость нравственно-хозяйственного аспекта деятельности монастырей как дореволюционными, так и современными исследованиями не была представлена. Функционирование монастырей раскрывается не только как духовное служение, но и как созидательная, предметно-практическая деятельность.

¹ Здесь и далее названия монастырей даны по: Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. [Репринтное издание]. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, б/г.

Монастыри в России были не только центрами духовности, они имели важное культурно-хозяйственное значение. Монастырям предписывалось «вести усовершенствованное хозяйство на монастырских угодьях, развивать деятельность через создание целого ряда предприятий для удовлетворения потребностей своего хозяйства, для продажи на сторону продуктов и изделий монастырского производства» [3. С. 27].

Высший надзор над хозяйством монастырей принадлежал Синоду. Он защищал интересы монастырей перед государственными учреждениями, охранял монастырское имущество как от насильственного захвата и расхищения посторонними для монастыря лицами, так и от злоупотреблений со стороны монастырского управления, содействовал правильному ведению хозяйства, издавая соответствующие законы.

Непосредственно управлением хозяйственной деятельностью в монастырях, состоящих в епархиальном ведомстве, занимались настоятели или настоятельницы с советом старшей братии или старших сестер, именуемом монастырским собором. Надзор за их деятельностью осуществляло епархиальное начальство, власть которого сосредоточивалась в консистории. Контроль и исполнение предписаний консистории епархиальное начальство осуществляло через благочинных.

По монастырскому хозяйству велась необходимая ежемесячная отчетность, которую представляли сначала монастырскому собору на одобрение, а затем включали в общую монастырскую отчетность. К определенному сроку совет составлял ежегодную смету доходов и расходов на предстоящий год и представлял ее на утверждение архиерею через Епархиальный монашеский совет.

Обычно консистория ежегодно требовала предоставлять сведения о приходе и расходе церковных сумм монастырями, так как суммы, оставшиеся от расходов, причисляли к капиталам обителей. Епархиальное начальство часто настаивало на своевременном обращении этих капиталов в кредитные билеты местного отделения государственной сберегательной кассы, с тем чтобы в дальнейшем по ним росли проценты и улучшалось благосостояние обители.

В консистории имелась подробная опись всего имущества монастырей, подобная была и в самих монастырях. Туда вписывали все существующие и поступающие в обитель вещи. Наличие вещей маловажных и «удобоповреждаемых» указывали в особом реестре.

Сами монашествующие не могли приобретать никакого имущества ни по договорам, ни по наследству. Им запрещалось удерживать за собой имущество, даже если оно было приобретено ими до вступления в монашество. Поэтому вступающий в это звание, из какого бы то ни было сословия, обязан был до пострижения отдать свое родовое имение законным наследникам, благоприобретенным имением должен был распорядиться в чью-либо пользу по своему усмотрению. Если он этого не делал, тогда имение в обоих случаях передавалось законным наследникам безвозмездно по распоряжению правительства [4].

По монастырской описи и реестру увольняемый настоятель сдавал имущество монастыря новому, а если тот еще не прибыл, то духовному лицу, назначенному от епархиального начальства через благочинного монастырей. Об этом подробно докладывали в консисторию с общими подписями сдающего и принимающего [5. С. 48].

После смерти настоятеля или настоятельницы общежительного монастыря все их имущество, даже если оно и не значилось по монастырским документам, признавалось собственностью обители. Только если монастырь был необщежительным, такое имущество передавалось наследникам; если же таковых не было, – то в пользу архиерейского дома [5. С. 49]. При описании имущества умершего настоятеля (настоятельницы) приглашали для освидетельствования полицию, чтобы все действия были сообразны закону.

Поскольку монастырь был не только молитвенной организацией, но и трудовым братством, за ним закреплялось право на обладание земельными угодьями. Земельные угодья у монастырей были двоякого рода: либо отведенные от казны по распоряжению Министерства государственных имуществ в определенной межевыми законами пропорции, либо принадлежащие этим духовным организациям «по прежним дачам или новейшим укреплениям» [6].

Законом 1857 г. специально устанавливался порядок принятия церковными структурами пожертвования в виде недвижимого имущества. В 1876 г. российским законодательством были утверждены неотчуждаемость земель монастырей и освобождение этих земель от поземельных сборов и местных повинностей. Законодательством был установлен предел размеров земельных владений в 60 десятин, хотя на практике он превышался. Стал действовать запрет на приобретение монастырями населенных имений [7. С. 106].

Донесения настоятелей и настоятельниц о нуждах уральских монастырей с середины XIX по начало XX в. подробно рассматривались и обсуждались в Духовной консистории. При этом если монастырь нуждался в пахотных землях или лесных участках, то консистория в первую очередь обращала внимание на то, сколько их на данный момент есть во владении обители, а потом – из каких дач казенного ведомства следовало отпускать эти земли. Если требовалось необходимое количество деревянных брусьев на строительство или ремонт монастырских зданий, то в донесении настоятелей указывалась точная смета расходов: на что, куда, зачем и в каком количестве нужны строительные материалы. В случае если консистория давала положительное заключение, то об этом сообщалось епархиальному архиерею для дальнейшего взаимодействия с местным управлением государственных имуществ. Когда консистория не разрешала выделить необходимые земельные угодья для обители (а иногда это происходило из-за установленных правил не отпускать сверх пропорций, определенных межевыми законами); или если она не смогла на ремонт или постройку найти бесплатно лес из казенных дач; либо если местное начальство государственных имуществ не хотело тому содействовать, – то монастырское начальство могло обратиться за разрешением этого вопроса в Синод.

Монастыри к 1917 г. стали крупными земельными собственниками. Часто собственность и земельные владения у монастырей появлялись с момента становления их в качестве общины. На 1915 г. все обители Екатеринбургской епархии владели землей в общей сложности площадью до 3524,3 десятины, из которых на долю мужских монастырей приходилось 578,5 дес., а на долю женских монастырей и общин – 2945,8 дес. Из них самыми крупными земельными собственниками на 1917 г. являлись женские монастыри: Ново-тихвинский (г. Екатеринбург) (720 дес.), Красносельский Введенский (415 дес.), Каслинский Казанский (354 дес.) [8. С. 4]. Самым крупным по численности монастырем оставался в 1885–1917 гг. Новотихвинский. На 1917 г. в нем проживали 982 насельницы, из них самое большое количество монашествующих по всей епархии – 136 человек.

Если провести аналогичное сравнение между мужскими монастырями Екатеринбургской епархии, то увидим следующее: самая крупная земельная собственность была у Верхотурского Николаевского монастыря – 272 дес., затем шел Далматовский Успенский – 176 дес., потом Кыртомский Крестовоздвиженский – 160 дес.

Земельные владения передавались монастырским обителям часто в качестве пожертвований за поминовение души, в дар на вечное хранение, в качестве завещания, а иногда приобретались самим монастырем. Как на приобретение любой недвижимой собственности, так и на ее продажу или аренду требовалось разрешение епархиального начальства, так как монастырская собственность была неделима и могла лишь приумножаться. Если настоятель и совет братии хотели передать

часть монастырского недвижимого имущества в оброчное или арендное содержание, то на это тоже требовалось одобрение от консистории, которая рассматривала законность и выгоду условий сделки или контракта.

С конца XIX в. епархиальное начальство предписало всем монастырям застраховать имущество по специальному тарифу, 15%-ная часть которого должна была отсылаться в пользу Екатеринбургской епархии. Позднее все монастыри должны были сообщать сведения о том, что они застраховали, в каком страховом обществе, во сколько оценивались строения и другое имущество, сколько оплачивалось страховой премией [9].

Описание этих источников дохода монастырей показывает нам, что труд братии на земельных участках не только сплачивал их как рабочий коллектив, но объединял их духовно как в радости, так и в горести.

Собственностью монастырей Восточного Урала являлись не только церковные храмы и иконно-книжные лавки, но и амбары, кладовые, братские корпуса, гостиницы, здания училищ и общежитий, оранжереи, больницы, сараи, конюшни, бани, кузницы и другие ремесленные мастерские. Многие из этих зданий в основном создавались и сооружались за счет средств самих обитателей. Поэтому только обеспеченные монастыри могли себе позволить иметь на своей территории несколько каменных храмов, многоэтажные братские корпуса и гостиницы для богомольцев, отдельно выстроенные для ремесленных мастерских здания и помещения. Благодаря страховым оценкам 1910 и 1912 гг., мы располагаем сведениями об имуществе во владении уральских монастырей. Больше всего церквей на территории обители было только у двух монастырей – Екатеринбургского женского (5 каменных церквей – Александро-Невская, Тихвинская, Введенская, Феодосиевская, Скорбященская) и Верхотурского мужского (4 церкви; из которых были 1 деревянная – Неофитовая и 3 каменные – Николаевская, Преображенская, Крестовоздвиженская). Поэтому эти обители были самыми состоятельными в Екатеринбургской епархии на начало XX в.

Поскольку заранее оговаривалась полная независимость общины от государственного обеспечения, то зачастую становление обители происходило за счет собственных трудов, приношений и вкладов родственников или благотворителей, а в дальнейшем за счет процентов с пожертвованных в их пользу капиталов и доходов от приобретенных и пожертвованных земельных владений.

Позднее к уже перечисленным источникам существования прибавлялась возможная, но не всегда предоставляемая материальная помощь государства, поскольку большинство общин Восточного Урала, преобразуясь в общежительные монастыри, оставалось на своем содержании. И в этом случае финансовая поддержка обителей государством являлась лишь актом доброй воли. Причем с 1893 г. правом на наделение землей от казны пользовались только монастыри, а не общины и не общежития [10].

На содержание штатных монастырей Екатеринбургской епархии с конца XIX в. из казны отпускали 2855 руб. 63 коп. в год, из них Верхотурскому Николаевскому мужскому монастырю 484 руб. 44 коп., Далматовскому Успенскому мужскому – 711 руб. 72 коп., екатеринбургскому Новотихвинскому женскому – 1659 руб. 47 коп. А в 1915 г. от казны монастыри получили только 2371 руб. 19 коп., так как перестали начислять средства верхотурскому монастырю. Остальные по-прежнему получали установленные для них суммы денег [11; 8].

В соответствии с состоянием монастырских капиталов епархиальное начальство решало вопросы улучшения внешнего вида обителей. В указе Синода от 10 февраля 1870 г. предписывалось «по постановлениям консистории предоставлять епархиальному начальству разрешение на обращение части доходов с церковных

оброчных статей на устройство церковных домов, на покупку церковью другого недвижимого имущества для постоянного из доходов с них обеспечения» [12].

Настоятелям с советом старшей братии разрешалось в некоторых случаях (например, на приобретение необходимых для обители богослужебных и поучительных книг, исправление церковной утвари, мелкий ремонт в монастырских церквях) употреблять в расход из монастырских экономических сумм единовременно до пятисот рублей. При этом не обязательно было спрашивать разрешения епархиального начальства, но об этом должен был знать благочинный. Исключением был ремонт в алтаре, из-за нарушения существенных частей которого требовалось благословение епархиального архиерея [5. С. 51].

Возведение церквей в монастырях происходило в основном за счет казны обители, на что требовалось согласие всей братии общежительного монастыря. По переписке настоятелей видно, что они были в курсе всех деталей строительства. Обычно в известность ставили епархиального архиерея, объясняя причины возведения нового здания церкви или необходимости ремонта ветхого церковного сооружения. По представленным рисункам от настоятеля монастыря епархиальное начальство давало разрешение на установление иконостаса в храме [13].

Наличие развитого монастырского хозяйства позволяло монастырю во многих случаях снизить стоимость стройматериалов. Так, при постройке Крестовоздвиженского собора верхотурского монастыря в 1905 г. кирпич изготавливали в собственных монастырских сараях. На место строительства его доставляли на монастырских лошадях, что существенно снижало его стоимость. Собственный гужевой транспорт использовался и для вывоза с реки Туры речного песка и гальки. Дешевле обходился и бутовый камень, так как монастырь арендовал в казенном лесничестве каменоломню. Лес и для строительства, и для обжига кирпича иноки скупали у окрестных жителей. Часть лесоматериалов заготовили в казенных дачах, в основном на льготных условиях. Известь крупным оптом приобретали в соседних волостях – Меркушинской и Топорковской [14].

С заметными затруднениями стали приобретать строительные материалы с 1908 г. В основном из-за неудовлетворительного урожая, выросли цены на продовольствие и стройматериалы. После того как наладилась работа Верхотурской ж/д, окрестности Верхотурья наполнились переселенцами, вместе с этим вздорожали рабочая сила и строительные материалы. А в 1910–1911 гг. монастырь уже не имел наличных средств, поэтому управление монастыря просило разрешения у епархиального начальства на продажу именных свидетельств 4 % государственной ренты на сумму 75 000 руб., принадлежащих монастырю, для уплаты долга по ссуде Госбанку и на покрытие расходов для окончания постройки храма [14].

Штатное духовенство в основном получало жалованье от казны, но поскольку к концу XIX в. почти все уральские монастыри стали общежительными, то должны были обеспечивать себя самостоятельно. Поэтому монастыри имели собственные источники доходов в виде платы прихожан за исполнение церковных служб или за покупку некоторых обрядовых предметов – свечей, иконок и т. п.

Лучше всего деятельность иконно-книжной лавки была развита в Верхотурском Николаевском монастыре, что можно проследить по прибыльности этой статьи дохода. В 1900 г. с просьбой к игумену Арефе настоятелю Верхотурского монастыря выступил настоятель Абалакского Знаменского монастыря Тобольской епархии иеромонах Антоний: «Посоветуйте, откуда лучше выписывать товары, книги духовно-нравственного содержания, чтобы и нам можно было последовать вашему благому примеру и послужить для пользы вверенной обители» [15]. Он выяснил, что торговля в книжной лавке Верхотурского монастыря поставлена хорошо и не требует никаких улучшений, поскольку удовлетворяет потребности богомольцев.

Источниками постоянного дохода монастырей был кружечный капитал. В основном это были средства, получаемые в результате пожертвований прихожан и сборов в «кружки», сделанные во время или после религиозной службы в храмах. Надо сказать, что доходы, полученные от кружечных и кошелековых сборов монастырей, отличались от таких же, но в общинах. Так, кружечный доход за 1911 г. у Верхтеченского Троицкого женского монастыря – 1500 руб., за этот же год у Усть-Карамбольской Покровской женской общины только 1 руб. 69 коп. [16].

Главным источником монастырских доходов с середины XIX в. стал свечной сбор. Церкви и монастыри Восточного Урала часто получали свечи через заказы из свечного завода екатеринбургского Новотихвинского монастыря, с течением времени он повышал цены на свечи. Тогда духовенство Зауральского края стало покупать свечи у частных купцов и в 1881 г. на окружном съезде открыто заявило, что с нового года оно будет приобретать свечи не в екатеринбургском монастыре, а только у купцов [17].

После этого настоятельница Новотихвинского монастыря игуменья Магдалина написала прошение епархиальному архиерею. Она просила епархиальное начальство предложить духовенству Пермской епархии, чтобы оно не уклонялось от покупки свечей из складов ее монастыря. Принимая во внимание хорошее качество свечей, изготовленных екатеринбургским женским монастырем, и его заслуги, Пермская духовная консистория рекомендовала причтам и старостам церкви Уральского края через благочинных епархии покупать восковые свечи у этого монастыря, для чего предварительно договориться с настоятельницей обители насчет цены и доставки свечей в церкви. А причты и церкви Зауральского края, т. е. уездов Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Шадринского и Камышловского, как находящихся вблизи свечных монастырских складов, которые были в Екатеринбурге, Ирбите и Верхотурье, обязали непременно покупать свечи только у екатеринбургского монастыря, а не у купцов. В свою очередь об этом распоряжении объявили и настоятельнице екатеринбургского монастыря для того, чтобы «свечи она продавала не дорого, по такой цене, которая была бы необременительна для церквей и вознаграждала бы монастырь за выделку свеч» [17]. Благодаря этому женский монастырь укреплялся материально, и увеличивался состав населяющих его сестер.

На 1891 г. сестры екатеринбургского женского монастыря для заведования хозяйством имели жительство в различных населенных пунктах Уральского края: с 1819 г. при елизаветинской монастырской заимке, находящейся близ города Екатеринбурга; с 1837 г. на монастырском хуторе близ села Булзинское Екатеринбургского уезда; с 1882 г. на монастырском подворье в городе Ирбите; с 1885 г. на монастырском подворье в Нижнетагильском заводе Верхотурского уезда [18].

С 1897 г. духовная консистория решила оставить в епархии три свечных склада: центральный в Екатеринбурге, уездные – в Ирбите и Шадринске. В Ирбите, в целях экономии, принимали огар и рассылали запасы свечей для церквей округа и торговли ограниченным (до 100 пудов) количеством мелких сортов свечей.

Непостоянными источниками увеличения капитала монастырей Екатеринбургской епархии до 1917 г. являлись:

- 1) благотворительность – разовое частное пожертвование прихожан или местных властей;
- 2) деятельность монастыря или монашеской общины в сфере погребальных услуг;
- 3) издательская, аграрная или торгово-закупочная деятельность;
- 4) предоставление в аренду принадлежащих монастырю помещений;
- 5) доходы от производственных мастерских.

Небольшие производства имелись при всех православных монастырях, поскольку жизнь монахов протекала как в трудах, так и в молитвах. Чтобы выяс-

нить, чем занимались в мастерских, можно рассмотреть отчеты благочинного монастырей. «Все проживающие в монастыре сестры-монахини и послушницы с ревностью проходят, каждая по своей силе, разумению и способности, возлагаемые на них послушания по церкви, хозяйству обители, в трапезной, на подворье, при училище, богадельне и разных мастерских, существующих со дня основания обители и значительно усовершенствованных в последнее время». Такое описание дал благочинный одному из небольших женских монастырей Екатеринбургской епархии – Красносельскому Введенскому [19].

В начале XX в. в этом монастыре были развиты «до высокой степени» десять мастерских: 1) рукодельная (вышивка по полотну и другим материям шелками, синелью, гипюром и простой строчкой; изготовление искусственных цветов и фруктов; шитье папок, портфелей, диванных подушек, воздушных, священнических облачений, поясов для духовенства из бархата с вышивкой на всех этих предметах золотом, бисером, шелками; вязание филейных салфеток; шитье гладью кокеток, полотенец, наволочек, простыней и т. п.; стежка шерстяных и ватных одеял); 2) ткацкая (ткачество половиков, холста, шерстяных ковров, тканевых одеял. Все эти изделия и материалы окрашивались необходимыми цветами); 3) портная (шитье мужской и женской одежды на швейных машинках, как для сестер обители и окрестного духовенства, так и для крестьян); 4) чеботарная (изготовление кожаной новой обуви: сапог, ботинок, штиблет, башмаков и рабочих обуви с использованием ножных швейных машин и ремонт старой); 5) столярная (изготовление всевозможной мебели: столов, стульев, шкафов, конторок, гардеробов, кроватей, диванов, кресел, дверей, оконных рам и проч.); 6) чулочная (вязка чулок и перчаток производилась посредством вязальной машинки); 7) переплетная (переплет книг и журналов для монастыря и окрестных приходских церквей); 8) иконописная (писание икон различных размеров и всевозможных изображений); 9) шорная (изготовление новой и ремонт старой сбруи); 10) кузница (подковка лошадей, изготовление разных хозяйственных предметов и инструментов). Собственными силами сестер вырабатывался красный кирпич в монастырском кирпичном сарае [20].

При небольшом Кыртомском мужском монастыре существовали книжная лавка, кожевенный и дегтярный заводы, мастерские – пимокатная, кузница, слесарня, мукомольная мельница.

Высоко было поставлено обучение рукоделиям в екатеринбургском Новотихвинском женском монастыре. При нем было 18 мастерских (это самое большое количество среди всех монастырей епархии), на свои средства он содержал детский приют, богадельню, странноприимный дом и школу. Производством рукоделий в конце XIX в. под руководством опытейших сестер, каждая из которых в своей отрасли, было занято 106 мастериц и 61 ученица. Самыми крупными из мастерских заведений были золотошвейное, иконописное, живописное и свечное производства. В золотошвейном трудились 28 мастериц и 9 учениц, в иконописной – 5 мастериц и 10 учениц, в живописной – 14 мастериц и 14 учениц, в свечном производстве – 4 монахини работницы скут светильни, 29 послушниц и 10 учениц [21].

Послушниц этого монастыря отправляли в середине XIX в. для обучения в наиболее прославленные своими ремесленными традициями обители России. Впоследствии екатеринбургские рукодельницы обучали и насельниц других монастырей и общин епархии.

Первоначально мастерские открывались для нужд самих монашествующих. Но после того как производства, рассчитанные на частичную продажу излишков товаров, начинали приносить доход, православные обители в дальнейшем старались именно на этой деятельности специализироваться. Так, например, в екате-

ринбургском монастыре с 1828 г. начали производить кирпичи, которые были в два раза дешевле и прочнее, поэтому продавались «на сторону». Поэтому екатеринбургскому монастырю в конце XIX в. пришлось даже открыть постоянное подворье на Ирбитской ярмарке [20; 22].

А в Красносельском Введенском монастыре на продажу делали мебель и шили одежду для окрестных крестьян. Особенным спросом пользовались теплые и долговечные стеганые одеяла.

Таланты монастырских рукодельниц Верхотурского Покровского женского монастыря были отмечены в 1908 г. наградой на кустарной выставке в Нижнем Тагиле, организованной верхотурским уездным земством.

Обычно все насельницы и насельники монастырей собственными силами производили работы по хлебопашеству, сенокошению, огородничеству и садоводству. Некоторые из сестер Красносельского Введенского женского монастыря в летнее время даже занимались рыболовством на реке Нице, протекающей близко у самой обители, удили рыбу и в соседних озерах [21].

При некоторых монастырях было развито еще и пчеловодство. Так в Красносельском Введенском и Верхтеченском Троицком женских монастырях, благодаря хорошим условиям местности, в достаточной степени по современной конструкции было развито пчеловодство. А в 1912 г. игумен Пахомий приобрел и для Кыртомского монастыря от начальницы Успенской женской общины 10 ульев пчел за 170 руб., которые находились на арендованной пасеке около озера Кривого в пределах Туринского уезда вдали от монастыря [20; 22; 23].

Архивные документы показывают, что все работы по монастырскому хозяйству выполнялись насельниками монастыря – монахами и послушниками. Как правило, руководство в различных ремесленных мастерских, на производстве или в сельском хозяйстве осуществляли сами монахи, так как за долгие годы проживания в обители они овладевали необходимыми навыками трудовой деятельности, что приводило к более глубокому пониманию основ нравственно-духовной жизни обители.

Различными были и расходы православных обителей:

1) на приобретение: а) восковых свечей; б) елечей; в) ладана; г) канцелярских, почтовых и прочих принадлежностей; д) приходо-расходных и метрических книг, графопечатных листов, газет, журналов; е) материалов для иконно-книжной лавки; принадлежностей для монастырской фотографии (такая была при Верхотурском Николаевском мужском монастыре);

2) на ежегодные налоги и взносы;

3) на содержание: больницы; начальной школы при монастыре; певческого хора; приюта для детей воинов и сирот разного звания; екатеринбургского Архиерейского дома; канцелярии Духовной консистории (позднее Екатеринбургского Епархиального совета);

4) на отопление и освящение монастырских зданий; содержание зданий в чистом виде;

5) на ремонт монастырских зданий, заготовление строительных материалов (например, в Верхотурском Николаевском мужском монастыре с 1905-го по 1913 г. на постройку нового Крестовоздвиженского собора);

6) на вспомоществование, через иеромонахов и послушников, находящихся в действующей армии, Красному Кресту и на обучение детей воинов; на нужды попечительства по призрению призванных на войну и их семейств;

7) на пищевое довольствие: постоянно живущих, вольнонаемных рабочих и прислуги; на содержание стражи при монастыре;

8) на жалованье плотникам, кузнецам, слесарям; на покупку разных инструментов, материалов для мастерских монастыря; материалов для одежды и обуви,

на изготовление кирпича и содержание кирпичных сараев; на земледелие и сельское хозяйство; на содержание лошадей и рогатого скота; на приобретение экипажей, сбруи и подобного;

9) на «путевые» для настоятеля или братии монастыря, если они оправлялись в город за товаром [24].

К расходам монастыря часто относились затраты на содержание кладбища. Порой просимое под кладбище место при обители предназначалось для погребения умерших сестер или братии общины, а отчасти и для местных жителей. Так, например, в существовавшем при Каменском заводе общем кладбище, удаленном от Преображенской женской общины на 2 версты 78 сажень, имеющем пространства только 1 десятина 1800 сажень, свободного места оставалось не много. Поэтому по просьбе начальницы Преображенской общины в 1871 г. ей разрешили использовать место пространством в одну десятину с северной стороны завода близ общины под кладбище, но при условии, что это будет кладбище для всех местных жителей завода, а не только для сестер, которые должны содержать его [25].

При подсчете расходов за год в церковных книгах всегда указывался остаток денег, чтобы выяснить, существует ли дефицит в денежных средствах. Так, за рассматриваемый период времени (с 1885-го по 1917 г.) дефицита казны не отмечалось у Верхотурского Николаевского монастыря. Монастырские власти достаточно умело сохраняли денежный баланс. Так, если сокращался приход средств, то уменьшался и расход. В рассматриваемый период времени для многих крупных монастырей Екатеринбургской епархии стало возможным дальнейшее накопление денежных сумм.

Наиболее крупными в хозяйственном отношении, состоятельными в экономическом плане и влиятельными по своему положению в Екатеринбургской епархии с середины XIX по начало XX в. были два монастыря – Новотихвинский женский в Екатеринбурге и Верхотурский Николаевский мужской. Но более богатым и состоятельным, а самое главное, независимым в финансовых вопросах, был только один – Верхотурский мужской монастырь. Отчасти благодаря умелой организаторской деятельности последнего настоятеля – архимандрита Ксенофонта, постоянному коллективу – содружеству монашествующих, давней истории обители, ее благоустроенности, более длительному времени хозяйствования и накопления капитала, но также и за счет постоянного паломничества, стечения богомольцев (до нескольких десятков тысяч человек) к святым мощам Симеона Праведного [26]. Поэтому только этот монастырь на Урале приобрел общероссийскую известность.

Итак, мы рассмотрели источники доходов и статьи расходов монастырей Восточного Урала, что позволяет утверждать: источники доходов и способы их извлечения соответствовали нравственным началам и основам иноческой жизни, трудовая деятельность общежительных монастырей сплачивала и объединяла монашескую братию, что привело к бесперебойной деятельности этих обителей. Общежительные монастыри, появившиеся в конце XIX – начале XX в., в основном существовали уже не за счет подаяния, а опирались на собственную хозяйственную деятельность, что привело к образованию стабильной монашеской корпорации, за счет чего многие крупные монастыри богатели и имели большое влияние.

Поскольку в наши дни происходит возрождение православных обителей, а в основе их деятельности по-прежнему значим нравственный аспект хозяйственной деятельности, то следует учитывать опыт прошлого. «Одним из оснований устойчивости исторического сознания выступает ментальность, которая складывается исторически как одна из адаптивных форм социального поведения и функционирует автоматически, без ведома их носителей» [27. С. 57]. Кроме того, рассмотренные нами направления и формы благотворительности могут послужить ориен-

тиром для развития современных моделей благотворительности так необходимой нашему обществу.

Литература

1. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4.
2. Андреева Е. В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861–1935 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006.
3. Постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей, бывшего в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 16 по 23 июля 1917 г. – М., 1917.
4. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 49. Лл. 246об-247.
5. Устав духовных консисторий. – СПб., 1883.
6. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 597. Л. 351.
7. Игумен Иннокентий (Павлов). Правовой статус церковной собственности согласно церковной традиции и канонам РПЦ // Вопросы экономики. – 1994. – № 9.
8. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. – Екатеринбург, 1915.
9. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Лл. 114–115.
10. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 183. Л. 54.
11. Денисов Л. Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. – С. 660–665.
12. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Л. 56.
13. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 48. Лл. 279об-280.
14. ГАСО. Ф. р-2788. Оп. 1. Д. 152. Лл. 24–25.
15. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 602. Лл. 229–230.
16. РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Лл. 116–117об. ; Д. 74. Лл. 27–31 ; Д. 42. Л. 37об. ; Д. 42. Л. 47об.
17. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 642. Л. 17.
18. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 48. Лл. 190об–191.
19. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 346. Лл. 39об–41 об.
20. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Л. 108об.
21. Монастырский благовест. – 1997. – № 4. – С. 5.
22. РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 83. Л. 7об.
23. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 730. Л. 32об.
24. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 442, 454, 595.
25. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 554. Лл. 10–11.
26. Мясникова Л. А. Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика // Л. А. Мясникова, Е. А. Калужникова, Е. В. Андреева. Паломничество в Екатеринбургской епархии: история и современность : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – Гл. III. – С. 103–149.
27. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики : монография. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ЭПОХА СТАНОВЛЕНИЯ
И КРИСТАЛЛИЗАЦИИ
ТОТАЛИТАРИЗМА В СССР
И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**THE USSR TOTALITARIAN
ESTABLISHMENT EPOCH
AND MODERNIZATION
CHALLENGES**

Аннотация

Статья Д. В. Суворова посвящена исследованию своеобразия цивилизационного развития России и российских модернизационных процессов. В работе рассматривается специфика процессов, происходивших в СССР в эпоху кристаллизации тоталитарного режима, в ракурсе преобладания в характере этих процессов модернизационных или антимодернизационных тенденций. «Сталинский» период отечественной истории квалифицируется как «псевдомодернизация», с противоречивым сочетанием черт раннеиндустриальной модернизации и архаической регенерации.

Ключевые слова: модернизация; архаическая регенерация; социализм, тоталитаризм, аксиология, «ложная урбанизация», хронотоп, потестарная формация, этатизм.

Abstract

D. V. Suvorov's article presents the research of the unique Russian civilization development and its modernization processes. The USSR totalitarian establishment processes and their peculiarities are examined from the modernization or anti-modernization dominating trends perspective. The Stalin's period of our history qualified as «pseudo-modernization» is characterized by a contradictory combination of «early modernization» and «archaic reproduction» features.

Keywords: modernization; archaic regeneration; socialism; totalitarianism; aksiology; «false urbanization»; the chronotop; potestar formation; etatism.

*С Россией произошла страшная катастрофа.
Она ниспала в темную бездну...
Болезнь русского нравственного сознания
была слишком долгой и серьезной.
Излечение может наступить лишь после
страшного кризиса, когда весь организм русского
народа будет близок к смерти.*

Н. Бердяев. Духи русской революции

Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайя...

В. Тредиаковский

I

Вопрос о существенных характеристиках сталинской цивилизационной социально-политической и социокультурной модели – один из самых активно обсуждаемых в отечественной литературе, и дискуссии на эту тему не утихают уже не первое десятилетие. В рамках данной статьи нас интересует один конкретный аспект проблемы: как сталинская теория и практика государственного и социально-

го строительства соотносится с концептом «модернизация»? Проще говоря, вопрос ставится так: можно ли считать сталинские преобразования советского общества модернизацией или нет? Суть в том, что именно по отношению к последнему исторический опыт 30–50-х гг. оценивается разными авторами полярно противоположным образом (и данное положение детерминируется отнюдь не только сугубо научным интересом – споры о сущности сталинской модели неизбежно детонируют в область социально-политической диагностики и прогностики по отношению к современному состоянию российского социума).

Для того чтобы разобраться в проблеме и сделать собственные выводы, необходимо, во-первых, вспомнить основные концептуальные положения теории модернизации; во-вторых, соотнести их с теми историко-культурными реалиями, которые мы наблюдаем в эпоху кристаллизации в СССР тоталитарной империи. Пока же сделаем некоторые предварительные наблюдения.

Во-первых. Не случайно проводимая с 1928 г. политика свертывания нэпа получила официальное название СЭП («старая экономическая политика», старая по отношению к нэпу – т. е. «военный коммунизм»!).

К тому же, по мнению В. Ильина, А. Панарина и А. Ахиезера, «не эффективная гетерогенная либеральная экономика, а эффективная гомогенная политическая репрессия стала рычагом поддержания целостности общества» [5. С. 110]. Последнее, по В. Скоробогачкому, было детерминировано целым рядом общекультурных моментов: вышеупомянутой «раскрепощенной в годы гражданской войны» стихией нигилизма и маргинализма¹, коллапсом (в те же военные годы) традиционной культуры – чего нэп чисто хронологически не успел самортизировать, инерцией «революционного идеализма» («идеология революционного преобразования общества, в смысловом поле которой причудливо переплетены эсхатологическое ожидание всемирной катастрофы и утопия нового космоса-домогосударства; в мире новой идеологии социальная идея получает онтологическое значение силы, непосредственно господствующей над индивидом... здесь же система идей выстраивается вокруг новой сверхценности – власти как воли к власти») [11. С. 41]. Данная констатация крайне знаменательна: если практика нэпа была воплощением политического и экономического реализма (и поэтому направлена в будущее), то поворот к СЭПу являлся (даже номинативно) откровенно регрессивной «романтической» реакцией на «неудобную» реальность – в альтернативе между «жизнью» и «виртуальностью» выбор был сделан в пользу «псевдореального», «разыгрываемого в формах самой жизни» (но не являющейся таковой, по определению В. Скоробогачко). Все вышесказанное и позволило – с полным пренебрежением к классической марксистской максиме – «попрать сознанием бытие» (выражение из «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына) и осуществить демонтаж нэпа с последующим структурированием классической тоталитарной модели – «приведением масс в состояние автотеррора» [5. С. 110] (по язвительному выражению К. Каутского, «стрелять – вот альфа и омега административной мудрости коммунистов») [12. С. 532].

Во-вторых. Само понятие «социализм», с помощью которого совершалось противопоставление советской модели всему окружающему миру, крайне расплывчато. Как точно отмечал М. Малиа, «термин "социализм" уникален тем, что не соответствует ни одному опознаваемому объекту в подлунном мире, относительно природы которого все наблюдатели могли бы прийти к согласию. Разумеется, явилось много ложных объектов или временно убедительных фантомов, но ни один из них не породил того единства мнений, которое возможно лишь при эмпи-

---

¹ Диагностически точно показан этот момент в рассказе А. Н. Толстого «Гадюка».

рической проверке. Поэтому полная реальность социализма относится исключительно к области веры – "веры в невиданное, надежды на непознанное"... Термин "социализм", строго говоря, не означает ничего. Во-первых, это понятие бессмысленно в силу своей внутренней природы, ибо предлагаемая им экономическая программа – огосударствление – не реализует и не способна реализовать заложенный в нем моральный идеал – равенство – таким образом, чтобы возник узнаваемый истинный социализм. Во-вторых, оно бессмысленно исторически, ибо присваивалось столь многими взаимонесовместимыми общественными формациями, что утратило всякую конкретность. Поэтому, когда люди исповедуют социализм, мы никогда не знаем, что же именно они имеют в виду и чего от них можно ожидать, приди они к власти» [8. С. 32]. (Здесь М. Малиа не прав: можно четко предсказать, чего от «них» ждать у власти – антилибертенских тенденций!) Единственное во всех отношениях уникальное определение социализма сделал Ленин, определив его как... государственный капитализм (по Ленину, «между госкапитализмом и социализмом нет никаких промежуточных ступеней»). В такой редакции абсурдной становится самая главная посылка всех социалистических учений – борьба с «эксплуататорами», поскольку государство, будучи полным монополистом, становится самым жестоким эксплуататором за всю мировую историю.

Как видим, теоретической ясности в вопросе, что же именно замыслили строить «крестные отцы» советского коммунизма (и, тем более, что из этого получилось), не наблюдается. Единственное, что четко вырисовывается уже «на подходе» к проблеме, – это непростые взаимоотношения сталинской практики с категориальным аппаратом «классического» марксизма и с понятием «прогресс» (в любом его понимании). В связи с этим необходимо разобраться в самом концепте «модернизация».

II

Согласно определению Д. Лернера – одного из первых исследователей, изучавших данную проблему, – модернизация есть «процесс социального изменения, при котором менее развитые общества приобретают черты, характерные для более развитых» [4. С. 678]. Близкое определение дает В. Федотова: «Модернизация – не просто развитие, а его специфический вид, при котором осуществляется переход от традиционного общества к современному» [17. С. 65]. У Ю. Солонина и М. Кагана формулировка данного понятия дается более расширительно (применительно к культурным процессам): «...модернизация – это изменения инновационного порядка, которые происходят в культурном образовании любого порядка. Модернизации... противостоят обратные тенденции – "консервация" и "традиционность" («традиционализм»). В любой культуре прошлого и настоящего присутствуют оба момента» [7. С. 194]. По мысли упомянутых авторов, в области культуры (т. е. в области широко понимаемой деятельности человека в целом) модернизация как процесс есть естественное явление. Данная мысль становится еще более понятной, если вспомнить известную констатацию Г.-Г. Гадамера о традиции как о статике внутри постоянного процесса изменения.

В более узком смысле слова понятие модернизации уже локализуется именно применительно к конкретным стадиям социально-экономического и социокультурного развития. По словам Ю. Солонина и М. Кагана, «модернизация – ... это процесс приведения того или иного конкретного социального образования в соответствие с современными нормативными, т. е. ценностными, представлениями о формах и методах культурной практики, доминирующей в человеческом сообществе сегодня» [Там же]. По мысли Г. Е. Зборовского, «модернизацию имеет смысл рассматривать как инновацию или совокупность инноваций, которые приводят к существенным изменениям социальных процессов... речь идет о совокупности

перемен, происходящих в процессе индустриализации» [4. С. 678–679]. Последнее замечание прямо связывает феномен модернизации с эпохой «индустриального», «машинного» (используя термин Э. Маркаряна) общества или хотя бы с элементами его зарождения; эту же констатацию делает и Н. Смелзер, говоря: «Мы употребляем слово "модернизация" для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе индустриализации» [15. С. 620]².

Что характерно для абсолютно всех определений модернизации (и что принципиально важно для нашего дальнейшего разговора) – данные процессы являются всеобщими и комплексными, охватывающими *всю* совокупность материальных и духовных факторов человеческого бытия (при определенном приоритете именно духовной сферы). Так, Н. Смелзер констатирует: «Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества; некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той и иной мере подвержены изменениям» [Там же] (т. е. подчеркивается именно системный характер социальных и духовных трансформаций. – Д. С.)... Исследующие проблему модернизации наблюдают постепенное развитие обширной новой системы социальных структур психологических особенностей. По мере того, как общество становится все более продуктивным и процветающим, усложняется его социальная структура и культура» [Там же. С. 622]. В этом проявляется действие хорошо известных в теории систем принципов – принципа обратных связей (всеобщая взаимозависимость всех системных элементов) и принципа эмерджентности, т. е. возникновения новых свойств и функций при объединении элементов в систему.

В этом контексте логичным представляется следующая, широко известная типология модернизаций:

«- "первичная" (Западная Европа, США, Канада) – охватывает эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т. д.;

- "вторичная", "отраженная", модернизация "вдогонку"... – ее основным фактором выступают социокультурные контакты отстающих в своем развитии стран с уже существующими центрами индустриальной (а сейчас и постиндустриальной. – Д. С.) культуры» [10. С. 342–343].

Оба этих типа модернизации описаны П. Штомпкой (модернизация как переход от традиционного общества к современному и как усилия развивающихся сообществ догнать развитые); ученый также упоминает третье значение данного концепта – как синоним любых прогрессивных социальных изменений в любой период человеческой истории (своего рода синоним понятия «прогресс»), но именно данное значение в научной литературе используется редко [21. С. 170–171]. Первые два концепта (присущие научной литературе), естественно, абсолютно несинонимичны понятиям «прогресс» и тем более «эволюция» – это прямо вытекает из вышеприведенных определений модернизации.

И еще: модернизация – процесс не только и не столько материального, сколько духовного характера (и все главные, сущностные узловые точки данного феномена следует искать именно здесь!): как точно выразился А. Зубов, при обсуждении проблем модернизации «в наш дискурс (должен быть) введен элемент аксиологии» [3. С. 25]. Но сам модернизационный феномен по определению противостоит традиционализму, направлен на демонтаж последнего (используя

---

² При такой постановке вопроса модернизационные процессы логически оказываются связанными с эпохой Нового времени.

дихотомии Ф. Тённиса и А. Ахизера, модернизация направлена к либеральной, посттрадиционалистской цивилизации): поэтому любые (даже системные) изменения в обществе, имеющие протрадиционалистский, антилиберальный характер, в качестве модернизации рассматриваться не могут.

III

Теперь рассмотрим сущностные характеристики сталинской эпохи сквозь призму всего вышеизложенного.

Период 1928–1953 гг., как известно, был временем торжества и наивысшего расцвета тоталитаризма в истории России. Несмотря на многочисленные разногласия и разночтения в понимании тоталитарного феномена в научной литературе, практически все авторы единодушны в одном: сталинский опыт построения тоталитарного социума был, есть и остается классическим, наиболее полным выражением тоталитаризма.

Прежде всего бросается в глаза именно тотальность, комплексность всех принимаемых Сталиным и его окружением мер. Генеральной стратегией становится последовательное и неуклонное взятие под контроль всех без исключения сторон общественной и приватной жизни.

Затем. Как известно, в годы первых пятилеток в СССР была проведена в жизнь грандиозная программа индустриализации и ремилитаризации, превратившая страну в 40-х гг. в ядерную державу: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» (У. Черчилль). В годы кристаллизации сталинской империи была действительно проведена культурная революция: ликвидирована безграмотность, создана мощная система высшего образования и фундаментальной науки³, произошло рождение многих ярких художественных феноменов – например, в новой для России кинематографической области. Это дает основание считать происходящее одной из форм модернизации. Однако, на наш взгляд, в данном конкретном случае определение происходящего должно быть скорректировано, и вот почему.

В литературе известен термин «ложная урбанизация» (в СССР его применяли по отношению к «третьему миру» – особенно к Латинской Америке), которым обозначают внешне высокий уровень градостроительства при запущенности и даже архаизме социальных форм жизни в таких городах. Именно такое положение было в сталинском СССР: внешне высокие темпы строительства промышленных объектов не только не отражались на экономической жизни страны в целом (уровень жизни в сравнении с приснопамятным 1913 годом неуклонно падал⁴), но и сочеталась с консервацией и даже регенерацией невероятно архаических норм жизни и общежития. Поэтому сталинская индустриализация, при всей ее масштабности, в интересующем нас плане не выдерживает сравнения даже с петровской модернизацией – потому что, несмотря на ряд схожих моментов, петровская парадигма развития определенными гранями соприкасалась с европейской практикой и способствовала модернизационным процессам. О сталинской модели развития этого сказать нельзя: здесь весь без исключения вектор эволюции был направлен против современных ему тенденций мирового социального, экономического и культурного движения. Общеизвестно, например, отношение сталин-

---

³ Правда, И. Ильин квалифицировал сталинскую научную и вузовскую систему как «полунауку» и обвинял ее в «подавлении самостоятельного мышления», в убивании «духа свободного исследования» // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 50–51, 53.

⁴ Как показывает статистика, если взять равную систему экономических и денежных координат, то по любым аналогичным профессиональным показателям (например, по разным категориям рабочих и инженеров) зарплата в советские годы упала в 10–20 раз по сравнению с «царскими» годами.

ского официоза к целым областям современной науки, полностью вычеркиваемых не только из социальной, но даже из собственно научной жизни (кибернетика, генетика, статистика) – подобной практики невозможно обнаружить ни в одной истории модернизации мира. Аналогия здесь может быть только с худшими формами средневековой схоластики, а также с практикой самоизоляции, проводившейся в Китае и Японии в XVII–XVIII вв., – т. е. с чисто средневековым либо азиатским опытом. Самая же главная аналогия возникает с московским средневековым периодом российской цивилизации: показательно, что хронотоп советской и московской модификаций российской цивилизации практически совпадает: в обоих случаях «праведная земля» окружена «неправедными землями», будь то «нехристи» (в Московии) или «капиталистическое окружение» (в СССР).

Надо сказать, что вопрос о характеристике трансформаций России в сталинскую эпоху (применительно к макропроблематике модернизации) уже неоднократно становился предметом дискуссий. Кратко можно констатировать наличие двух концептов по данной проблеме. Сторонники концепции так называемого «индустриального социализма» делают упор на технологических аспектах; с такого ракурса все происходившее в СССР в 30–50-х гг. однозначно трактуется как модернизация. В качестве критериев такого подхода констатируются: становление СССР как индустриальной державы; медленное, но стабильное повышение материального уровня жизни населения (к этому пункту мы вернемся ниже); сравнимые с западным миром параметры экономического и социального развития (все изложенные аргументы присутствуют в книге П. Бергера «Капиталистическая революция») [9. С. 18]. Но тот же П. Бергер отмечает в качестве имманентных для советского социума следующие черты: всепроникающую бюрократизацию, органическую связь между социализмом и экономической неэффективностью, между социализмом и антилиберализмом (в том числе – тоталитаризмом), политический патримониализм [Там же. С. 18–19]. Сторонники же либеральной трактовки модернизации (К. Виттфогель, В. Красильщиков, Т. Пиирайнен, А. Турен) оценивают сталинский модернизационный опыт как «контрмодернизацию», «антимодернизацию», «околомодернизацию» (все термины предложены А. Туреном и повторены В. Красильщиковым). По мнению последнего, сталинская «модернизация» была тупиковым вариантом развития, проигнорировавшим более перспективные и динамичные альтернативы, уже тогда внедрявшиеся на Западе (при этом В. Красильщиков признает, что «раннеиндустриальная модернизация» в сталинском СССР все же осуществилась) [Там же. С. 16]. Наиболее взвешенный концепт по данной проблеме предложил Т. Пиирайнен, охарактеризовавший происходившее в СССР как «псевдомодернизацию» (этот термин употребляет применительно к рассматриваемому феномену и В. Красильщиков) [Там же. С. 17]. По Т. Пиирайнену, патримониальные черты, типичные и для советского, и для досоветских вариантов отечественной цивилизации (де-факто – черты потестарной формации, «азиатского способа производства», по К. Марксу⁵), создавали не развитие, а его имитацию, давая по основным показателям, говоря словами финского ученого, «обратные результаты» [9. С. 17]. Н. Голик также квалифицирует происходившее в те годы как «модернизацию в кавычках» и «блокированное развитие» [2. С. 13]. Аналогичный вывод сделал и историк Л. Волков: по мысли последнего, в материальной и социальной жизни СССР имели место постоянные «эрзацы» известных в мире явлений и объектов [16. С. 164]. Таким образом, происходившее можно охарактеризовать как «псевдомодернизацию», где внешне «индустриализированные»

---

⁵ Т. Пиирайнен относил все сказанное не только к СССР, но и к императорской России (в первую очередь его наблюдение можно распространить на Петровскую эпоху).

формы скрывают типично архаизированную сущность (об архаике сталинской модели упоминает В. Паперный) [20. С. 66]. Стоит вспомнить предостережение В. Кемерова о том, что «преувеличенный интерес общества к модернизации средств деятельности порождает проблемы, ставящие под сомнение и прогресс, и модернизацию». Справедливо и замечание А. Зубова: «Невозможно говорить об успехе реформ... Сталина, если... в наш дискурс введен элемент аксиологии» [3. С. 250].

Далее. Если все предыдущие российские модернизации (в романовскую эпоху) векторно стремились к экономическому выравниванию укладов российской жизни и одновременно приводили к обогащению социальной стратификации российского общества (даже петровская модернизация, при всех ее противоречиях, в конечном историческом результате дала именно такой эффект), то сталинская эпоха дает картину совершенно противоположную. С одной стороны, официозом было деление общества на «рабочих» и «служащих», признание существования только двух классов – рабочих и колхозников. Интеллигенции в праве именоваться классом было отказано – что было замаскированной формой дискриминации⁶. Остальные же социальные группы вообще были, как тогда говорили, «ликвидированы как класс». То есть социальная структура общества искусственно спрямлялась и упрощалась – даже вопреки реальности. С другой стороны, в стране – вопреки официально заявляемому построению социализма⁷ – сосуществовали чуть ли не все упомянутые Марксом «общественно-экономические формации» в основных своих элементах, т. е. в стране на практике господствовала крайняя многоукладность. В СССР соседствовали следующие системы: «социализм» (в виде формально бесплатных – хотя и низкокачественных – услуг в социальной сфере и официального запрета на частную собственность и рыночную экономику), «капитализм» (реально существующий рынок – в том числе в виде теневой экономики), «феодализм» (отношения внутри властной вертикали удивительно и гротескно напоминали «феодальную лестницу»), «крепостное право» – прописка в городах и статус колхозников на селе⁸ (по определению А. Зубова, «сталинское общество – это общество гипертрофированного и абсолютно уже неправового крепостного права») [3. С. 268], «рабовладение» (система ГУЛАГа) и, наконец, «азиатский способ производства» (потестарная формация) – значительная часть государственных работ выполнялась населением бесплатно, в порыве энтузиазма (или принудительно). «Азиатская» система и составляет сердцевину сталинской социально-политической модели⁹: М. Чешков прямо назвал сталинскую политическую систему «превращенной азиатчиной» [6. С. 60]. И Ильин даже считал предельное огосударствление *главным* признаком любого социализма, а С. Франк добавил к этому самую кардинальную черту архаизированных социумов, имманентно присущую сталинскому СССР – «вся жизнь личности... безраздельно подчинена государству» [18. С. 142]. Де-факто произошла натуральная реанимация описанной К. Марксом, В. Ключевским, М. Вебером (а в наши дни – А. Ахиезером) потестар-

---

⁶ Все логично, поскольку понимание классов в СССР принималось исключительно в догматическом и прямолинейном понимании Маркса (формулировки М. Вебера и Т. Парсонса, по которым интеллигенция обязательно считалась бы классом, в СССР не только не применялись, но вообще не были известны).

⁷ Очень показательно, что в своем знаменитом разоблачительном письме к Сталину Ф. Раскольников ставил вождю в вину именно объявление о построении социализма в СССР.

⁸ А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» вспоминал: «"ВКП(б)" в лагерях расшифровывали не иначе как "Второе крепостное право большевиков"».

⁹ Не случайно в СССР Маркса подвергли «вивисекции» именно в этом пункте – в списке общественно-экономических формаций в советских учебных пособиях за «первобытно-общинным строем» сразу шел «рабовладельческий»...

ной формации – т. е. древне- и средневековых, домодернизационных реалий; данное обстоятельство также можно считать убедительным аргументом в пользу антимодернизационного, архаизированного характера советского социума в 30–50-х гг.¹⁰ Перед нами характерная картина «гибридного общества», «химеры» (по типологии Л. Гумилёва), которое само по себе не может быть устойчивым и стабильно жизнеспособным – что и подтвердилось общеизвестным фактом: тоталитарная империя «Иосифа Грозного» как цивилизационно-культурный феномен пережила своего создателя всего на 35 лет (а в своих фундаментальных, «классических» чертах – не пережила вовсе).

Теоретическое наследие марксизма в сталинском СССР претерпело характерную трансформацию, превратившись в самую настоящую религию, со всеми атрибутами последней. Такая трансформация была в значительной степени сознательной со стороны коммунистического официоза и даже давно ожидавшейся – П. Тольятти еще в 20-х гг. писал о «религиозном сознании, могущем стать стимулом движения к социалистической модели» [12. С. 132]. Данный вывод был уже достаточно давно сделан двумя крупнейшими протестантскими философами XX века – П. Тиллихом и Р. Нибуrom. Оба мыслителя, независимо друг от друга, в своих трудах «Теология культуры» (П. Тиллих) и «Христос и культура» (Р. Нибуr) отметили: советская идеологическая система обладает всеми чертами религии, и притом откровенно скопирована с «библейской матрицы» (разумеется, в искаженно-перевернутом виде). Идея Бога – коммунизм, в который надо верить не рассуждая («Бог» здесь явно конфуцианско-буддийский, безличный – в отличие от библейского личностного Бога); «классики марксизма» как пророки и «герои революции» как святые мученики, вождь как Мессия; своего рода «Троица» – в СССР ее состав менялся четырежды: Маркс–Ленин–Троцкий, Маркс–Ленин–Сталин, Маркс–Сталин–Ленин (в данном случае важен порядковый номер), а уже в брежневскую эпоху – Маркс–Энгельс–Ленин. Продолжая аналогию, философы отмечали наличие характерных ритуалов, прямо воспроизводящих церковную обрядность (демонстрация – крестный ход, партийный съезд – богослужение, знамя – хоругвь, портреты вождей – иконы), «Святого Писания» (труды классиков марксизма и вождей), борьбы с еретиками (с оппортунизмом); наконец, самое кричащее – мумифицирование «отцов-основателей» и возведение им мавзолеев. Последнее – чистой воды язычество; и вообще коммунизм, как и фашизм, с точки зрения культуры есть ренессанс неоязычества, о чем в свое время говорил в Нобелевской лекции А. Солженицын; до него вывод о «русском коммунизме» как о результате неизжитого язычества сделали в эмиграции о. Г. Флоровский и о. А. Шмеман. Н. Бердяев говорил о парадоксальной «религиозности» «русского социализма», о том, что «его притязания подобны притязаниям Церкви»¹¹ и что вульгаризированные советские марксисты есть законченные язычники [1. С. 123].

Эти выводы были во второй половине XX века дополнены и конкретизированы. «Атеизм теологичен» [19. С. 500–501], – едко заметил А. Глюксман, подчеркивая религиозно-догматический характер коммунистического мышления. «Пусть

---

¹⁰ При этом – в отличие от деспотических систем прошлого – «никогда не было деспотизма, который, используя свою неограниченную власть, так принципиально-цинически апеллировал бы только к своему собственному господству» (С. Франк), не имел бы никакой сакральной или (тем более) правовой санкции [18. С. 141].

¹¹ Возникло и нарастало такое положение не в одночасье. Прообраз сталинского неоязычества можно найти уже в богоискательско-богостроительских опытах Горького и Луначарского: последние даже сочинили (в известной школе на Капри) следующий текст «молитвы для рабочих» – «Отче наш, рабочий класс! Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя!» Вполне по Бердяеву, квалифицировавшему большевизм как «мессианство с религиозными притязаниями», с трактовкой «пролетариата» как нового избранного народа-Мессию.

расцветают 100 цветов дискуссии (слова Мао Цзэдуна. – Д. С.) – при условии, что обрабатывается все тот же сад, сад единого Текста, т. е. того способа существования Власти, без ссылки на который не функционирует ни одна правящая элита» [19], – продолжает французский философ, издеваясь над псевдодемократизмом маоистской ипостаси тоталитаризма (и подметив при этом «игру во всенародность» как родовую черту всех тоталитаризмов). «Для марксистов существует лишь одна истина, а потому быть терпимым к инакомыслию они не считают нужным – это... кладет конец их приятному, но мнимому чувству превосходства» [12. С. 696], – убийственно констатировал П. Фейерабенд. М. Хоркхаймер поставил точный диагноз: «Модель партии (ленинского типа. – Д. С.)... по мере реализации стала напоминать секту» [Там же. С. 568]. Ему вторит Луиджи Пеллигани, назвавший ортодоксальный марксизм «разновидностью склеротической светской теологии, жесткие догмы которой абсолютны и обязательны для верующих» [Там же. С. 539]. Л. Альтюссер, подмечая догматическое окостенение марксизма, назвал его «антигуманизмом» и «антиисторизмом» [Там же. С. 568], а Р. Гароди обвинил в псевдорелигиозности марксизма Ленина, Сталина и Брежнева [Там же. С. 546] и назвал действия КПСС «интеллектуальной инквизицией» [Там же]. Г. Маркузе отмечал *магический* характер советской идеологии – «это не столько ложное сознание, сколько сознание фальшивой объективности» [Там же. С. 571], а «святая святых» коммунистической «науки» – диалектический материализм – квалифицировал как «убогую схоластику и жесткую теологию» [Там же]; почти идентично – «негативной теократией» – назвал интересующий нас феномен Е. Рашковский [6. С. 60]. Наконец, К. Поппер, восхищаясь Марксом как социологом, одновременно определил его как «*фальшивого пророка*» [12. С. 676] (откровенно отсылая описываемый феномен к религиозным реалиям). Да и сам Сталин, как известно, любил сравнивать ВКП(б) с Орденом меченосцев.

Такое тотальное внедрение неорелигии (причем в своем явно дохристианском и даже добиблейском понимании) было бы невозможным без массивного духовного насилия, по матрице хорошо известных в психологии механизмов – психического заражения и зомбирования. По словам М. Малиа, «партия начала дотолле небывалый в истории поход по обеспечению населения единственно верным мировоззрением – так что тот период вполне заслужил название "рождения государства пропаганды"¹². Мир был разделен по-манихейски на друзей и врагов, и все текущие события – как внутри страны, так и за рубежом – пропускались через призму классовой борьбы» [11. С. 72] (В. Житенев в этом ракурсе анализирует «Поднятую целину» М. Шолохова и справедливо показывает характер и поведение Макара Нагульнова как результат целенаправленного и тотального зомбирования. – Д. С.). Эти новые категории затем вбивали в массовое сознание с помощью ежедневной прессы, кино, а затем еще более вездесущего радио... Никогда ранее в мире «культуры» не бывало ничего столь масштабного и столь тотального. Но эта новая лексика... была жизненно необходима для поддержания власти режима. И потому идеологическая партократия одновременно была логократией: и как таковая она являла единое целое с монополистической структурой новой монолитной системы. Без этих логократических чар система не могла бы функционировать» [8. С. 198–199].

Знаковым явлением сталинской эпохи стал «социалистический реализм», представлявший собой чистейшей воды неорелигиозную мифологию. Для нашей темы все это имеет то значение, что – особенно по сравнению с предыдущей практикой Серебряного века – явственен резкий культурный откат и примитиви-

---

¹² Выражение британского историка Д. Лэндса.

зация духовной жизни (т. е. опять ярко выраженные антимодернизационные процессы)¹³. Явление это – не сугубо советское: целый ряд европейских философов XX века (Г. Зиммель, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет) констатировали нарастающую *пролетаризацию* жизни и культуры, подразумевая агрессивное вторжение вкусов и социального заказа «человека-массы» как симптом кризиса европейской цивилизации. Но в советских условиях все описанное приобретало особенно «гомерические» формы: Г. Киселев в связи с этим пишет о торжестве псевдокультуры в сталинском социуме [6. С. 59]. В этом была своя этатистская логика: полная монополия данного состояния блокировала механизмы культурных конфликтов, создавая эффект *иллюзии* культурной бесконфликтности. Зато в послесталинские годы (по принципу «угол падения равен углу отражения») состояние культурной конфликтности и «гибридизация» социума будут нарастать как снежный ком.

Наконец, последнее. В плане государственном сталинский СССР представлял собой явление принципиально новое в истории российского этатизма. В 30-х гг. структурировалась идеократическая империя, внешне закамуфлированная под федерацию демократических республик. Сам факт строительства такой государственной структуры означал, во-первых, полный фактический разрыв с марксистской традицией, где декларируется отмирание государства по мере продвижения к коммунизму, и даже с ленинским наследием (как известно, самая фундаментальная работа Ленина на эту тему – «Государство и революция» – написана с почти откровенно анархистских позиций, прямо противоречащих всему тому, что в действительности происходило в СССР в 20–30-х гг.). В противовес Марксу и Ленину, Сталин формулирует принципиальную возможность и даже необходимость построения социализма в одной, отдельно взятой стране – при декларативной верности марксизму в целом. Кроме того, сам характер сталинской империи даже отдаленно не напоминал ничего похожего на хотя бы тенденцию к отмиранию государства: «коммунизм принял в России форму крайнего этатизма» (1. С. 117). А во-вторых, сохраняя на вооружении главную посылку ленинской модификации Маркса – необходимость мировой революции, – Сталин принципиально меняет ее содержание. Для Ленина проблема, откуда конкретно начинать мировую революцию, просто не стояла – начали в России исключительно потому, что там в 1917 г. «процесс пошел»: Россия была «слабым звеном». Для Сталина мировая революция понималась только как завоевание мира силами управляемой им коммунистической империи с центром в Москве. То есть перед нами явление новое и по отношению к ленинской утопии, и по отношению к государственной практике эпохи Романовых. Новизна данного явления проистекает из предельно архаизированного, чуть ли не к реалиям Древнего мира восходящего, характера сталинской государственности. Даже упомянутая идеократия есть почти идеально скопированная с древнеегипетского или ассирийского прообраза¹⁴ модель. Отсюда и резкое изменение официальной идеологии в 30-х гг., когда на смену идеям интернационал-социализма де-факто пришли патриотическо-шовинистические идеи, в типично неославянофильском преломлении – квинтэссенцией стали семантическая и текстовая концепция государственного гимна СССР в первом и втором своих вариантах. В этом неославянофильстве культивировались самые одиозные черты славянофильской доктрины – то, что Е. Трубецкой еще в Серебряном веке квалифицировал как «языческий национализм». Точной констатацией является утверждение А. Зубова, что сталинская идеократия строилась на мимикрии и выхолащивании традиционных русских культурных ценностей [3. С. 266] – при одновременной

---

¹³ С. Франк предсказывал резкую примитивизацию и «варваризацию» культуры «новой России» еще в 20-х гг.

¹⁴ О. Мандельштам, как известно, называл Сталина «ассирийцем».

практике уничтожения таковых в их подлинном виде. В. Лапкин отмечал, что «советский период (имеется в виду описываемый временной отрезок. – Д. С.) произвел многочисленные непоправимые разрушения в культуре, духовности, ментальности, системе ценностей россиян» [Там же. С. 202]. По мнению Бердяева, сталинский режим «перерождается в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис, – милитаризованная молодежь» [1. С. 120]. Вряд ли можно считать фашизм примером модернизации (тем более успешной), особенно учитывая аксиологическую составляющую.

Таким образом, можно констатировать следующее. Перед нами уникальный пример противоречивой квазимодернизации, при котором промышленный рывок и выход в новое индустриальное качество и культурная трансформация (эти процессы несомненны) сопровождается системным и комплексным регрессом в большинстве остальных областей социальной, политической, экономической и культурной жизни. Подобное явление беспрецедентно в российской истории и является ярчайшим свидетельством того, как объективные негативные факторы в сочетании с субъективной волей исторической личности могут породить «зигзаг истории». (Н. Бердяев и С. Франк в своих работах 20-х гг. указали и главную причину возможности подобной историко-цивилизационной пертурбации: духовно-этическая импотенция, бессодержательность идей «социалистической революции», преобладание в них негативного пафоса: «строители большевистской сверхдержавы питались не плавно наращиваемой энергией созидания, а взрывной энергетикой отчаяния, мести, реванша; великое государство питалось демоническими энергиями, предопределившими конфликт с миром» [5. С. 241].)

Характерно, что в ряде публикаций весь вышеописанный период (с 1917 года) определяется как «революционно-деформационная модернизация» [13. С. 63]. Здесь чрезвычайно точно подмечен «революционно-деформационный» – т. е. деструктивный – характер всего происходящего, матрица развития раннесоветского общества как принципиального разрыва исторической преемственности (явление, общее для всех смен цивилизационных состояний в России) и тотальной деформации макросоциума. При этом на уровне тактическом коэффициент полезного действия подобного режима может оказаться (на достаточно кратковременном временном отрезке) весьма высоким – в способности к сверхмобилизации, что и показала Вторая мировая война. Но в плане стратегическом, на достаточно протяженных исторических дистанциях – даже в пределах тех нескольких десятилетий, которые история отвела советскому периоду отечественной цивилизации – тоталитарная модель неотвратимо должна была проявить свои деструктивные, энтропирующие качества, что и произойдет в самой близкой исторической перспективе.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990.
2. Голик Н. В. Проблемы модернизации России // Философские науки. – 2003. – № 11.
3. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003.
4. Зборовский Г. Е. Общая социология. – Екатеринбург : Изд-во ГУ, 2003.
5. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. – М. : Изд-во МГУ, 1996.
6. Киселёв Г. С. Человек. Культура. Цивилизация на пороге III тысячелетия. – М. : Восточная лит. РАН, 1999.
7. Культурология : учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М. : Юрайт-Издат, 2005.
8. Малия М. Советская трагедия. – М. : РОССПЭН, 2002.
9. Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : материалы Международной научно-практической конференции Гу-

манитарного ун-та (Екатеринбург, 17–18 мая 2005 г.) : в 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.

10. Основы социологии и политологии / под ред. проф. А. О. Бороноева, проф. М. А. Василица. – М. : Гардарики, 2003.

11. Разум власти прирастает наукой. Интеллектуальный портрет ведущих ученых Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2001.

12. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. – СПб. : Петрополис, 1994–1996.

13. Российская цивилизация : этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / под ред. М. П. Мчедлова. – М. : Республика, 2001.

14. Русское зарубежье: власть и право. – Л. : Лениздат, 1991.

15. Смелзер Н. Социология : учеб. пособие для вузов. – М. : Феникс, 1998.

16. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.

17. Федотова В. Г. Плюсы и минусы «догоняющей модернизации». – М., 1998.

18. Франк С. Русское мировоззрение. – СПб. : Наука, 1996.

19. Хрестоматия по истории философии. Западная философия. От Шопенгауэра до Дерриды : в 3 ч. – Ч. 4 / отв. ред. Л. А. Микешина. – М. : ВЛАДОС, 1997.

20. Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2004.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс. 1996.

Раздел 4 || **Мир культуры:
субъекты, институты, практики**

УДК 008

Котелевский Дмитрий Владимирович

канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: kotelevsky@mail.ru

Kotelevskiy Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Ontology and Epistemology Chair, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ
В ЗНАКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**NATIONAL AND CULTURAL
IDENTITY OF RUSSIA
IN SYMBOLIC SPACE**

Аннотация

В статье анализируется способ национальной самоидентификации России и российской культуры. Метод, с помощью которого проводится такой анализ, является, в сущности, философско-семиотическим. В статье показывается, что в основе национальной идентичности в России лежит определенная система функционирования знаков. Сам способ существования таких знаков определен как имеющий ускользающий характер. В статье демонстрируется то, как проявляет себя ускользающий способ функционирования знаков в разных сферах российской культуры.

Ключевые слова: коммуникация; культурная идентичность; знаковое пространство; Россия; Geschlecht; нация; ускользание знака; национальная идиома.

Abstract

The article analyzes Russian national and cultural identity formation. There are both philosophical means and semiotic methods of the analysis. The article shows that a particular sign-functioning system constitutes the foundation of national identity in Russia. The article focuses on the way these functioning signs of elusive character manifest themselves in different areas of Russian culture.

Keywords: communication; cultural identity; symbolic space; Russia; Geschlecht; nation; escape character; the national idiom.

Основной темой данной статьи будет вопрос о месте России. Анализ места России, в свою очередь, подразумевает анализ способа функционирования тех знаков внутри российской культуры, с помощью которых осуществляется культурная идентификация России и формируется особый способ бытия российской культуры. Вполне очевидно, что способ национальной идентификации и самоидентификации можно проанализировать с философско-семиотической точки зрения. Подобный подход приводит к признанию того, что определенная модель национальной самоидентификации поддерживается конкретным типом коммуникации, определенной знаковой системой. Понятно тогда, что, для того чтобы прояснить место России, в рамках данного подхода необходимо раскрыть тот способ, каким существует знак «Россия» и каким образом в рамках некоторой знаковой системы происходит идентификация и самоидентификация России и русского в целом. Данный семиотическо-культурологический подход продуктивен, в том числе, и потому, что позволяет ответить на вопрос о том, какие типы коммуникативных практик имеют место в российском культурном пространстве на основе функционирования этих знаков.

I

Для начала проясним те методологические основания, которые позволяют провести подобный анализ. Мы предлагаем рассматривать коммуникацию предельно широко, как символический обмен между элементами или знаками коммуникативной системы. В этом смысле коммуникация ничем отличается от любого другого обмена, только в отличие от товарного, к примеру, обмена здесь будут обмениваться не товары, а знаки. Таким образом, любую коммуникацию можно рассматривать как знаковый обмен. Данное понимание знака как элемента системы, существующего среди других элементов, находится в общем русле идей глоссематики. Впоследствии оно оказалось востребованным в современной постструктуралистской парадигме и продемонстрировало свою эвристичность в работах Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, российских философов М. Рыклина, С. Кропотова и др.

В такой теоретической модели каждый знак коммуникативной системы понимается как знак-указание. Знак, понятый таким образом, является знаком лишь в силу того, что он указывает на другие знаки; другими словами, знак здесь понимается не как референт какой-либо вещи, а как само указание. Иначе говоря, знак существует как место, которое связывает другие знаки и позволяет в месте своего присутствия осуществляться обмену знаками, указаниями. В результате знак оказывается, по сути, самой коммуникацией, обменом или местом, создающим возможность обмена и производящим обмен.

В таком представлении идеальный знак – это знак, который идеально осуществляет обмен. Но такой идеальный знак оказывается настолько идеальным указанием в сторону чего-либо, что наш взгляд или внимание соскальзывают в сторону указуемого беспрепятственно и легко, настолько беспрепятственно, что и само указание исчезает из нашего поля зрения. По сути, знак может быть замечен, различен только в случае, если он не идеален, если он существует и функционирует как некий прерыв коммуникации. Такой разрыв коммуникационного обмена и фиксируется как знак. Тогда пространство знаков представляет собой мир несовершенных знаков, пространство неидеальной коммуникации, пространство прерывания коммуникации.

II

Знак «Россия», как и другие знаки, может быть понят как место приостановки коммуникации. И здесь возникает вопрос: в чем же состоит специфика прерывания коммуникации знака «Россия», особенность данного знака?

Такой неидеальный знак, позволяющий осуществлять национальную идентификацию, мы вслед за Жаком Деррида назовем *Geschlecht*. Следует напомнить, что Жак Деррида подробно разбирает особенности такого знака в работе «*Geschlecht II*» [1]. В этой работе Деррида проясняет тот способ, каким конституируется в немецкой философии, в частности в философии Фихте, немецкая национальная идентичность. Аналогичный анализ он производит в работе «*Отобиографии*» [2], посвященной американской Декларации независимости – документу, основавшему Соединенные Штаты Америки и создавшему, собственно, такую «нацию», как американцы.

Анализируя работы Фихте, Деррида показывает, что немецкий *Geschlecht*, знак немецкой идентичности, у Фихте не определяется рождением, родиной или расой и не имеет ничего общего с природной или языковой общностью. Некоторые граждане, немцы по рождению, остаются, по мнению Фихте, чуждыми этой идиоме, т. е. этому немецкому *Geschlecht*, и, следовательно, не являются немцами. Истинными же немцами, по Фихте, являются все те, кто верит в духовность и свободу этого духа, все те, кто желает вечного совершенствования этой духовности через свободу. Все они принадлежат немецкому *Geschlecht*, немецкой националь-

ной общности, где бы они ни родились и на каком бы языке они ни говорили. Единственным аналитичным и безупречным определением *Geschlecht* в таком случае оказывается слово «мы». Но это «мы» конституируется каждый раз определенным образом. Деррида отмечает, что *Geschlecht* – это ансамбль, собрание вместе, органическая общность в духовном смысле, некое бесконечное «мы», провозглашающее себя для самого себя.

Но каким же все-таки образом создается национальная идентичность, как создается этот *Geschlecht*, позволяющий нации самоопределять себя? Обращаясь к способу, каким учреждается *Geschlecht*, необходимо отметить двойственный характер акта его учреждения. Такой акт с семиотической точки зрения, с одной стороны, – акт нарративный, т. е. является высказыванием, констатирующим некий факт, наличие некоей нации, некоего *Geschlecht*. С другой стороны – это акт перформативный, собственно и производящий учреждение этого *Geschlecht*. Напомним, что в семиотике перформативный акт рассматривается как речевое действие, изменяющее положение вещей в мире. Например, высказывание «Я обещаю...» не просто описывает некоторое положение вещей, но, собственно говоря, его и создает. Речевой акт, или высказывание, создающее национальную идентичность, также является подобным по своей природе, оно сочетает в себе описание положения вещей и некоторое речевое действие, которое создает новый тип коммуникации, в котором и становится возможной национальная идентичность. Такой речевой акт, однажды сделанный, начинает воспроизводиться и воспроизводит национально-культурную идентичность. В подобной трактовке национальная идентичность – это способ, каким говорят о своей национальной идентичности субъекты конкретной нации.

Конечно, всегда существует кто-то, кто впервые эту национальную идентификацию производит. Для немецкой нации такое действие, например по мнению Ж. Деррида, производит Фихте. Но, с другой стороны, это речевое действие воспроизводится и уже становится неважно, кто его осуществил впервые. Коммуникация в рамках конкретной культуры приобретает определенный характер, возникает система функционирования знаков, создающая знаки национальной идентичности.

В каком-то смысле можно сказать, что и знак *Geschlecht* начинает существовать так, как будто он сам создается, т. е. создает себя сам и от своего имени. Получается так, что структура некоего *Geschlecht* воспроизводится внутри самой себя как раз в момент учреждения *Geschlecht*, или, другими словами, сама структура, учреждающая *Geschlecht*, собственно и является отныне этим знаком. Однажды произведенный акт учреждения *Geschlecht* воспроизводится таким образом, что все захватывается в зону этого *Geschlecht*. Структура *Geschlecht* является структурой, воспроизводящей себя внутри самой себя, т. е. "геральдической" структурой (*mise en abyme*, падением в бездну). Попытка определить место и время создания этой структуры и знаков национальной идентичности падает в бездну бесосновности, в беспредельное самоотстранение акта производства *Geschlecht* от наблюдателя. Отныне акт производства *Geschlecht* становится ненаблюдаемым и неопределимым. Собственно говоря, таким способом всегда и создается всякий *Geschlecht*. Таким образом, *Geschlecht* является, по сути, пустым местом, недоступным наблюдению, другими словами опять-таки перерывом коммуникации. Но как и каким способом можно тогда говорить о *Geschlecht*, о национальной идентификации?

Анализировать *Geschlecht*, способ национальной идентификации, необходимо, не стремясь выявить место его учреждения, а анализируя саму его форму, каждый раз различную. Например, структура немецкого *Geschlecht* базируется на признании акта полного самосознания субъектом. Немецкая национальная идентичность, собственно, и конституируется от имени этого «осознания» – любой,

осознавший себя как принадлежащий этому виду деятельности свободного осознания себя, становится, по мнению Фихте, немцем по своему духу.

Разумеется, всегда существует некто, кто производит этот акт учреждения *Geschlecht*, например Фихте в отношении немецкого *Geschlecht* или Декларация независимости, написанная Джефферсоном, но подпись Джефферсона или подпись Фихте стоят в этих «документах» лишь по видимости, так как если кто-то и подписывается, то это сам *Geschlecht*, сам способ национальной идентификации. Для подтверждения своей подписи, однако, *Geschlecht* или кто-то пишущий всегда ссылается в момент акта конституции *Geschlecht`a* на высшее имя, от лица которого и происходит это учреждение. В случае с немецким *Geschlecht* – это имя Бога, Абсолютного Духа, к которому приравнивается как акт осознания вообще, так и осознание *Geschlecht*, национальное осознание. В итоге немецкое национальное осознание – это именно акт собственного осознания, чистый мыслительный акт, который в своей чистоте отсылает к сознанию Абсолютного Духа. С неизбежностью отсюда следует, что для национальной идентификации немца необходим философ. Лишь философ, воспроизводя абсолютное сознание Абсолютного Духа, может быть тем, кто дает возможность свершиться национальному осознанию как мыслительному акту самополагания. Тогда для немцев именно философия оказывается тем, через что они (немцы) существуют как немцы.

В случае с американским *Geschlecht* – это акт юридической подписи, которая также в конечном итоге производится от имени Бога. Американские делегаты от разных штатов принимают Декларацию независимости, в которой провозглашается, что эти делегаты имеют право для блага выборщиков принять решение о независимости штатов. Парадокс данной ситуации в том, что до этой декларации такого принципа не было. Получается, что представители штатов в том документе, который они принимают, собственно, и обосновывают законность такого действия. Полномочными представителями, могущими принимать решения, они оказываются лишь после того, как приняли Декларацию независимости. Юридический акт создания новой нации оказывается парадоксальным образом одновременно и законным и незаконным. Его законность обосновывается задним числом. Кроме того, данная законность выглядит как конституирующий юридический акт. Подобно тому как немецкий *Geschlecht* по своей внутренней структуре является актом осознания, американский *Geschlecht* является юридическим актом. Отсюда понятно, почему с неизбежностью Америка для идентификации своих граждан оказывается нуждающейся в вере в справедливость закона.

Следовательно, в зависимости от типа национальной идентичности, от структуры *Geschlecht* «образуется» и сам субъект, производящий учреждение *Geschlecht*; в случае немецкого *Geschlecht* таким «субъектом» является философ, американского – юридический законодатель.

III

Теперь обратимся к знаку идентификации «Россия». Знак, *Geschlecht* «Россия» конституирует культурное пространство России и, следовательно, все прилагательные, поддерживающие существование этого знака, – такие как «русский», «русское» и т. д. Как и любой знак национальности, как и любой *Geschlecht*, знак «Россия» испытывает двойственность, колебание между своим конститутивным и перформативным смыслом. Таким колебанием наделена всякая подпись, всякий *Geschlecht*. Каким же образом существует и функционирует знак *Geschlecht* «Россия», в чем своеобразие этого знака?

На мой взгляд, раскрыть специфику существования знака «Россия» позволяет обращение к работам П. Я. Чаадаева. Способ, каким Чаадаев производил осознание места России, подразумевает *впадение* в определенную ситуацию. *Впадение* в

ситуацию, в которой помыслить, что такое Россия, становится сложно, не воспроизведя чаадаевского истолкования, чаадаевского хода мысли. А в чем же состоит это своеобразие чаадаевского понимания знака «Россия»? Данное своеобразие не только в том, что Россия понимается как страна пространственно и культурно лежащая между Востоком и Западом, как страна, которой нужно сделать усилие, чтобы стать европейской страной. Скорее, Чаадаевым закладывается способ самоосознания России и такой способ национального самоосознания, когда Россия осознается *самой* Россией как нация, как страна, которой недостает чего-то до полноценности западной страны. То есть Россия изначально определяется им как нечто неполноценное, как *знак неполноценности*.

Чаадаев понимает противоположность Восток – Запад вовсе не как культурную противоположность, а как различие между цивилизованными странами и странами дикими, отсюда и своеобразие России не в том, что она принадлежит и Востоку и Западу – такая мысль является уже более поздней мыслью. Основная мысль Чаадаева заключается в том, что Россия *полудикая*, *наполовину* цивилизованная. Данный способ самосознания можно охарактеризовать как самоосознание неполноценности, которое отныне делает невозможным ясное определение места России. Поскольку Россия всегда есть одновременно и не цивилизованность Запада и в то же время не дикость Востока, то ее место неопределимо. Ее место оказывается всегда *между*, за пределами всяких определений. «Умом Россию не понять...» уже не со скепсисом, а со значительной долей восторга продолжает размышления Чаадаева Тютчев. Данная логика приводит к тому, что «самоосознание неполноценности» начинает работать как создающий субъект национальной культурной идентичности изначально неполноценный. Неполноценен он в силу невозможности самоопределения, и потому в сочетании «самоосознание неполноценности» неполноценность нужно понимать не только как пассив родительного падежа, но и как актив. Возникает своеобразная самопорождающаяся логика нехватки (*manque*), из которой невозможно вырваться. Далее даже уже сложно говорить, что эта ситуация осознается, скорее она самопорождается в некотором действии, которое лишь симулирует самоосознание, не будучи таковым.

Таким образом, российская национальная идентификация симулирует способ конституирования *Geschlecht* как самоосознания, по сути являясь логикой невозможности самосознания. Таким образом, следует признать, что знак «Россия» изначально порожден своей нехваткой, нехваткой себя как знака. Если обычный *Geschlecht* является прерывом коммуникации, позволяющим определить этот знак, определить национальную идентичность, то *Geschlecht* «Россия» является прерывом прерыва, местом разрушения производительной силы всякого знака и всякого способа учреждения самоидентичности. Знак «Россия», по сути, сосредоточивается в этой пустоте производительного центра «геральдической конструкции» (*mise en abyme*), центра, создающего возможность воспроизводства такого знака.

К каким же следствиям для российской культуры приводит этот странный способ функционирования национальной идентификации? Нехватка знака, этот странный недознак «Россия» создает специфический способ существования отсылки знака, имеющий место только в России. Такой способ существования знаков в России подразумевает совершенно иные отношения между внешним и внутренним, центром и периферией.

Как нам представляется, в России вообще не существует центра и потому всякая логика соотношения центра и периферии в России лишена основания. Центр в России находится не в самой России, а вынесен за ее пределы в силу того, что Россия существует как знак нехватки по отношению к чему-то полагаемому внешним, в частности по отношению к Европе. Россия не просто стремится к Западу, она в итоге переносит свой центр вовне самой себя. По крайней мере, с А. Герце-

на политическая и культурная активность России смещается за границу. Вернее будет сказать, что за границей оказываются те русские, которые и определяют осознание России как России. Возникает парадоксальная ситуация: осмысление сущности России, ее задач и смысла ее бытия производится теми, кто живет за ее пределами. И даже более того: именно за пределами России такое осмысление ее сущности и делается возможным.

Это не значит, что в самой России не было тех, кто не стремился к такому осознанию, но дело в том, что это было возможно лишь после, лишь на основании того же действия, производимого за пределами России. Русская свобода, свобода слова и деятельности находится с какого-то момента уже не в России, а за ее пределами. Сама Россия – это крупные центры Европы, в первую очередь Париж, где живут русские, где они чувствуют себя русскими, свободными русскими.

Собственно, сама ситуация языковой диглоссии, когда часть русских говорят по-французски лучше, чем по-русски, уже может быть рассмотрена как знак смещения России за ее пределы, хотя, конечно, присутствует и вполне явное стремление стать ближе к Западу. Так, например, Петербург – этот город, обращенный на Запад, «окно в Европу» – находится в неопределенном месте. Петербург – это уже не Россия, что подчеркивается его закладкой на неосвоенном месте, другими словами на том месте, которое не имеет никаких корней (болота, на которых строился Петербург, не дают возможности укорениться) и никогда не было русским. Да и сама ситуация «дрейфующей» столицы, перенос столицы из Москвы в Петербург и наоборот указывает на нестабильность центра в России. Столицей России поэтому, с большим основанием, можно считать Париж или какое-либо другое место Европы за пределами самой России.

Чем же тогда на самом деле является столица России, ибо несомненно, что она неким образом присутствует, имеет место в России? Столица России – это симуляция центра, это указательный знак, указывающий на действительный центр, указательный знак, видимый только в этом месте и выводящий за пределы России. Таким образом, «центр» в России – это то место, откуда только и виден ясно действительный центр России – «заграница». Чем дальше от этого «центра», тем менее виден этот указатель и тем менее становится понятно, где находится «центр», а где «окраина». «Окраина», «глубинка» в России в таком случае является тем местом, откуда этот указатель не виден вообще и где теряются всякие ориентиры и возможность определить направление. На наш взгляд, как раз специфический способ существования знака, определяющего национальность, определяет способ существования периферии в России. Это способ, при котором периферия понимается, с одной стороны, как что-то второстепенное, а с другой – как более истинное, как место, где возможность указания, возможность существования знака полностью разрушена, а ведь это как раз и является специфическим способом существования национального знака «Россия».

Таким образом, *Geschlecht* «Россия» скрывает себя, существует как ускользающий знак. Возможно, в какой-то степени, в каком-то измерении, характеризующем способ существования социальности внутри самого культурного пространства России, переводом немецкого слова «*Geschlecht*» на русский является слово «народ» (народ), имеющее корнем «род», но далеко отклоняющееся от своего корневого значения. Если знак «Россия» существует как отсыл за свои пределы, как отсыл по горизонтали, то знак «народ» является отсылкой, выходом за пределы некой вертикали, социальной вертикали иерархизации. Собственно народ в России – это всегда та конечная, высшая ценность, на которую ссылаются. Народ – это то, что служит цели обоснования любых действий, и одновременно то, что всегда находится вне какого-либо измерения социальности. Народу всегда чужды социальные цели и мотивы, он сам является своей целью, воздвигая сам себя, в качестве

некой идеальности, на вершину социальности, тем самым располагая себя вне ее. В результате народ в России – это никто, это всего лишь идеальность, на идентификацию с которой может претендовать каждый, что влечет, впрочем, его десоциализацию и даже деперсонификацию. Отсюда деперсонификация «вождей» – тех, кто «является» народом в высшей степени. Образы «вождей» репрезентируют в своей безличности лишь сам этот народ. Такая деперсонификация, приводит, однако, к тому, что «народ» более не опознает себя в этих памятниках, в этих знаках, которые являются уже лишь по форме социальными, а по сути самим народом. В тот момент, когда народ перестает опознавать в этих «вождях» самого себя, он сносит эти памятники. В результате, как указывает М. Рыклин, в постсоветскую эпоху «на пустующих пьедесталах царил окончательный, неантропоморфный референт Террора – сам народ» [3]. По сути, народ, с одной стороны, замещал своим присутствием на постаментах «вождей», а с другой стороны, раскрывал истинную сущность этих памятников. В какой-то степени близким «народу» остается лишь знак «Родина», являющийся, по сути, тем же самым знаком, но с измененным родом, полом, измененным *Geschlecht*. В этом знаке народ опознает и любит свое иное, т. е. любит снова самого же себя, создавая по видимости что-то внешнее для себя, чтобы не быть уличенным в нарциссизме и самолюбии.

IV

Внутреннюю пустоту знаков в России демонстрируют российские памятники и городская архитектура в целом. Здесь интересно обратить внимание на фразу «Никто не забыт, ничто не забыто», которая вписана в российское сознание и архитектуру. Каким образом она существует? В первую очередь можно обратить внимание на способ существования этой фразы в качестве записанной. Слова «Никто не забыт, ничто не забыто» выбиты на камне, на обелисках и памятниках, выбиты таким образом, что стереть эту надпись невозможно в силу прочности материала, на котором эта запись сделана. В своем способе бытия эта надпись олицетворяет незабвенность. Но что же означает это «Никто не забыт, ничто не забыто»? Некоторое смещение привычных акцентов приводит к иному прочтению этой фразы – «НИКТО не забыт, НИЧТО не забыто». В таком прочтении существенными оказываются эти НИКТО и НИЧТО. «НИЧТО не забыто» означает буквально, что это *ничто* не забыто. Утверждается, что это *ничто* помнится. Здесь Ничто имеет смысл пустого места, пустого знака. «Ничто не забыто» означает память этого пустого места, память пустоты. «Ничто не забыто» указывает на способ присутствия внутри памяти забвения, чистого ничто, того Ничто, воспоминание о котором стирает память.

Сама эта надпись существует в своем бытии как записка-памятка, как та надпись, к которой обращаются для того, чтобы вспомнить нечто. Она подобна запискам с планом действий или списком покупок, которые порой составляют, не доверяя своей памяти. Эта надпись, с одной стороны, указывает на присутствие внутри памяти Ничто, пустого места, забвения; с другой стороны, она призвана возратить память, стертую этим Ничто, но парадоксальным образом она призывает вспомнить Ничто.

В архитектурном пространстве тоталитарного общества значительная часть памятников как раз и является этим Ничто. Огромные массы камня и железа, по сути, представляют собой это Ничто. Они являются черными дырами в пространстве архитектуры города. Эти дыры рассыпаны по всему городу, поедая пространство и определяя собой жизнь города, возможно, в большей степени, чем все другие элементы архитектуры.

Вообще тоталитарное российское общество создает целый ряд элементов, проявляющих способ бытия в городском пространстве. Характерным примером архитектуры такого пространства может служить феномен гипсовой скульптуры.

Гипсовая скульптура тиражна и вместе с тем разнообразна. В отличие от любой другой скульптуры она имеет множественность. В этой множественности она воспроизводит множественность аспектов существования телесности человека в тоталитарном обществе. Одной из существенных черт гипсовой скульптуры, впрочем как и всей архитектуры общества, в котором создается гипсовая скульптура, является ее белизна, через которую осуществляется презентация ясности. Белизна гипсовых фигур стирает все возможные складки, как места, утаивающего что-то от взгляда. Таким образом, она репрезентует образ тотальной видимости и полной наблюдаемости. Такая фигура, лишенная складок, абсолютно ясная и доступная для взгляда, во многом подобна идеальной фигуре, идеальной телесности, которую и пытается представлять подобная архитектура. Вспоминается четкость, ясность, «наполненность светом» архитектурных ансамблей 30–50-х гг. Данная идеальная телесность подобна платоновским идеям, идеям, которые можно понять, как это отмечает Ямпольский, как чистую белую поверхность, за которой ничего нет. Белая поверхность такой материи и является идеальной формой телесности, знаком, за которым ничего не находится. Белизна, отрицающая возможность всякого сокрытия, ускользания, обладает характером слепящести. Самое ясное, самое белое ненаблюдаемо, так как глаз не приспособлен для наблюдения чистой белизны. Эта белизна больше, чем пустота, скорее это даже полнота в своем сверхизбытывании. Она подобна фрейдовскому беспокоящему *Unheimlich*, так как является той белизной, от которой пытаются укрыться и этим действием укрывания определяют способ видения ее и всего окружающего, так как укрываться от белизны приходится той же материей белизны. Белизна, как отмечает Ямпольский, – знак чистоты, отсутствия прошлого [4]. Такая белизна сравнима с белизной чистой страницы. И здесь мы снова возвращаемся к теме памяти знаков. Белизна уничтожает память. Агрессия белого пространства направлена в первую очередь против складок памяти, памяти индивидуального. Эта агрессия неизбежно вызывает ответ. Белое поле скульптурных, архитектурных фигур, подобно листу бумаги, начинает покрываться надписями, вырезанными на ней перочинными ножиками и гвоздями людьми, не терпящими и протестующими против пустоты. Надписи на гипсовых скульптурах разрушают абсолютную белизну фигур, дают возможность быть памяти, разумеется в определенной ее форме. Начертание знаков памяти приводит к раскалыванию белого пространства и раскалыванию самой гипсовой фигуры, в пределе демонстрируя то, что скрывается за этой белизной, – арматурный каркас.

Таким образом, отсыл и ускользание знака национальной самоидентификации самым различным образом проявляют себя в культурном пространстве России, а анализ способа существования знаков в России позволяет понять специфику функционирования знаковых систем в России и самого культурного пространства России как пространства знаковой коммуникации.

Интересно отметить, что скорость ускользания знака оказывается непостоянной. Саму историю России можно в результате представить как историю ускользания знака и даже больше – как историю ускоряющегося ускользания, в которое вписывается и «освоение» «западной» культуры и философии, и революция, и ряд других событий, до тех пор пока это ускользание не обнаружило себя в эффекте полной наблюдаемости симуляции всех сфер действительности.

Эта ситуация наблюдается во всех сферах русской культуры и особенно ярко проявляется в способе существования «русской» философии. При чтении русских философов изначально смущает и поражает степень «непонимания» ими «западной» философии, и это происходит в то время, как сама «русская» философия и русские философы начинают свое философствование, и прямо на это указывают, с воспроизводства именно «западной» философии. Чаадаев, славянофилы, Соловьев, например, начинают с чтения и изложения Шеллинга. В этом изложении по-

ражает то, в какой мере Шеллинг ими не понят и насколько им в принципе чужды построения немецкой классической философии. Пожалуй, революция в России выполнила роль ускорителя, ускорения уже протекавших процессов (об этом достаточно ясно сказано в «Вехах» и работах Бердяева). Революция оказалась неким дополнительным отстранением, той кривой, что оказалась кривой орбиты, на которой движение приобрело дополнительную скорость – скорость, которая, наконец, позволила некоторым процессам совпасть с собой. Так, например, в отношении философии данная ситуация вылилась в то, что годы «чтения» Маркса привели к тому, что жесткие специфические рамки «воспроизводства» марксизма заставили философов в России в своем философствовании стать имманентными «западной» философской мысли. Пожалуй, именно благодаря марксизму русские философы, наконец, обрели философию. И это стало возможно в силу того, что коммунистическая марксистская идеология собственно и выполняла функцию философии. Такая симуляция, эмулирование идеологией функций философии, породила сверхизбыточность философии, такую сверхизбыточность, которая имела в России всегда, но которая только в этот момент привела к созданию философии по форме «западной». Сверхизбыточность обернулась, наконец, возможностью понимания в России «западной» философии и стиранием границы между «западной» и «русской» философией.

Здесь необходимо также отметить то, что возможность обнаружить ускользание знака позволяет перевести это обнаруженное в различные сферы производства знака. Если ранее зона воспроизводства «мертвых» знаков собиралась и группировалась вокруг некоего центра, то в настоящее время скорость ускользания знака достигает такого предела, что зона или зоны воспроизводства таких «мертвых» знаков начинают рассредоточиваться, рассеиваться, в пределе распределяясь равномерно во всех сферах знаковой реальности и таким образом вообще уничтожая эти «мертвые» знаки. Такая ситуация уникальна и позволяет сделать видимой для того пространства, что именовалось до сих пор Россией, вместе с ускользанием знака, саму сущность знака, а также сделать в определенной мере доступной для этого пространства взгляд на саму скорость знака как на то, что определяет и что является более первичным, чем историческое свершение и в итоге позволяет наделить решимостью и смелостью те просторы, которые до сих пор были лишены этого.

Таким образом, в силу специфичного способа существования знака, Россия всегда обнаруживает и определяет себя по отношению к Западу, а по сути, по отношению к самой себе, ибо Запад здесь, в России – это выдвинутая и приподнятая мера измерения себя. Как ни парадоксально, это оборачивается тем, что в результате сам Запад только и имеет место в России. Много ли европейцев пользуется для собственной идентификации понятием «Запад»? Россия, таким образом, – точка предела самого Запада, точка, где Запад как таковой и показывается, вернее будет сказать, исходит, ибо есть еще и Запад Запада – Америка, места заката Запада, место, где, по словам Жиля Делеза, Запад и Восток меняются местами. Однако способ функционирования и растворения, ускользания знака, а следовательно, самого Запада на другом пределе Запада – в Америке – тема отдельных размышлений.

Литература

1. Derrida J. La main de Heidegger (Geschlecht II) // Derrida J. Psyche. Invention de l'autre. – Paris : Galilee, 1987. P. 415–451.
2. Деррида Ж. Отобиографии // Ежегодник «Ad Marginem`93». – М., 1994.
3. Рыклин М. Террорологии. – Тарту ; М., 1992. – С. 140.
4. Ямпольский М. Демон и лабиринт. – М., 1996. – С. 168.

УДК 316.77

Гзгзян Давид Мкртчичевич

канд. филол. наук, завкафедрой богословских дисциплин и литургики Свято-Филаретовского православно-христианского ин-та (г. Москва)
E-mail: davidgz@mail.ru

Gzgzyan David Mkrtsichevich

Candidate of Philology, Head of Theology and Liturgics Department, Saint-Philaret's Orthodox Christian Institute (Moscow)

**АВТОНОМНОСТЬ СУБЪЕКТА
И ДРУГОЙ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ
К ВЗАИМНОСТИ**

**THE AUTONOMY
OF A SUBJECT AND THE OTHER:
A PLOD TOWARDS MUTUALITY**

Аннотация

В статье обсуждается возможность осуществления неконвенционального типа коммуникации, которая оказывается основным средством конструктивного взаимодействия, чрезвычайно востребованного в современных условиях, когда масштабы деятельности и последствия предпринимаемых инициатив требуют столь высокой степени доверия между субъектами взаимодействия, что данные реалии заставляют восстанавливать такой режим отношения «я» – «другой», в котором возможен и необходим совместный поиск сверхконвенционально толкуемой истинности.

Ключевые слова: коммуникация; неконвенциональный; я; другой; отчуждение; понимание.

Abstract

The article dwells upon the possibility to establish a non-conventional type of communication, which turns to become the major way of positive interaction most wanted in the nowadays reality when the scale and possible consequences of the actions undertaken claim a degree of trust the extent and character of which force to seek a way of restoring a specific regime of the relation «Me – and – the Other», that would make it possible a cooperative search for superconventional understanding of Truth.

Keywords: communication; non-conventional; me; the other; alienation; understanding.

В настоящее время давно известная, казалось бы, антитеза, заявленная в названии, актуализировалась в связи с вызревшим новым противоречием принципиального характера. С одной стороны, в свете глобализации взаимодействия стран и крупных сообществ неизбежно возрастает потребность в достижении надежного согласия с созидательным потенциалом по поводу быстро меняющихся реалий, которые нередко требуют нестандартных решений с многообразными и долговременными последствиями для мирового порядка. С другой – возрастание потребности в ответственной и эффективной коммуникации происходит в условиях устойчивых методологических подозрений в действительности таких категорий, как «субъект», «автор», «понимание». «Текучесть» агентов коммуникации вряд ли может показаться фактором, способствующим ее успешности, особенно по поводу масштабных проблем, поневоле требующих вовлечения отчетливо сознающего себя субъекта. Можно ли представить себе человека, рассуждающего по существу «мировых вопросов» и при этом потерявшего из виду самого себя? Однако очевидно негативный ответ возвращает нас к старой философской интриге, где самосознающий субъект сталкивается с вызовом соотношения себя с Другим.

Фактически еще Кант фундаментальным условием адекватного положения человека в мире и перед самим собой провозгласил автономию субъекта. Это тот, кто ничего не принимает на веру, не подвержен никакому влиянию «стихий

чувств», тот, на кого не действует никакая слепая традиция. Единственным орудием самополагания в мире для него служит критическая мысль, которая, в свою очередь, порождает одно фундаментально положительное качество автономного субъекта – его ответственность за каждый акт своей деятельности, которую он провозглашает конструктивной, жизненно важной и т. д. Таким образом, автономность одновременно выражается критической способностью разума и неотъемлемыми от нее свободой и ответственностью за факт собственного существования. Критическая мысль трансцендентального субъекта есть действие, за каждый шаг и результат которого его субъект способен нести полную ответственность. Тем не менее это представление сохраняет известную методологическую двусмысленность.

Принцип автономности субъекта создает фундаментальную трудность, которой не избежал и Кант и которая состоит в том, что его трансцендентальный субъект – это персона, которая отвечает за себя всецело, но для которой неактуально сообщение с другими. А поскольку это и методологический, и жизненный нонсенс – человек, присутствующий в мире, но абсолютно внеположенный ему, – то дальше появляются, как известно, попытки как-то выйти из этого фундаментального порочного круга. И попытаться соединить автономно позиционирующего себя субъекта, всецело ответственного с теми, кого уже парадигма XX века назовет *реально присутствующими другими*. Но каким образом и зачем такому субъекту общаться с другими, за вычетом конвенции о неприкосновенности себе подобных? Ведь автономному субъекту лучше ни с кем не взаимодействовать. Тем более что при этом легче нести бремя ответственности за свое существование.

Еще Шопенгауэр показал, что абсолютно автономный субъект нереален, потому что не может существовать ни один субъект без определенного жизненного интереса. То есть парадоксальным образом автономность субъекта поддерживается тем, что что-то его в этой жизни держит. И для того чтобы выступать ответственным за свое бытие субъектом, он должен сознавать, что свою жизнь стоит проживать. Однако такая установка вряд ли выполнима без соотнесения своего проживания с жизнью тех, кто рядом. Так, очевидно, что если автономный субъект это лицо, которое отвечает за себя всецело, то каждое его действие носит характер конструктивный. Конструктивный же характер ответственного действия требует того, чтобы оно было воспринято и признано за таковое, иначе конструктивность окажется логическим нонсенсом, поскольку конструктивность не может быть непроверяемой. Если же признается, что у самого субъекта помимо способности к критической рефлексии и личного нравственного самоопределения должен присутствовать интерес, стимулирующий его к активации мысли, то он побуждает нас к самоопределению относительно других. Ведь если мне важно нечто понять, то едва ли не единственным надежным критерием того, что это состоялось, является сообщаемость понятого, даже если это математическое выражение полученного знания. Сама по себе выраженность уже оказывается формой коммуникации. Еще более очевидна потребность в успешной сообщаемости результатов всякой конструктивной деятельности. Так возникает странное для принципа автономности измерение взаимодействия с другими.

Итак, конструктивный характер ответственного бытия автономного субъекта непременно требует восприятия и признания. Однако то признание, которого ищет заинтересованный субъект, помещает воспринимаемое действие, событие и т. д. в ценностный контекст. Иначе говоря, если понятое или сделанное мною что-то всерьез значит, тогда оно имеет ценность.

Но тогда подтверждение конструктивного характера понятого или содеянного связывается со способностью идентифицировать, разделять и, возможно, даже наращивать общий характер ценностей. Общие ценности являются основанием для того, чтобы воспринимать и соизмерять те акты, за которые я несу ответствен-

ность, а также размещать действия и их результаты в каком-то общем пространстве. Если этого не происходит, тогда теряют свои свойства и статус, и автономный субъект, провозгласивший себя ответственным всецело за свое местоположение в этом мире, и его предположительно конструктивные акты.

Известно, правда, что за уже более чем столетнюю историю дискуссии вокруг способов выявления ценностей и их содержания относительно достоверно установлено только то, что единство ценностей не дается чистой мысли. Если принимать во внимание тяжелую историю понятия «ценность» и в философском, и, тем более, в социально-политическом, политологическом дискурсе, то идея общего поля ценностей сегодня скорее будет расцениваться как утопическая фантазия, нежели как действительная реальность. В наше время «общие ценности» – это представление не идеальное, а утилитарное, и легче всего они возникают там и тогда, где и когда востребованы отнюдь не автономные субъекты, не всецелая ответственность за себя и свое положение в этом мире и не фундаментальные мировоззренческие установки, а всего лишь осознание очевидных, вполне прагматических интересов. Может быть, конвенциональный характер всякого совместного действия – это и есть средство лечения «высокой болезни» под названием «автономный субъект», и надо просто снять саму проблематику неких всеобщих консенсусов, неких единых интегральных ценностей. Можно предположить, что качество всеобщности будет характеризовать только условие конвенциональной коммуникации. Надежней, понятней существовать в режиме таких временных, но зато вполне осязаемых конвенций, в сущности замешенных на одном общем для всех живых существ, разумных в нашем случае, очевидном интересе – на интересе выживания. Каким бы низким он ни казался, он все-таки не позволяет себя обойти, заставляет с собой считаться и подталкивает к этим самым конвенциям. Доступ к успеху определяется в этом случае готовностью соблюдать ряд простых правил, исключающих двойные стандарты и намерение ввести партнера в заблуждение. Таким образом, речь идет о таком воображаемом обществе неких лиц, которые успешно достигают консенсуса о том, что их объединяет в данный момент, потому что они предварительно опознали друг в друге подходящих для этого партнеров. Скорее всего, это значит, что прежде всякой актуальной коммуникации между ними уже успело сложиться согласие о базовых ценностях. Ю. Хабермас, напомним, выделяет два типа поведения: коммуникативное, приводящее к возникновению социальных структур, способных к развертыванию и самоосуществлению, и стратегическое, преследующее утилитарный интерес и ведущее к обману партнера [1. С. 226–230].

Еще в 80-х годах XX века можно было считать исчерпывающим такой набор условий успешного конвенционального взаимодействия, пока не выяснилось, что временные конвенции, снимая проблемы на ближайшую перспективу, провоцируют малопредсказуемые трудности в перспективе более отдаленной, причем предвидение последних хотя и признается чем-то желательным, но оказывается невозможным изнутри очередной априорно локальной конвенции. Когда выяснилось, что европейское сознание не вполне успевает переварить то, что возникает в, казалось бы, хорошо отлаженном, хорошо технически отработанном конвенциональном поле, невольно встает вопрос о способах купирования этих возрастающих рисков, например, связанных с пресловутой политикой мультикультурализма. В какой-то момент становится принципиально важно знать, что участники очередной конвенции, которая заключается с точки зрения некой очевидной выигрышности, – это не только временные попутчики, а люди, взаимодействие с которыми имеет столь существенные и долговременные последствия, что в них придется предположить партнеров, чья надежность и способность к единодушию должна превосходить горизонты текущего согласия. Причем чем выше значи-

мость и одновременно сложность вопросов, тем более востребовано знание о том, во что верят участники коммуникации, поскольку иначе сложно будет удержать в поле внимания цели и содержание предполагаемых конвенций. Ведь чем менее прогнозируем возможный консенсус в силу нетривиальности дискутируемой проблемы, тем выше становятся требования к партнерам уже не столько с точки зрения переговорной этики, сколько в отношении их ценностных ориентиров. Так как речь идет о неочевидных результатах, приходится быть готовыми к длительному взаимодействию, которое может потребовать обращения именно к этой стороне облика своих собеседников. Таким образом место партнера с непроницаемым для посторонних внутренним миром постепенно будет занимать некими другими носителями «я»-начала, сотканного из ценностных переживаний, а не коммуникативных навыков.

Так из более или менее устойчивого коммуникативного поля мы получаем весьма подвижную и даже эфемерную и мучительную реальность, в которой совершенно непредсказуемым образом должен складываться опыт доверия, опирающегося не на прагматическую этику, а на ценностный мир его участников. Тем самым мы попадаем в подобие платоновского мира, где приходится постулировать дееспособное коммуникативное сообщество, для которого наличие общего поля ценностей, превышающих чисто витальный уровень, есть непреложный факт (К.-О. Апель) [2. С. 263–335]. Излишне говорить, что идентификация партнеров такого качества не может мыслиться как формализованная процедура, но это обстоятельство только обостряет вопрос, поскольку взаимное признание коммуникантов остается неперемным условием.

Приходится только надеяться, что присутствие такого философско-социологического конструкта содействует выстраиванию консенсуса об общих ценностях, а также его возобновлению и совершенствованию. Разумеется, основания для подобного согласия могут показаться зыбкими, а условия его соблюдения слишком нетривиальными. Однако, справедливости ради, следует указать и на то, что уже описанная практика заключения временных конвенций помимо небольшого потенциала для идентификации и решения общих задач несвободна и от внутренней неразрешимой трудности. Известно ведь, что над столом переговоров, где заключаются новые конвенции об общих на данный момент ценностях, незримо витает призрак смерти субъекта, выпущенный на свободу кризисом самоидентификации. Хорошо, если удастся сохранить принципиальную договороспособность участников требуемого согласия, т. е. не утратить совершенно статус автономных субъектов. Эта линия рассуждений преимущественно касалась целей и содержания коммуникации.

Другая линия описывает отношения ее участников друг к другу, что, несомненно, составляет принципиальный фактор успешности всякого коммуникативного взаимодействия. Кем предстанут друг перед другом участники воображаемого нами диалога? Очевидно одно: для каждого «я», вовлеченного в коммуникацию, остальные партнеры – это некие «другие», причем каждый из них сам для себя все тот же автономный субъект, т. е. способный нести необходимый минимум ответственности за успех предполагаемой конвенции.

Чисто автономный субъект, разумеется, фигура условная, так как он не коммуницирует, а всякое согласие содержится в априорных рациональных формах. Реальность коммуникации делает всякую автономность условной, вследствие того что в ней неотъемлемое место принадлежит Другому. Уже совсем не условно, поскольку именно он, точнее сказать, они задают очень проблематичный горизонт коммуникативных усилий.

Категория *другого*, стоило только ей появиться в мыслительном дискурсе, сразу приобрела два едва ли не противоположных окраса. Более известен, благо-

даря литературному таланту Сартра, негативный. От хлесткого выражения «*Ад – это другие*» до более философически окрашенных высказываний, таких как «*Я самим фактом своего бытия другого исключаю*» [3. С. 252]. Но это значит, что *другой* – всегда помеха. Может быть, из этого фундаментального признания и рождается такое конвенциональное недоверие к *другому*. *Другой* – это загадка, причем загадка, которая, как правило, ничего хорошего не сулит. И единственный способ не погрузиться в кошмар всеобщего отчуждения состоит в том, чтобы научиться с этими неприятными *другими* мирно сосуществовать. Я исключаю другого, другой исключает меня. Как говорит Сартр, «*я улавливаю взгляд другого внутри собственного акта действия как твердыни и отчуждения моих собственных возможностей... Другой – это скрытая смерть моих возможностей... Из-за появления другого бытие для себя оцепеневает в бытии в себе...*» Даже «*стыд есть обнаружение другого*» [Там же. С. 254–256]. Может быть, это гимн культурной отчужденности, которая будет отмечаться даже между людьми, признающимися друг другу в любви, – вот что навеяно невеселыми сартровскими откровениями.

Однако известна и счастливая противоположная трактовка *другого*, появлению которой мы обязаны весьма своеобразной группе мыслителей. Так, например, Эммануэль Левинас считает, что «*присутствие другого, наоборот, задает позитивный горизонт моих возможностей...*». «*Другой расширяет самовластное отождествление меня с самим собою. Он изымает и продолжает изымать меня из себя самого, раскрывая тем самым во мне все новые дарования*» [4. С. 165]. Поль Рикёр отмечает: «*Другой создает излишек присутствия за границами моей субъективной жизни...*» «*Другой – это тот, кому я могу сказать «ты» и тем самым избежать весьма кошмарно окрашенного самоотчуждения собственной отчужденности...*» [5. С. 34].

К сожалению, выражения, в которых *другой* трактуется таким позитивным образом, носят подчеркнuto художественный, метафорический характер. И это хорошо известно. Не менее известно и другое – что мыслители, столь позитивно трактующие *другого*, совпадают друг с другом и в своей собственной интеллектуальной истории, и в своем мироощущении. Бубер, Левинас, Розенцвейг, Эбнер, возвышенно говорившие о неизбывном, абсолютно позитивно окрашенном соотношении *я и ты*, – все они, во-первых, верующие, во-вторых, такие верующие, которые пережили искус своей интеллектуальной прививки и свою традиционную принадлежность к библейскому верованию (они все вышли из библейских семей), они все одновременно нашли возможность переосмыслить на таких основаниях, что в итоге оказались на ничьей земле... Да и во времена оные находились под подозрением, то как отступники, то, как оно водится, еретики. А вот, скажем, люди, похожие умонастроениями на Сартра, так и не обрели в позитивных посылах Левинаса и компании действительную для себя почву и остались убеждены в том, что *другой* – это принципиально чуждый.

Итак, имея дело с *другими*, их можно или ценить, или устранять.

Существуют ли при этом дополнительные аргументы в пользу того, чтобы предпочесть первое и дистанцироваться от второго переживания?

Можно ожидать, что дальше по логике вещей должна последовать более или менее гладкая апология позиция Бубера и пр. Однако гладкой апологии не получается, поскольку в построениях вышеупомянутой плеяды мыслителей самым надежным *Другим*, который создает бесконечно позитивные горизонты возможностей, является загадочное Существо, известное только одним своим названием, т. е. Бог. Но беда в том, что в мыслительном дискурсе это Существо не может присутствовать точно таким же очевидным образом, как любой *другой* смертный, который открывается взору этого *я*.

Еще менее понятно, как этого Другого можно представить себе всерьез, я повторяюсь, если это не Сам Бог, у Которого, как известно, других забот нет, кроме как открывать людям необозримые горизонты их возможностей. Другое дело, что не все люди об этом подозревают. И с этим непреложным медицинским фактом тоже ничего не поделаешь. Есть проблема, каким образом это может быть открыто, но она, увы, в философском дискурсе разработана быть не может, и это тоже со временем, судя по всему, стало очевидным.

Итак, сохраняется вопрос, как Другие, т. е. все мы, которые предстоят друг другу, самым фактом своего существования могут быть восприняты в качестве лиц, задающих положительный горизонт возможностей.

Вот чужие дают очень убедительный импульс к тому, чтобы вырабатывать культуру конвенциональности, и не более. И появляющееся в результате качество договороспособности очень ценно. Другое дело, что ресурс его действия ограничен. А само предположение о существовании конвенций с неограниченным ресурсом обновления в рамках рационального дискурса выглядит очень подозрительно. С другой стороны, когда мы задаемся вопросом о возможности устойчивых форм взаимодействия людей друг с другом, нам обычно приходят в голову не очень модные, практически избитые формы: сократический диалог, свидетельство об истине (в том числе и религиозного происхождения, но именно в форме убедительного свидетельства, а не насильственной интеграции). И почему-то персоны, которые инициировали подобные вещи, странным образом заставляют к себе возвращаться. Фигуры сократического склада почему-то сохраняют свою притягательность, правда отнюдь не для всех, а для особого рода людей, которые вдруг вспоминают про статус автономно мыслящего и, следовательно, ответственного за все свое бытие субъекта. И никак не могут в этом своем качестве увернуться от того примера, который подают инициаторы подобных диалогов. Оказывается, мы очень часто стоим перед выбором. Перед выбором между тем, что вертится вокруг очевидных интересов выживания и, с другой стороны, тем, что создает устойчивая общность вот таких, на первый взгляд, идеалистов, которым почему-то все еще важно знать, что есть истина. Очевидно, что речь идет о вопросе не в постановке Пилата. Вот эти общности, организованные вокруг непрерывно раздающегося на эту тему вопрошания, на первый взгляд очень уязвимы, но, с другой стороны, отчего-то, когда возникает патовая или пиковая ситуация, именно их начинают искать технологи временных конвенций.

И поскольку человек – существо, обреченное как-то располагать себя в тех глобальных измерениях, о которых речь шла с самого начала, то все-таки стоит исходить из того, что неизбывная потребность жить поверх конвенций существует. Не вне них, потому что это бессмысленно, деструктивно и невозможно, но поверх. Экзистенциальная тоска, так много шума наделавшая, в том числе с легкой руки упомянутого Сартра, выражается ведь не только в тотальном отчуждении, но еще и в неуничтожимой почему-то надежде на то, что за размывающимся обликом чужого скрывается некто такой же, как я. Проблема только в том, что пробиться к «такому же, как я» оказывается существенно сложнее, нежели объявить его временным партнером по решению той или иной прагматической задачи. И если эта экзистенциальная тоска все еще что-нибудь значит, то вряд ли человек способен существовать комфортно, не мечтая о том, чтобы быть востребованным именно таким, каков он в своем неповторимом «я». Это то, каким он хотел бы себя видеть, безотносительно к тому положению, какое ему отвели судьба ли, обстоятельства, или даже он сам. Тут-то и обнаруживается, что ничего другого не придумано, кроме как попытаться в очередной раз занять хоть какое-то место на пире мудрецов, объединенных вот этой странной, но общей для всех присутствующих проникнутостью жаждой истины, которая их соединяет прочнее всякой во-

ображаемой конвенции. Такое единение в подлинности только и гарантирует мне ощущение, что я – это действительно я, без всяких оговорок, и что это мое «я» не может быть просто так замещено, исключено, проигнорировано и т. д. То есть как раз исключает происходящее в конвенциональном режиме существования стирание «другого».

Несмотря на свой официальный статус богослова, я действительно считаю, что если *истина*, как она есть, выходит на первый план в жизненном интересе людей, то водораздел проходит не между категориями, группами, т. е. довольно безличными и, в сущности, временными социальными образованиями. Размежевание в реальности происходит между теми, кто верит в человека, и теми, кто не верит в него, между теми, кто наделен чувствительным сердцем, и теми, кто, как недавно выразился по определенному адресу Юрий Норштейн, страдает «сердечной недостаточностью». Я полагаю, что дистанцирование от «сердечной недостаточности» и культивирование сердца, чувствительного и к истине, и к тому, как эта истина воплощается во всяком другом, создает самый адекватный, самый подлинный, самый надежный фундамент для всякого взаимодействия с другим. Сотрудничество такого свойства может повести к тому, что Габриэль Марсель, обсуждая позитивную форму представления другого, называл *таинством сопричастности*. Это таинство сопричастности, судя по всему, и позволяет людям держаться друг друга не только для того, чтобы решать временные задачи в конвенциональном режиме, а для того, чтобы не потерять из виду свою неизбывную мечту обрести себя в качестве неразменной ценности. И пусть всякое такое местное, локальное, незначительное пространство, в котором происходит сообщение на эту вечную тему, будет всегда благословлено Всевышним Творцом.

Литература

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб. : Наука, 2001.
2. Апель К-О. Трансформация философии. – М. : Логос, 2001.
3. Сартр Ж-П. Бытие и ничто. – М. : Республика, 2002.
4. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб., 1999.
5. Рикёр П. Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. – Томск, 1998.

УДК 008

Лагутина Анастасия Владимировна

старший специалист отдела по планированию
лётной работы ОАО «Авиакомпания
"Уральские авиалинии"» (г. Екатеринбург)
E-mail: water_fox@mail.ru

Lagutina Anastasiya Vladimirovna

Senior Specialist in Flight Planning,
OAO «Ural Airlines» (Ekaterinburg)

Мясникова Людмила Анатольевна

д-р филос. наук, профессор,
проректор по научной работе
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
E-mail: nauka-gu@mail.ru

Myasnikova Lyudmila Anatol'evna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
LAU Vice-Rector on Research and Development,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**КОНЦЕПТЫ ИГРЫ И ГАБИТУСА
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ
ОСМЫСЛЕНИИ СПЕЦИФИКИ
МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР**

**GAME AND HABITUS CONCEPTS
THROUGH YOUTH SUBCULTURES
PECULIARITIES THEORY**

Аннотация

В статье специфика молодежных субкультур рассматривается через смысловое поле концептов «игра» и «габитус». Молодежная культура рассматривается как игра в примеривание и производство идеалов, как возможная вариация, порожденная материнской культурой. Концепт габитуса позволяет понять механизмы формирования и воспроизводства молодежной субкультуры как особого социального тела.

Ключевые слова: материнская культура; молодежная субкультура; идеалы; игра; габитус; социальное тело; миф; ритуал; символ; социально-культурные практики.

Abstract

The article considers youth subcultures peculiarities through game and habitus conceptual meanings. Youth culture is regarded in terms of a game of maternal culture ideals producing and fitting, one of possible variations generated by the maternal culture. Habitus concept makes it possible to understand the youth subculture formation and reproduction mechanisms as a specific social body.

Keywords: parent culture; youth subculture; ideals; game; habitus; social body; myth; ritual; symbol; social-cultural practices.

Современный мир разнороден, полиморфен, мультикультурален, нестабилен, неустойчив. Он соединяет множество различных субкультурных общностей. Особенно заметную роль в формировании подобного разнообразия сыграли (и продолжают играть) молодежные субкультуры. Если в 50-х годах XX века они исчислялись единицами, то сейчас их огромное множество. Они различны, часто несовместимы. Итак, наличие молодежной субкультуры – неоспоримый факт социума и культуры. Вместе с тем, несмотря на достаточно большое количество исследований молодежных субкультур, в настоящее время ощущается недостаточность концепций, которые позволили бы не просто фиксировать отдельную эмпирическую фактологию, но осуществлять теоретическую рефлексии о сути, способах существования, формирования, развития молодежных субкультур. На наш взгляд, использование концептов «габитус» и «игра» позволяет как выявить специфику молодежных субкультур, так и понять их динамику.

Молодежные субкультуры создаются внутри материнской (доминирующей) культуры теми, кто не вписывается в ее рамки. Это связано либо с нахождением в неопределенном состоянии смены статусов, либо в результате того, что опыт взрослого поколения не принимается молодежью. Кроме того, отсутствие естественной идентичности в текучей, неустойчивой современности заставляет искать и конструировать собственную идентичность, что особенно актуально для молодежи.

В чем же особенность молодежных субкультур? Мы согласны с утверждением, что наиболее ярко и явно сущность культуры проявляется в производстве идеалов (позиция Д. В. Пивоварова), и с тем, что культура может быть понята как игра (Й. Хейзинга). Особенно значимы эти понятия для выявления специфики молодежных субкультур. Главное отличие молодежных субкультур от других, например профессиональных, профессиональных и прочих, состоит в том, что молодежные субкультуры отличаются меньшей степенью серьезности по сравнению с другими субкультурами. Игровой характер специфичен для молодежных субкультур. Молодежная субкультура – это игра в примеривание и производство идеалов. Она выбирает их из ценностей и идеалов, функционирующих в материнской культуре, или же играет с ними, «примеривает» их на себя, как мамыны платья, туфли и шляпки из большого шкафа, как папину сигару и машину. Но этот игровой процесс не только выбирает старые идеалы и утверждает их, но и меняет эти идеалы либо создает совсем другие, новые. Ведь игра – форма существования человеческой свободы, сфера реализации желаний и воображения, выход за границу необходимости. Игра является свободной реализацией всех творческих сил и способностей человека. «Играть» – значит наслаждаться видимостью и творить нечто идеальное (в сравнении с жизнью) и реальное (в сравнении с продуктом чистого воображения), независимо от того, воплощается ли эта видимость в произведении искусства или существует только в сознании играющего. Игра – творческая способность человека к самостоятельному конструированию субкультуры и себя в ней. В игре каждый участник субкультурного сообщества создает особую символическую реальность, то есть мир «как бы», в котором человек проявляет себя с лучшей, творческой стороны. Но каждый член субкультурного сообщества является не только актором, но и фактором игры. Игра – самоценная деятельность, вовлекающая индивида в свою орбиту как «превосходящая его действительность» (Гадамер). Игра сама становится субъектом, и игроки подчиняются ее правилам и требованиям. «Игра в себе» и «игра в себя» не отделяются друг от друга.

Игра как свободное действие, обладающее собственным временем и пространством, стоящее вне обычной жизни, но полностью овладевающее участниками, реализует слияние реальной жизни и идеала. Игра со смыслами и значениями приводит к появлению особых символов и знаков субкультуры. Игра для молодежной субкультуры не только является ключевой деятельностью, но и определяет способ миропонимания, обуславливает организацию и характер коммуникативного пространства, порождает новые смыслы и практики.

Игра в системе субкультуры представляет собой процесс, в ходе которого происходит развитие отдельных ее элементов, образующих единый габитус. Габитус (*habitus*) – понятие, широко применяемое в разных научных сферах (кристаллография, биология, история, социология, философия). Его применяют для описания как отдельного индивида, так и социальных общностей. Субкультурный габитус – это то, что задает внутреннее строение молодежной субкультуры, это внутренний код субкультуры.

Пожалуй, можно выделить два основных аспекта понимания габитуса. Во-первых, «габитусы – системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики

и представления» [2. С. 102]. Габитусы для П. Бурдые – устойчивые системы когнитивных и мотивирующих структур, они возникают внутри материнской культуры, порождены практиками, схемами, в ней существующими, т. е. через габитус прошлый опыт переходит в настоящее, в частности в молодежные субкультуры. «Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта» в каждой организации, в каждой социальной общности «в форме схем восприятия, мышления и действия более верным способом, чем формальные правила и все явным образом сформированные нормы, дает гарантию постоянства тождества и практик во времени» [Там же. С. 105]. Как молекула ДНК передает генетическую информацию и создает особый организм, так и габитус формирует особое социальное тело – особое сообщество, социальный организм.

Второй смысловой аспект понятия «габитус» выражается термином «социальное тело». Оно характеризует как преобразования биологического организма под влиянием культуры и социума, так и социальные группы, в частности молодежные субкультуры. Габитус молодежной субкультуры, с одной стороны, является продуктом материнской культуры. С другой стороны, как при порождении живого организма нет абсолютной тождественности с порождающим, так и габитус варьируется. Любая молодежная субкультура не тождественна материнской, но является одним из возможных вариантов, порожденных ею.

У каждой молодежной субкультуры свой габитус, своя «структурирующая структура», своя «система диспозиций». Идеалы особым образом отобраны и «примерены». То есть создается собственное социальное тело субкультурной общности, субкультурного организма.

П. Бурдые отмечает, что поколенческие конфликты связаны с различиями габитусов, сформированных в различных условиях существования и различными способами. Концепт «габитус» как методологическая установка позволяет увидеть и отчасти объяснить механизмы формирования молодежных субкультур, единство их опыта, а также программирующее воздействие на мировоззрение, поведение, образ жизни, способы репрезентации субкультурного сообщества.

Итак, габитус с помощью «примеривания» идеалов, существующих в материнской культуре, через игру в примеривание идеалов создает структуру и систему особой молодежной субкультуры, формирует ее социальное тело, хранит в себе всю информацию о целостной молодежной субкультуре как особой возможной вариации материнской культуры.

Все индивиды, участвующие в этой игре, подчиняются ее правилам и схемам, меняют свое индивидуальное тело, становясь клеточкой субкультурного организма.

Понятие габитуса позволяет рассматривать поведение человека, который осуществляет социальную практику, участвует в социальной игре. Следует отметить, что габитус сочетает в себе две противоположные характеристики: свободу и необходимость (или детерминированность). Стратегия поведения участника социальной игры, а также его поступки продиктованы и детерминированы габитусом. Габитус позволяет свободно производить на практике усвоенные схемы восприятия, мысли, коммуникации, действия. Как система схем поведения габитус определяет правила и границы тех социальных игр, в которых участвует индивид. «Понятие *habitus* начинаешь осознавать, погрузившись в иную среду, правила игры которой неизвестны... Социальное распределение вкуса, исходящее из *habitus*, заставляет нас общаться с людьми, имеющими те же эстетические, спортивные или кулинарные вкусы» [5].

В то же время свобода в осуществлении социальной игры также задается габитусом. «Так, музыкант свободно владеет инструментом, футболист – свободно чувствует себя на поле (легко обводит соперника, видит партнера, которому можно отдать пас, и т. д.)» [4]. Поиск нужного решения в той ситуации, когда возни-

кает проблема, подсказывает габитус как «чувство игры». «Так, хороший фехтовальщик парирует неожиданный выпад противника, а хороший математик делает ход, позволяющий решить трудную задачу. Этот адаптивный потенциал габитуса исключительно важен при осуществлении социальной практики» [4]. Хороший игрок всегда легко ориентируется в игровых ситуациях, несмотря на то, что они никогда не повторяются. П. Бурдьё обращается не столько к языковым играм, сколько к телесным практикам. Автор подчеркивает, что роль «чувства игры» является доминирующей по сравнению с эксплицированными описаниями или формальными схемами социальной жизни: «Там, где видели алгебру, нужно видеть танец или гимнастику» [1. С. 112]. Требуемый ход «вписан в тело» участника игры, он делается без размышлений и осмыслений инструкций, поиска альтернатив. Бурдьё определяет габитус как «инкорпорированную социальную игру» и «имманентное игре чувство необходимости» [Там же. С. 99].

Таким образом, мы видим, что габитус и игра являются теми важными факторами, которые образуют молодежную субкультуру. Габитус – внутренний код субкультуры, он действует как структурируемая (посредством мировоззренческой составляющей картины мира, ценностей и идеалов) и структурирующая структура (определяет характер деятельности, связанной с созданием новых социально-культурных практик), позволяет «примерять» идеалы, формируя социальное тело, а также дорабатывать и обновлять старые идеалы, создавать новые. Система устойчивых диспозиций – внутренний порядок социального организма – может быть представлена более определенно. Она включает два основных уровня: высший – мировоззренческий (мифы, картины мира, концепции и т. п.), низший – практический (конкретные виды практик, ритуалы); связь между ними осуществляется функционированием символов в культурном поле игры.

Итак, система устойчивых диспозиций (внутренний порядок) в габитусе складывается из идеалов, ценностей, мировоззрения и картины мира, стиля и образа жизни, являет собой матрицу практической деятельности. Габитус заставляет членов субкультуры мыслить в едином русле и воспроизводить на практике систему идеалов и ценностей. Согласно П. Бурдьё, «нужды, ставшие добродетелью» – условия становления габитуса. Отсутствие устойчивой идентичности, неспособность принять идеалы отцов, поиск себя, творческое самовыражение – все то, что является условиями формирования габитуса молодежной субкультуры.

Габитус как система диспозиций «прошлое–настоящее–будущее» детерминирует механизм трансляции традиций. «Генезис системы практик, заданных одним и тем же габитусом (или гомологическим габитусом, который лежит в основе единства стиля жизни группы или класса), нельзя описать ни как автономное развитие уникальной и самоопределяющейся сущности, ни как постоянное сотворение нового, поскольку практики возникают в результате необходимого, хотя и непредсказуемого столкновения между габитусом и событием, которое может активизировать габитус, только если последний выхватывает событие из непредвиденности случайного и констатирует его как проблему, применяя к ней сами принципы ее решения, а также потому, что габитус, как любой "акт изобретения", обладает способностью порождать бесконечное число практик, относительно непредсказуемых (как и соответствующие ситуации), но в то же время ограниченных в своем многообразии» [3].

Как уже было отмечено, каждая молодежная субкультура соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее – все это «запечатывается» в габитусе молодежной субкультуры. «Первый, нижний слой и, естественно, основу системной матрицы молодежной субкультуры составляют своеобразные «осколки» прошлых схем. Они в своем первоначальном виде уже давно потеряли ценность для новой генерации молодежной субкультуры, но, тем не менее, продолжают воспроизводить

определенные виды общения и поведения молодых людей. Это тот самый слой традиций, или тот самый фундамент, на котором выстраивается все здание молодежной субкультуры того или иного исторического временного интервала. К этому слою относятся многие обычаи, суеверия и приметы, имеющие хождение в субкультуре по сей день, но возникшие еще на начальном этапе молодежной субкультуры...» [6]. Габитус детерминирует механизм трансляции традиций, поскольку традиция – связь прошлого и настоящего, «оживление» прошлого в настоящем и то, что будет жить и не исчезнет; следовательно, то, что отбирается из прошлого, зависит от габитуса. Традиция в ходе своей реализации в различных ситуациях обнаруживает разнообразные способы адаптации к конкретным условиям среды. Традиция в данном случае не принимается в виде абсолютного шаблона, а так или иначе некоторым образом трансформируется в соответствии со сложившимися культурными условиями, а затем транслируется в будущее. Следовательно, и сам габитус активно реагирует на изменение условий внешней среды. Это происходит вследствие того, что условия функционирования габитуса уже не соответствуют тем условиям, в которых он сформировался. Когда габитус разрушается – субкультура исчезает.

Механизм формирования субкультурного габитуса можно рассмотреть на примере субкультуры хиппи, прародителями которой, а также многих других субкультур явились битники. Битники были уникальной группой в истории культуры. Движение возглавляли образованные и талантливые люди, писавшие романы, поэмы и эссе. Но в отличие от битников, жизнь и поведение которых окрашено в мрачные цвета, хиппи имеют совершенно другую, положительную окраску. Хиппи разочаровались в навязываемых им идеалах «общества всеобщего благоденствия», которое, однако, развязывает войны и заставляет молодых людей умирать. Этот отказ отразился на их стремлении вырваться из-под ига цивилизации. Молодые люди, примкнувшие к движению, были уверены, что надо вернуться к забытым традициям предков и вернуть их в свой быт. При этом понятие «традиция» включает в себе широкий смысл. Хиппи обращаются к религии и философии Востока, вводят в свой обиход восточную и «психоделическую» музыку, символику, ритуалы. «Идейной основой субкультуры хиппи были постулаты, заимствованные из таких источников, как Бхагават-гита – квинтэссенция ведической мудрости Индии, ранних работ Маркса, сочинений Фрейда, Конфуция, Лао-цзы, Фромма, Маркузе, Мэмфорда, Швейцера, Маклюэна, трудов участников "Римского клуба", романов Л. Толстого, Т. Манна, Гессе, Роллана, Кафки, Миллера» [8. С. 328–329].

«Следующий (промежуточный) уровень, или слой, матрицы – "настоящее" – обеспечивает воспроизводство форм и видов деятельности, жизненно важных для данного типа молодежной субкультуры иного исторического временного интервала, и определяет его специфику» [6]. Высшими ценностями в субкультурном обществе хиппи становятся пацифизм, гуманизм, свобода, мир, эстетическое наслаждение от созерцания природы и произведений искусства, любовь, согласие с самим собой. «Хиппи стремились достичь гармоничного существования за счет разрыва жестких социальных связей и отношений, которые неизбежно возникают в обществе...» [8. С. 328]. Их идеал воплощается в жизни коммунах в домах, вписывающихся в природу и не вредящих ей, в гармонии людей между собой и с природой. Они выступили в качестве пацифистов, отвергая войну, в частности войну во Вьетнаме. Специфика мировоззрения ярко выражена в программном лозунге: «Делайте любовь и не делайте войну». Мировоззренческий уровень субкультурного габитуса хиппи находит свое отражение в практиках: отказе от привычного комфорта, карьеры, социального статуса, материального благосостояния в пользу «естественных» человеческих взаимоотношений, свободы, возможности жить в

гармонии с природой. Медитация, магия, применение психотропных и наркотических средств – практики, которые позволяли хиппи уйти от мира обыденности и погрузиться в свой мир субкультуры. Практики основывались на следующих принципах: принципе пассивного сосуществования (отказ от участия в политической жизни); передвижения (с целью поиска идеального места пребывания, преодоления пространственных границ, а также расширения границ, обретения нового опыта за счет приема психотропных средств); экспрессивности (игра как основной вид деятельности, «которая является источником радости и изысканного наслаждения, разворачивающегося в бесконечность перманентного творческого процесса, в котором наиболее полно осуществляется раскрытие задатков и способностей человека, заложенных в нем природой и приобретенных в процессе социализации); субъективности и индивидуализма (максимальная реализация личностного начала – основа для выбора жизненного пути).

«Третий (верхний) уровень, или слой, матрицы – "будущее" – прорастает из слоев "настоящего" и "прошлого". В нем вырабатываются матрицы будущих форм, видов поведения и деятельности субкультурной молодежи, соответствующих предполагаемым будущим ступеням социокультурного развития. К элементам подобных матриц относятся идеалы будущего социального устройства, нравственные принципы, разрабатываемые в рамках субкультуры и часто опережающие свое время, эстетические нормы и т. д.» [6]. Таким образом, хиппи создали идеологию «детей-цветов», оригинальную литературу и музыку, выработали свой язык, который также вобрал в себя ряд уже существующих сленговых выражений, а также множество вербальных текстов, созданных непосредственно в субкультурном обществе хиппи. Хиппи выработали свой стиль в декоративно-прикладном искусстве, благодаря им получили широкое распространение плетение бисером, фенечки, плетение из лозы и кожи, резьба по дереву и т. д. «Хиппи стояли у истоков ежегодного рок-фестиваля рок-музыки в городе Вудстоке (США), на который и сегодня собираются десятки молодых людей из множества стран, не желающих принять "правила игры", предлагаемые буржуазным обществом, стремящихся к самопознанию и душевной гармонии» [8. С. 330–331]. Субкультура хиппи оказала существенное влияние на культуру общества в целом. Стиль хиппи остается популярным и в настоящее время: джинсы, холщовые сумки, длинные волосы и т. д. Говоря о новых социально-культурных практиках хиппи, нельзя игнорировать новые формы социальности, которые были созданы этой субкультурой. В частности, такую общность, как «коммунитас» [7] – особый способ жизни общины, где отсутствует социальная иерархия и четкое распределение ролей и статусов, где индивидуальное не противостоит и не растворяется в надындивидуально-принудительном социуме. В своем общении хиппи делали «упор не на социальные обязанности, а на личные отношения» [Там же. С. 185]. Из специфики «коммунитас» вытекали и новые способы организации семьи, воспитания детей.

Габитус задает прочные связи внутри субкультуры. Габитусы являются «знаками различия», которые позволяют отделить одну субкультуру от другой. Многообразие молодежных субкультур, многообразие субкультурных игр обусловлено различными субкультурными габитусами. Как уже отмечалось, габитус молодежной субкультуры имеет двухуровневую структуру. Верхний уровень представлен совокупностью мировоззренческих оснований, нижний – социально-культурными практиками. Габитус – устойчивый принцип производства новых социально-культурных практик. Человек в рамках габитуса – «духовный автомат». Габитус – основа молодежной субкультуры, игра – процесс, в ходе которого происходит становление и развитие ее проявлений, процесс перехода от мировоззренческого уровня к практическому и, наоборот, от практического к мировоззренческому. Развитие всех элементов субкультурного габитуса, переход от одно-

го уровня к другому происходят в культурном поле игры. Игра является собой вид социального взаимодействия. Игра, с одной стороны, определяет способ понимания бытия, с другой стороны, игра, как практическая деятельность, направлена на создание самодостаточного мира, иной «идеальной» знаково-символической реальности. Игра как свободная творческая активность реализует слияние реальной жизни и идеала. Игра как специфический вид человеческой деятельности обнаруживает себя на всех этапах формирования молодежной субкультуры: театрализация, создание иллюзий, элементы свободы и т. д. Создавая мир субкультурной игры, сообщество продуцирует ценности, идеалы, мировоззрение и картину мира, а также новые социально-культурные практики, алгоритмы творческой деятельности. В молодежной субкультуре обнаруживают себя все композиционные элементы игры: миф как основа сюжета игры, участники – представители молодежной субкультуры, правила – ритуалы и практики, игрушки – знаки-артефакты. В итоге формируется особый образ жизни, особый стиль, особые практики, особое социальное тело. «Одна из функций понятия "габитус" состоит в указании на единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов... Габитус – это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т. е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» [9]. Каждый человек, решивший стать участником той или иной молодежной субкультуры, зачастую невольно трансформирует и достраивает свои телесные признаки таким образом, чтобы соответствовать «социальному телу» субкультуры, а затем превращается в «ячейку» социального тела субкультуры, приметам которой могут быть: ирокез у панков, танцевальные практики хип-хоп культуры, макияж готы и т. д.

Итак, габитус – структурируемая посредством доминирующей материнской культуры структура. Те тенденции, «зачатки», которые имеют место в доминирующей культуре, накладывают свой отпечаток на габитус молодежной субкультуры. Габитус как система диспозиций «прошлое–настоящее–будущее» выступает как механизм трансляции традиций. Как структурирующая структура габитус проявляет себя по отношению к самой субкультурной общности: определяет мировоззрение и практики индивидов, включенных в ту или иную молодежную субкультуру. Как социальное тело габитус представляет собой молодежную субкультуру как специфический социальный организм, заставляющий индивида менять свой телесный образ и свой стиль жизни. Молодежная субкультура как игра в примеривание и производство идеалов – процесс формирования/сохранения габитуса и особое поле культурных практик, порождаемых габитусом.

Литература

1. Бурдые П. Начала : сборник : пер. с фр. – М. : Socio-Logos : Адапт, 1994. – 287 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. : А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейа, 2001. – 562 с. – Серия : Gallicinium.
3. Бурдые П. Структуры, habitus, практики. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politizdat.ru/article/23/>
4. Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia4/gutner/gutner.htm>
5. Дедюлина М. А., Папченко Е. В. Современные западноевропейские культурологические концепции : учеб. пособие. – Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2007. – 64 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://mmedia0.cc.rsu.ru/www/umr.umr_download? p_umr_id=20645
6. Левикова С. И. Динамическая модель молодежной субкультуры // Международный исторический журнал. – 2002. – № 19. [Электронный ресурс]. – URL: http://history.machaon.ru/all/number_19/analiti4/levikova/index.html

7. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис. – М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 277 с. с ил. («Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

8. Шендрик А. И. Социология культуры : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Социология» и «Социальная антропология». – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 495 с. – Серия : Cogito ergo sum.

9. Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 2. – Т. 1. – С. 60–70. [Электронный ресурс] – URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii>

УДК 394.2

Филатова Екатерина Александровна

помощник ректора по воспитательной работе,
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: pomrekt@yandex.ru

Filatova Ekaterina Aleksandrovna

LAU Rector's Assistant on Educational Work,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

КОДЫ ПРАЗДНИЧНОГО РИТУАЛА

FESTIVE RITUAL CODES

Аннотация

В статье рассматриваются план содержания и план выражения праздничного ритуала. Главное место занимают коды праздничного ритуала (событийно-акциональный, коммуникативный, ролевой, пространственно-временной, музыкально-звуковой, цвето-световой, декоративно-оформительский, пластико-ритмический, атрибутный, кулинарный, игровой, эмоциональный), образующие план выражения праздника. Композиционная расположенность кодов ориентирована на передачу сакральных смыслов праздничного ритуала.

Ключевые слова: событийно-акциональный код; коммуникативный код; ролевой код; пространственно-временной код; музыкально-звуковой код; цвето-световой код; декоративно-оформительский код; пластико-ритмический код; атрибутный код; кулинарный код; игровой код; эмоциональный код.

Abstract

The paper dwells upon the festive ritual content and its manifestations. The chief place belongs to festive ritual codes (event-actionable, communicative, role, time and space, musical and sound, color and light, decorative and artistic, plastic and rhythmic, attribute, culinary, game and emotional), which shape expressive manifestations of a festival. Composition of the codes is designed for transferring festive ritual sacral meanings.

Keywords: event-actionable code; communicative code; role code; time and space code; musical and sound code; color and light code; decorative and artistic code; plastic and rhythmic code; attribute code; culinary code; game code; emotional code.

Праздник – явление сложное, исторически изменчивое, многослойное. Он постоянный элемент человеческой культуры, характерный для всех исторических эпох и всех народов земли, на каком бы культурном уровне они ни находились. Следы праздников известны с древнейших времен, так как праздник возникает в символическом пространстве ритуала. Примером могут служить праздники, посвященные культу животных. Пространство ритуала в архаичной культуре выражает сферу сакрального. Ритуалы, не преследовавшие утилитарно-практической цели, представляли собой праздничные ритуалы.

Ритуал в празднике имеет организующее и регулятивное значение и в то же время дает возможность участникам празднества проявить свои творческие способности, реализовать потребности самовыражения [8].

«Ритуал – это каркас внутренней структуры праздника, это то, что нельзя игнорировать, поскольку ментальное поле праздничного пространства не может существовать без привязки к предметам реальности. Невозможно создание коммуникативно-смыслового континуума без синхронизации и объективации праздничной идеи» [2].

Как объективное пространство праздника ритуал предоставляет возможность трансформировать семиотический статус повседневных предметов, а также действий, благодаря чему становится возможной реализация праздника как смыслового

континуума. Кроме того, представляется невозможным создание коммуникативно-смыслового континуума без объективизации праздничной *идеи*. Тем не менее праздник не исчерпывается ритуалом, соблюдение формальной ритуальной структуры праздника не всегда вызывает у его участников праздничное мироощущение и эмоциональный отклик. Ритуал можно признать формой существования праздничной идеи, с помощью чего она может осуществляться как смысловой континуум; необходимой материально-знаковой основой; реализуемых ментальных процессов праздника [2].

План содержания и план выражения являются ведущими планами праздничного ритуала. План содержания включает основные идеи праздничного ритуала.

Так, большой пласт праздников содержательно в ритуале выражает идею обновления мира.

Фундаментальная идея – обновление мира через повторение космогонии – несомненно, является древнейшей, доземледельческой. Она встречается, с неизбежными вариациями, у австралийцев и у многочисленных североамериканских народов. У древних земледельцев мифоритуальный сценарий Нового года включает в себя возвращение мертвых, и аналогичные ритуалы встречаются в Древней Греции, у древних германцев, в Японии и т. д. Важно отметить, что переживание космического времени, особенно в контексте земледельческих работ, породило, в конце концов, идею *кругового времени* и *космического цикла*. Поскольку мир и человеческая жизнь аксиологически осмысляются в терминах растительной жизни, постольку космический цикл осознается как бесконечное повторение одного и того же ритма: рождение, смерть, возрождение [11. С. 45–55].

Периодический возврат не только к событиям прошлого, но и к сакральному вызывает у человека повтор эмоционального потрясения, возрождает в нем уже когда-то пережитые эмоции. Эти эмоции как будто заново помогают обновить мир, несмотря на то что последовательность действий сохраняется. Обновление мира происходит за счет ритуального повторения, однако этот процесс по характеру не радикален, так как по сути своей является не сотворением новой формы, а обновлением старой [3. С. 168]. Обновление мира происходит благодаря усилиям человека, с помощью различных символов и совместных действий участников.

Структуру праздничного ритуала образует план выражения, т. е. различные коды, которые воплощают сакральные смыслы действия. Понятие «код», широко используется в семиотике и этнографии. «Гермин "код" представляет собой некую искусственно созданную структуру, введенную определенной договоренностью. Код заведомо ориентирует нас на искусственно созданный язык, который и должен стать идеальной общепринятой моделью языка. "Язык" же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [6. С. 15].

Кроме того, «код – это модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [10. С. 65].

При передаче сообщения с помощью кодов важно учитывать, чтобы у сообщаемого и принимающим сообщение человеком была единая система кодирования, иначе человек, получающий сообщение, будет трактовать его по-своему. Таким образом потеряется первичный смысл сообщения.

Композиционная расположенность кодов ориентирована на передачу сакральных смыслов праздничного ритуала. В зависимости от комбинации кодов формируется то или иное передаваемое сообщение. Тем не менее праздничный ритуал имеет достаточно устойчивый, определенный набор кодов.

К числу кодов праздничного ритуала мы относим: событийно-акциональный код, коммуникативный код, ролевой код, пространственно-временной код, музы-

кально-звуковой код, цвето-световой код, декоративно-оформительский код, пластико-ритмический код, атрибутный код, кулинарный код, игровой код, эмоциональный код.

Осуществляя параллельно передачу сообщений, эти коды способны обеспечить праздничному ритуалу некую защиту, прочность существования, сохраняя его эффективность при реализации.

Однако в соотношении кодов праздничного ритуала не может торжествовать «равенство» кодов, это неизбежно вело бы к хаотичной организации, как и в музыке, при всей полифоничности оркестра, выделяются главные, стержневые, ведущие инструменты. В иерархии кодов главное значение среди всех символических языков, на наш взгляд, приобретает событийно-акциональный, что обусловлено самой сущностью праздника. Именно он определяет суть праздничного ритуала. Все остальные коды будут выходить на первый план в зависимости от особенностей самого праздничного события.

Таким образом, ритуал, в том числе и праздничный, рассматривается как упорядоченная система действий, которой свойственны определенные структурные признаки: план содержания и план выражения [4].

Событийно-акциональным кодом праздничного ритуала является совокупность, чередование действий, совершаемых участниками праздника, в рамках основополагающего события.

Участники, зрители праздничного ритуала объединяются в **ролевой код**. Каждый проигрывает свою роль, реализует свое предназначение в празднике, будь то жрица, или Снегурочка, или Царь, или просто участник игровых соревнований, или просто зритель, и т. п. Участник праздника совмещает в себе обе ипостаси – исполнителя и зрителя. На образ, созданный автором, накладывает отпечаток его личная жизненная позиция. Тем не менее актер-зритель не просто «примеряет» эту роль на себя, он дает собственную оценку образу. Он является таким же автором образа, как и художественный автор. Актер-зритель далек от созерцателя, он и есть творец.

Большое значение в данном случае имеет модератор, выполняющий в праздничном ритуале роль ведущего. Они являются некими каналами коммуникации между разными мирами, осуществляют связь разных миров, полюсов «своего» и «чужого». Именно они поддерживают гармоничное состояние мироздания. «Модератор», по К. Леви-Строссу, есть элемент, который соединяет разные звенья оппозиций (живое – неживое и т. п.). В праздничном ритуале функция модераторов осуществляется ведущими [5. С. 228]. В современном мире эту функцию выполняют актеры, художники, музыканты, политические деятели и т. д.

Пространственно-временной код обозначает границы времени и пространства праздничного ритуала. Локусы действий образуют пространство праздничного ритуала. В мифологии пространство организовано по принципу противопоставления: «свой» мир – «космос», «чужой» – «хаос». «Чужой» мир или, как его еще называют, «иной» мир связан не только с хаосом, но и со смертью. Эта концептуальная система восприятия пространства определяет роль мифологических границ, например зимы, леса, реки и т. д. Вторая система восприятия пространства – топографическая. Она связана с границами, с которыми человек сталкивается физически: дверь, окно, порог и т. д. Границы в ритуале могут быть взаимозаменяемы [7. С. 91–92].

В праздничном ритуале важное значение приобретают граничные пространственные территориальные символы – дом, дворец, дорога, которые символически означают переход от профанного уровня бытия к сакральному.

С противопоставлением сакрального и профанного связано время праздничного ритуала. В любом общепринятом мифе событие есть проявление начального

времени. В самых примитивных мифологических представлениях имеет значение разделение периодов: современного и мифологического. Все, что связано с эпохой первотворения (первые предметы: первый огонь, первая посуда, первый охотничий нож и т. д.; первые поступки), – относится к мифологическому времени, к тому периоду, когда все было по-другому. Все события и действия, происходившие в период «первоначального времени», являлись неким образцом и рекомендациями для дальнейшего воспроизведения, так как воспринимались на уровне парадигмы. М. Элиаде в основу определения «сакрального» и «профанного» времени современных и архаичных систем мировосприятия прежде всего вкладывает различия, связанные с пониманием времени. В любом обществе время делится на сакральное и профанное. Сакральное время – это особое время, мифическое, время начала. Оно связано с космосом, с ритмами природы. Они являются циклическими и обратимыми. Поэтому для архаичного человека стоят на первом месте. Профанное же время – время обыденности, повседневности, связь с историей. История всегда линейна и необратима» [12. С. 208].

Циклическая модель мира, являвшаяся ведущей в представлениях древнего человека, была истолкована Ю. М. Лотманом как первый этап борьбы с идеей конца мира. Непрерывность бытия с разрывами сознания нуждается в примирении, а вечное бытие природы в оппозиции смерти человека породило идею цикличности, стимулировав образ «смерти-возрождения» линейным сознанием. В ситуации кризиса, в момент стыка старого и нового года, соединяясь воедино в определенной пространственной точке, уже утратив имеющуюся структуру, пространство и время вновь возрождаются. Точкой пространственно-временного возрождения является праздник, само «возрождение» осуществляется благодаря проведению различных ритуалов.

Праздник возвращает его участников «в начало», повторяя ситуацию обновления снова и снова. Из Хаоса во время проведения праздничного ритуала рождается совершенный Космос. Действия участников в начале проведения ритуала противоречат привычным нормам поведения, таким образом моделируется Хаос. Участники как бы отрицают существующий статус всего Старого и ожидают обновленное Новое. Далее, в процессе разделения частей Космоса и Хаоса, через семантическое противопоставление восстанавливается бытие Космоса. Рождается новый идеальный мир, полный надежд на лучшее будущее [4].

Атрибутный код всякого праздничного ритуала образуют символические объекты, которые используют участники в момент его проведения.

Особенность формирования этого кода заключается в том, что любая вещь (специально изготовленная или бытовая) в пространстве праздничного ритуала будет обладать символическими свойствами. Такие вещи используются как знаки.

Такие особые предметы, информация с которых считывается визуально, обладают особыми сакральными свойствами (веточки вербы, чучело Масленицы, новогодняя елка с украшениями, святая вода и т. д.). Появление таких атрибутов в празднике обуславливает кульминационный момент, он становится возможным именно благодаря появлению этого предмета [2]. Реализация смыслов праздника осуществляется взаимодействием его участников с этими символами, которые структурируют ритуальную целостность. Одним из ярких примеров этого процесса является акт посвящения кого-либо. Ритуал посвящения проводится обязательно с использованием знаковых атрибутов (клятва рыцаря на мече). Кроме кульминационного момента, непосредственно клятвы или какого-либо другого действия, ритуал включает подготовку посвящаемого и самого знака к процессу посвящения, а также радостное ликование по поводу успешного завершения церемонии.

Есть в праздничном ритуале и свой **коммуникативный код**. Вербальная его составляющая – это различные тексты, которые произносятся участниками празд-

ничного ритуала. К текстам мы можем отнести клятвы и девизы (индивидуальные и массовые), слоганы, символические фразы, стихотворные вариации и т. д. – всё то, что произносят участники действия. Особенность произносимых текстов заключается в том, что они обязательно связаны с объектами и субъектами, фигурируя в праздничном ритуале, они наделяются магическим значением. Невербальная составляющая коммуникативного кода – характерные жесты, мимика участников праздничного действия, имеющие сакральное значение.

Наличие в праздничном ритуале *звуко-музыкального кода* (пение со словами и без них, исполнение произведений на музыкальных инструментах, воспроизведение немusикальных звуков, все, что можно воспринимать слухом и что имеет сакральное значение) обусловлено соединением музыки со сферой сакрального в различных вариациях представлений о мире. Близость мифологии с музыкой отмечают такие исследователи мифов, как К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, О. М. Фрейдбергер и др. Звуки, обретающие ритмическую основу, рождают инструментальную музыку и пение. Пение является одним из важнейших элементов праздничного ритуала. Характер песни или произносимые в определенной последовательности звуки зависят от специфики праздничного ритуала. Кроме того, молчание, отсутствие звуков тоже является символическим. У некоторых народов молчание означает принадлежность к загробному миру, миру мертвых, наиболее ярко это демонстрируют обряды инициации. Сакральная значимость музыкального выражения ритуала в архаичную эпоху была наиболее выразительна, так как существовали запреты на игру на музыкальном инструменте в период, не связанный с праздником. Согласно мифологическим представлениям, использование музыкальных инструментов совместно с поэтическими текстами являлось обязательным. Оно составляло содержательную основу праздничных ритуалов: при необходимости оказывало воздействие на праздничный хрономос магии звука или объявляло запрет на таковой. Звуки разного рода разграничивают праздничное пространство в смысловом контексте, помогая человеку ориентироваться при «контакте» с высшими силами (сакральное – профанное, жизнь – смерть и т. п.) [4].

Музыка имеет уникальные возможности. Благодаря им, она проникает в самую глубину человеческой души. Через музыку передаются определенные чувства, настроение, выражается праздничная идея. Музыка способна поддерживать целостность ритуальной структуры.

Декоративно-оформительский код вызван в праздничном ритуале убежденностью в значимости изображений предметов или явлений, дополняющих звукозрительный ряд праздничного существования, его символики, создающих целостное единство праздничного мироощущения. Декоративно-оформительский код составляют разного рода символы (значение которых воспринимается всеми участниками одинаково, например Георгиевская лента), фиксирующие сакральный смысл определенного праздничного ритуального действия.

Пластико-ритмический код выражается хореографическим наполнением. Хореография и пластика обязательно сопровождаются музыкальными средствами выразительности, которые оформляют символическо-коммуникативное пространство праздника. Благодаря пластике и хореографии участники праздника получают возможность самовыражения.

В своем ритуальном значении любой танец является магическим, несущим в себе сакральные смыслы. Семантику танца раскрывают непосредственно сами жесты исполнителей, костюмы и маски, темпоритм и характер движений. Эта структурная единица ритуала, как никакая другая, демонстрирует выразительную мощь человеческого тела.

Кулинарный код всегда был и остается элементом, структурирующим материально-знаковое пространство праздничного ритуала. Магические функции трапе-

зы в празднике выражаются через символику пищи. Принятие пищи есть совместная трапеза, процесс, в котором объединяются только кровно и (или) духовно близкие люди. В период совместной трапезы возможно не только поедание жертвы и ее уничтожение. Процесс употребления пищи может носить эротический семантический оттенок.

Приобретение символичности пищи возможно за счет семантической нагрузки числа: на праздничном столе, например, присутствуют три одинаковых блюда или, наоборот, семь совершенно разных блюд. Пища, приготовленная на основе зерновых культур (например, злаки), несет в себе символическое значение будущей жизни. К той же категории пищи можно отнести семена, горох, орехи и т. п. Отголоски их магической функции можно увидеть в свадебном обряде. При прохождении женихом и невестой особого свадебного пространства, коридора, который образуется из числа гостей, их осыпают зерном, желая тем самым новоиспеченной семье материального достатка и рождения в скором времени детей. В некоторых праздниках главным символом может выступать не только отдельный продукт (пасхальное яйцо), но и готовое блюдо [2]. Одним из ярких проявлений этой традиции является торт со свечами на день рождения. Он выражает главную праздничную идею, радость от происходящего события, всяческое изобилие в жизни именинника, долголетие и процветание его. Количество свечей отражает непосредственно хронологический аспект празднования, раскрывая период роста, взросления, расцвета, полноты жизни или богатого опыта именинника. Кроме того, с тортом связано еще одно очень важное ритуальное действие. Именинник должен загадать самое заветное желание и задуть свечи. Таким своеобразным способом реализуется функция обновления жизни данного конкретного человека.

Цветовая-световая код свидетельствует о преобладании, предпочтении той или иной цветовой гаммы праздника, одежды ее участников (белый у невесты на свадьбе, черный на похоронах у родственников и т. п.), а также о включенности «света – тьмы» в ритуальный контекст праздника (свет свечи, пламя костра, свет солнечного дня, подсветка в процессе праздничного действия, происходящего на сцене, и т. п.).

Эмоциональный код праздничного ритуала отражает преобладающие эмоции праздника, способствует формированию праздничного мироощущения, благостного мировосприятия. Эмоциональный подъем участников праздника регулируется праздничным ритуалом. Он способен его контролировать, повышать или понижать по мере необходимости. Эмоциональные переживания в празднике способны помочь человеку пережить не только кризисные моменты жизни общества, но и личные трудности. Наиболее яркое эмоциональное проявление человека в празднике – смех.

Смех как элемент праздника присутствовал еще со времен архаичного ритуала. Он наделял смех жизнотворной семантикой (способы создания и воссоздания жизни). Смех в празднике стирал границы между участниками, объединял их в едином эмоциональном подъеме.

Кроме того, в период праздничного хаоса (кульминация), когда возникает «необходимость» воссоздания порядка на земле, именно смех способен структурировать и привести в привычный ритм социальный и природный космос.

А. Бергсон говорит, что смех является не только областью чистой эстетики, так как преследует своего рода полезную цель общего совершенствования [1. С. 21]. Праздничный смех обновляет внутреннюю природу человека. Он как бы становится добрее, ласковее, веселее. Он создает единое социальное поле равных друг другу людей. Таким образом формируется единая общественная положительная оценка происходящего действия.

Если в архаичном ритуале смех является не комичным проявлением, то в праздничном носит исключительно положительный характер, так как бытие карнавального хаоса всегда комично. Карнавальный смех возвышается над идеалом, он видит и замечает погрешности, он акцентирует на них внимание, он разрешает и «заставляет» смеяться над собой. Ф. В. Шеллинг говорит: «Всякая имитация абсолютности и претензия на нее есть состояние неестественное» [9. С. 509]. Наиболее яркое проявление смеховой культуры наблюдается в средневековом карнавале.

Игровой код праздничного ритуала состоит в том, что праздник, являясь альтернативной формой выражения отношения к миру, основывается на игровых принципах. Праздник, как определенная сфера жизнедеятельности человека, организует свое игровое бытие, в котором свобода – это экзистенциально значимое состояние человека. Организованная специальным образом реальность праздничного ритуала позволяет его участникам прожить несколько жизней, насладиться собственным эмоциональным состоянием удовольствия, прочувствовать различный опыт, который отсутствует в повседневной жизни, перенестись в мир идеалов и смыслов. Символично-игровое пространство праздника позволяет смоделировать способ, благодаря которому становится возможным обретение человеком идеала, его самовозвышение и оценка происходящего события [2].

Игровым кодом является конкретное проявление игры в конкретном празднике: распределение ролей между участниками, их ролевое взаимодействие, непосредственное исполнение этих ролей. От выполнения этих условий будет зависеть «серьезность» игры, а следовательно, достижение результата.

Система кодирования многослойна. Каждый перечисленный код включает в себя еще несколько кодов, можно их обозначить кодами второго уровня. Например, декоративно-оформительский код (первого уровня) включает в себя такие коды второго уровня, как код формы, код цвета, код материала. А звуко-музыкальный код включает в себя код темпоритма, код силы звука, код тональности и т. д. Внутри каждого выделенного нами кода есть своя кодовая система, позволяющая более точно передать желаемую информацию. В задачи организаторов праздника входит правильное и грамотное использование кодов для передачи точной информации празднующим. Нарушая или коверкая кодовую систему праздника, организатор разрушает саму сущность праздника.

Перечисленные коды праздничного ритуала остаются неизменными и в современных праздниках («псевдопраздниках»). Как мы уже сказали выше, событийно-акциональный код – это структурообразующий элемент праздников и «псевдопраздников», вокруг которого формируются все остальные, в его основе лежит событие или «псевдособытие», которое раскрывается посредством определенного ряда действий. Например, пространственно-временной код выделяет место и продолжительность «жизни» праздника, при выборе нет правил и обязательных условий, выделенное пространство само будет формировать правила, оно помогает прочувствовать значимость и смысл события; время же не просто ограничивает праздничную жизнь, оно ориентирует человека по продолжительности «выпадения» из повседневной жизни. Ролевой код: все участники праздничного ритуала персонифицированы, это, прежде всего, связано с ритуальной основой, в ритуале у каждого своя роль и свое предназначение, в современном празднике даже у зрителя есть свое предназначение и обязанности, что и делает зрителя участником. Атрибутный код: символическое выражение праздничного ритуала, мифология традиционного праздника сама формирует набор атрибутов, что же касается современного «псевдопраздника», то атрибуты выполняют функцию демонстрации, они, безусловно, несут свою смысловую нагрузку, но это совершенно не означает, что смыслы являются общепризнанными, наоборот, они как раз раскрываются в самый момент празднования. Эмоциональный код: отсутствие эмоциональной

приверженности участников к событию или к «псевдособытию» (а это определяется «здесь и сейчас», в момент демонстрации «псевдособытия») «убивает» праздничный ритуал, эмоциональное единство необходимо праздничному ритуалу. Игровой код позволяет развиваться действию в рамках заданных правил, не обременяя участников серьезностью. Все действие приобретает игровой характер. Остальные коды, такие как коммуникативный, звуко-музыкальный, декорационно-оформительский, пластико-ритмический, цвето-световой, кулинарный, будут выходить на первый план в зависимости, как уже было отмечено выше, от особенностей праздничного события. Они способны наиболее ярко и эмоционально раскрыть праздничное событие, «псевдособытие», хотя отсутствие некоторых из них не повлияет на жизненную способность того и другого праздничного ритуала.

Итак, структуру праздничного ритуала образуют коды, главенствующая роль которых определяется непосредственно праздничным событием. Благодаря кодам праздничного ритуала осуществляется передача информации участникам праздника, очерчиваются границы и условности возможного празднования.

Литература

1. Бергсон А. Смех. – М. : Искусство, 1992. – 122 с.
2. Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Томск, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0098/070098041.pdf>
3. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М. : Радикс, 1993. – 344 с.
4. Калужникова Е. А. Паломничество как ритуал (сущность и культурно-исторические типы) : дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01. – Екатеринбург, 2007. – 167 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.disserr.com/contents/165343.html>
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. с фр., вступ. ст. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с. – (Мыслители XX в.).
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
7. Славянская мифология : энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
8. Тихомирова С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. – М., 2008. – 186 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.disserr.com/contents/285671.html>
9. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / под общ. ред. П. С. Попова. – М. : Мысль, 1999. – 608 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа : пер. с франц. – М. : Академический Проект, 2000. – 222 с. – («Концепции»).
12. Элиаде М. Космос и история. – М. : Прогресс, 1987. – 312 с.

УДК 712.25

Шайгарданова Наталья Леонидовна

помощник проректоров
по научной и учебной работе,
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: natali-9@inbox.ru

Shaigardanova Natalya Leonidovna

LAU Vice-Rector's on Research
and Development Personal Assistant,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**СПЕЦИФИКА И СМЫСЛЫ
ПАРКА КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА**

**PECULIARITIES AND MEANING
OF PARK OF CULTURE AND REST**

Аннотация

В статье рассматривается парк культуры и отдыха как пространство выражения смыслов, существующих на разных уровнях культуры: общемировом (специфика парка как феномена культуры), цивилизационном (особенности восточных и западных парков как двух полюсов, которые оказывают влияние на формирование русского парка) и национальном. Учитываются также базовые смыслы, характерные для разных периодов, прежде всего советского и постсоветского.

Ключевые слова: парк; восточный сад; западный парк; русский парк; советский парк; парк культуры и отдыха; пространство; место; смысл; ценности; идеалы.

Abstract

The article presents the Park of culture and rest as the space of expressing the meanings existing at the different levels of culture: global (specific of the Park as a cultural phenomenon), the civilizational (especially Eastern and Western parks as two poles making an impact on the formation of the Russian park) and national. The basic meanings of different periods (especially Soviet and post-Soviet) are also taken into consideration.

Keywords: Park; East Garden; West Park; Russian Park; Soviet Park; Park of culture and rest; a space; a place; values; ideals.

Прежде чем говорить о специфике современного парка культуры и отдыха, необходимо выявить сущность парка как феномена культуры, определить место, которое занимает советский парк в общей системе садов и парков.

История появления садов и парков теряется в глубокой древности, а их количество бесчисленно. Великолепные произведения садово-паркового искусства создавали люди, жившие в разные эпохи и на разных территориях. Каждый сад или парк, будучи уникальным, заключал в себе общий смысл места единства человека, природы, ценностей и идеалов. Неповторимость садов и парков обусловлена различиями в понимании триединства социального, материального и духовного, существующего в разных культурах с неодинаковыми природно-климатическими условиями и духовными основаниями.

«Так, для садов Восточной цивилизации характерны плавные линии и естественные природные формы: ограда, повторяющая форму ландшафта; извилистые тропинки аллей; свободно текущие ручьи и речки; неровные берега озер; естественно растущие деревья; плавные линии и сдержанные цвета садовой архитектуры. В организации садовых пространств Восточной цивилизации отражается приоритет природы над разумом человека. Человек не стремится подчинить природу своей воле, а следует за ней, учится у нее. Восточные сады располагают к созерцанию природы, погружению в нее, поиску ответов на жизненные вопросы.

Совсем иной образ сада-парка в Западной цивилизации: прямые линии аллей и площадей, геометричные формы цветников и бассейнов, стриженные деревья, яркие акценты, расставленные посредством садовой архитектуры и скульптуры. Западные парки провозглашают торжество человеческого разума над пассивным природным материалом и утверждают вектор действия, развития и прогресса. Человек Западной цивилизации приходит в парк, прежде всего, гулять, ему чуждо неподвижное созерцание Востока. Большие пространства, длинные аллеи, часто сменяющиеся виды располагают к длительным развлекательным прогулкам. Природа важна постольку, поскольку способна принести практическую пользу гуляющему, например дать возможность подышать свежим воздухом, полезным для здоровья.

Русская культура – пространство встречи двух цивилизаций, Востока и Запада, где проявляется и противостояние, и взаимодействие, и взаимообогащение. Русские сады и парки – пространство диалога, гармоничного соединения двух противоположностей. В качестве примера можно привести приусадебный тип русского сада. Типичный провинциальный приусадебный парк XVIII–XIX вв. представлял собой пространство, одна часть которого (примыкающая к дому) имела черты регулярного парка (соотносимых с ценностями Западной цивилизации), другая – отдаленная – часть отличалась естественностью форм и линий (соотносимыми с ценностями Восточной цивилизации). В регулярной части разбивались цветники и устраивались фонтаны, в отдалении же прямые аллеи переходили в тропинки, уходящие в прилегающие поля и леса. Но русский сад-парк это не просто соседство двух пространств, характеризующих два разных мира, это место, в котором Восток соединяется с Западом и рождается совершенно иное качество, отражающееся в основных элементах парковой структуры: ограде, аллеях и насаждениях.

Ограда русского приусадебного парка не прямая и ровная (Запад) и не повторяющая форму ландшафта (Восток), она где-то прямая, где-то извивается, где-то прерывается вовсе и не замыкается, в ней кроме специальных входов всегда можно найти ряд дополнительных способов проникновения, образованных покосившимся до земли забором, прорехой или незавершенностью. Ограда западных парков защищает человека от хаоса природы. Ограда восточных садов защищает природу от гордыни человека. Ограда русского сада-парка не служит препятствием ни для людей, ни для природы. Пространство русского сада открыто внешнему миру.

Дорожки в русском приусадебном парке и прямые (Запад) и извилистые (Восток) одновременно. Но только в западных парках аллеи прямые как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях, в восточных садах – извиваются вправо-влево, вверх-вниз, а в русских – прямые в горизонтальной плоскости и извиваются многочисленными кочками и ямами – в вертикальной. Путь человека цивилизации Запада – путь разума, практичного и прагматичного освоения мира. Путь человека Восточной цивилизации – путь чувственного постижения природы. Путь русского человека сложен и противоречив, поскольку связан со стремлением рационализировать чувства и наполнить чувствами рацию.

Деревья в русском приусадебном парке высажены по прямой линии вдоль аллей, нередко по кругу (Запад), но при этом сами деревья не подстригаются (Восток). Цветы в русских парках сажают в клумбы геометрических форм (Запад), но в одной клумбе уживаются самые разные цветы: и тюльпаны, и ромашки (Восток). В Западных парках подстриженные, расположенные в геометрическом порядке деревья и аккуратные узоры цветочных клумб выражают стремление подчинить природу идеям человека. В Восточных садах естественно растущие группы деревьев, живописные цветочные поляны гармонизируют чувства и усмиряют разум человека. Природа русского сада напоминает человеку о том, что он

должен действовать рационально, следовать закону, но при этом не забывать о сострадании и любви к окружающему миру и другим людям» [1. С. 444–446].

Смыслы культуры заданы не только особенностями пространства, на котором она разворачивается, но и особенностями времени. Для каждой эпохи характерны свои ценностно-смысловые ориентиры, и это проявляется в устройстве садов и парков.

Например, в период европейского Средневековья возник тип монастырского сада, устраиваемого во внутреннем дворе и олицетворяющего Рай. Закрытый, уединенный, наполненный религиозной символикой, он был порождением своего времени. Мировоззренческие ориентиры эпохи Возрождения были выражены в регулярных парках XVI–XVII вв. Их большие открытые пространства с геометрической планировкой словно открывали бескрайний мир перед человеком и завораживали идеей подчинения природного материала его воле. Пейзажные парки XVIII–XIX вв. появились в Новое время, когда идеи либерализма стали популярны в Европе. Идеалы свободы выражались в парковом пространстве через создание эффекта природной естественности. Произошел отказ от стрижки деревьев, от геометрических форм, от фонтанов и т. д. Развитие индустриализации, капитализация, формирование массового общества в конце XIX – начале XX в. стали основой для появления нового типа городского (пригородного) парка развлечений, предлагающего доступный отдых для широких масс.

В русской культуре, начиная с X века, сады и парки развивались с ориентацией на европейский опыт. С существенным опозданием, обусловленным огромной территорией страны и необходимостью постоянного примирения ценностей Востока и Запада, история садов и парков в России преодолевала этапы, характерные для европейской парковой культуры.

XX век стал временем, когда в русской культуре произошел отказ от пути развития капиталистического общества, которому следовали Европа и США, в пользу идеалов коммунизма. Советские ценности нашли выражение в пространстве нового типа городского парка культуры и отдыха.

При разработке парка культуры и отдыха выделялась основная его задача, состоящая в формировании нового типа советского человека. Эта задача решалась через масштабное планирование деятельности парка. Здесь широко была развернута массовая агитационная работа, созданы новые формы общения и коллективного отдыха трудящихся.

Основными направлениями работы парка культуры и отдыха были:

«1) массовая оздоровительная работа и создание надлежащих условий для рабочего и его семьи;

2) организация мероприятий по поднятию культурно-политического и производственно-технического уровня рабочих и их семей;

3) участие парков культуры и отдыха в проведении важнейших народно-хозяйственных политических кампаний;

4) на территории парков культуры и отдыха должна быть развита массовая, художественная работа, в основном и главным образом организуемая творческой самодеятельностью самих рабочих и их семей, посещающих парки, с одновременным показом лучших образцов профессионального театра, музыкального искусства и т. д.;

5) особое внимание должно быть обращено на организацию отдыха, физкультуры, спорта и т. д. применительно к различным возрастным группам рабочих и отдельных профессий» [2. С. 52].

Были сформулированы обязательные условия организации и функционирования парков культуры и отдыха:

«1) внешний вид парка – его благоустроенность, насыщенность цветами, художественным оформлением, музыкой, светом, увлекательными занятиями, развлече-

ниями, создающими непосредственное веселье и смех, – должен давать высокую эмоциональную разрядку, яркое ощущение успехов социалистического строительства, роста материально-культурного благосостояния и мощи победившего пролетариата. Парки должны были тщательно организовать все стороны своей деятельности;

2) парк должен был строить свою работу на основе наибольшего вовлечения отдыхающих для активного участия в парковых мероприятиях;

3) важнейшим условием, обеспечивающим высокое качество обслуживания огромных масс посетителей, являлось создание соответствующей масштабам работы мощной материально-технической базы: зеленое строительство, благоустройство территории, внутрипарковый транспорт, садовая мебель, механизация уборочных работ, телефонизация и специальное техническое оборудование для различных видов работы, механическое оборудование площадок, эстрад и сцен, техника информации, развлечения и т. д.» [2. С. 52].

Популярность первых парков культуры и отдыха среди советских рабочих и членов их семей обусловила повсеместное их распространение. Парк культуры и отдыха был в каждом городе СССР, в крупных городах обязательно был Центральный парк культуры и отдыха и сеть районных парков. Это учреждение культуры, благодаря особой организации пространства и тщательно продуманной программе воспитательной работы, с успехом выполняло свою основную задачу.

Образцом для всех парков культуры и отдыха являлся Центральный парк культуры и отдыха имени Максима Горького в Москве. Его опыт учитывался как в плане организации территории новых парков, так и в плане разработки воспитательных программ и форм досуга.

Под парки культуры и отдыха выделялись большие территории, способные обеспечить одновременный отдых тысяч трудящихся. Типичная для русских приусадебных парков планировка, о которой мы говорили выше, сохранилась и в советских парках: регулярная со стороны главного входа и пейзажная на периферии. В регулярной части прямые, длинные аллеи символизировали путь трудящихся к коммунизму, олицетворением которого служили зеленые кущи в пейзажной части парка. Советская парковая скульптура изображала образцовых советских людей: пионеров, физкультурников, заводских рабочих, а также политических лидеров и деятелей искусства.

Парк культуры и отдыха с основной функцией воспитания трудящихся в контексте советской идеологии был уникальным типом парка, не имеющим аналогов в истории.

Советский парк в качестве места выражения коммунистических идеалов начал утрачивать свою специфику в конце XX века. После того как произошел отказ от советских ценностей, российская культура начала примерять американский образ жизни. В этот период территории парков культуры и отдыха активно сдавались в аренду под многочисленные аттракционы невятного содержания и сомнительного качества.

После развала СССР и тяжелых перестроечных лет вопрос о ценностях и идеалах русского человека был весьма проблематичен, а подавляющее большинство парков культуры и отдыха пришло в запустение.

Очередной категорический отказ от духовных оснований предков, уже похожий на традицию в русской культуре, сопровождался состоянием ценностно-смысловой дезориентации и наносил существенный ущерб культуре.

Сегодня, когда в первом столичном парке культуры и отдыха происходит реконструкция, интересно проанализировать обновленное парковое пространство в качестве места выражения ценностей и идеалов современной России. Сам факт

внимания к паркам, их строительство и реконструкция является признаком, свидетельствующим о наличии в культуре стабильной духовной основы.

Прежде всего необходимо отметить, что из парка были удалены все аттракционы за исключением пары детских каруселей вдали от главных магистралей парка. Вспомним, что парк, начиная с 1970-х гг., постепенно наполнялся аттракционами западного происхождения и к началу 1990-х почти утратил советскую специфику, явив собой подобие американских развлекательных парков. Примеривание на себя стандартов США не принесло удовлетворения.

Очевидно стремление сохранить первоначальную планировку и объекты из советского прошлого парка. Это и грандиозная входная группа парка с советской символикой; и фонтан в центре партера; и восстановление старейшего на территории парка здания ресторана «Шестигранник»; и обновленный Зеленый театр (сегодня театр Стаса Намина); и открытый кинотеатр «Пионер» с характерным названием; и космический челнок «Буран»; и вновь открытые спортивные площадки; и танцверанда; и прокат катамаранов, лодок на двух прудах парка; и аренда велосипедов, роликов; и многочисленные киоски с мороженым в вафельных стаканчиках марки «Парк Горького» и др. Нашлось место даже знаменитой скульптуре «Девушка с веслом», уменьшенный вариант которой разместили на набережной Москва-реки.

Обращение к советскому опыту парковой работы сегодня свидетельствует о ценностном отношении к советским идеалам.

Вместе с тем в парке при реконструкции в качестве основного материала использовалось дерево вместо камня и гранита, характерного для советского парка послевоенного периода. Деревянное обрамление появилось у центрального фонтана, все новые здания кафе и ресторанов выполнены из дерева, отдельные участки набережной (танцплощадка) также имеют древесное покрытие, не говоря уже о многочисленных скамейках и других малых формах. Дерево – исконно русский строительный материал, и активное использование его в парке может быть интерпретировано как обращение к собственным корням, истории как источнику духовного обновления.

Вместе с тем современный парк культуры и отдыха включает смыслы, выходящие за пределы только лишь отечественной культуры: в таком его новом элементе, как Центр современного искусства «Гараж», ощущается общеевропейская болезненность духовной сферы; в появлении огромного числа разнообразной комфортабельной садовой мебели (пуфов, шезлонгов, матрасов, лежаков, кресел и т. д.) прочитывается стремление к расслабленному отдыху, наслаждению, гедонизму, свойственные для общества потребления; в свободном подключении к Интернету через Wi-Fi на территории всего парка проявляются ценности информационной эпохи.

Современный парк культуры и отдыха являет собой пространство, в котором гармонично соединяются ценности прошлого и настоящего, русские и общемировые идеалы.

Литература

1. Шайгарданова Н. Л. Русский парк – диалог Востока и Запада // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом : материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного ун-та, 15–16 апреля 2013 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – Т. 2.
2. Лунц Л. Б. Парки культуры и отдыха. – М. : Стройиздат, 1935.

УДК 61:174

Белоусова Елена Валентиновна

доцент кафедры философии, биоэтики
и культурологии Уральской государственной
медицинской академии (г. Екатеринбург)
E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

Belousova Elena Valentinovna

Assistant Professor at the Chair of Philosophy,
Bioethics and Culturology, Ural State Medical
Academy (Ekaterinburg)

**ОБРАЗ ВРАЧА-ФИЛОСОФА
И МОДЕЛИ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ
КАК КУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ**

**THE IMAGE
OF THE DOCTOR-PHILOSOPHER
AND THE MODELS OF MEDICAL
ETHICS AS CULTURAL FORMS**

Аннотация

В статье исследуется историческое взаимодействие таких культурных форм, как образ врача-философа и модель врачебной этики. На примере личности и творчества знаменитого Парацельса анализируется их смысловое развитие и обогащение, прежде всего в нравственно-духовном аспекте.

Ключевые слова: врач-философ; герметическая философия; Гиппократ; культурная форма; исторические модели врачебной этики; Парацельс.

Abstract

The article explores the historical interaction between such cultural forms as the image of a doctor-philosopher and the models of medical ethics. Semantic development and enrichment are analyzed by the example of the famous Paracelsus's personality and works, most of all their moral and spiritual aspects.

Keywords: doctor and philosopher; hermetic philosophy; Hippocrates; cultural form; historical models of medical ethics; Paracelsus.

*Врач – философ;
ведь нет большой разницы
между мудростью и медициной
Гиппократ*

Впервые образ врача-философа в античной культуре создается «отцом медицины» Гиппократом. В работе «О благоприличном поведении» Гиппократ писал: «Ведь врач-философ равен богу. Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство. То, что они имеют, они имеют против невоздержанности, против корыстолюбивой и грязной профессии, против непомерной жадности приобретения, против алчности, против хищения, против бесстыдства».

В культуре ренессансной представление о враче-философе развивает Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст из Гогенгейма, известный как Парацельс. Гогенгейм считал, что философия необходима для любого врача. Медико-философские эссе мы находим в книгах «Парамирум» и «Парагранум». В одной из базельских лекций, прочитанных на латыни, рассказывается об отношении медицины и

философии: «Там, где заканчивается врач, начинается философ... тем самым философ рождается из врача, а не врач из философа». По мнению Гогенгейма, это правило наглядно демонстрирует себя на практике: «Из лечения проистекает философия, а не наоборот» [1. С. 360].

Только практическим путем можно приобрести столь ценимую Парацельсом опытность, познать истинную философию, войти в понимание природы, научиться видеть корни болезней и распознавать способы их врачевания. В свою очередь, дух мудрости, «который и формирует наш опыт», выступает как основа практических навыков. «Основа» имеет много общего с «пониманием болезней, которым должен обладать всякий врач». Если основа открывается вне философии, она, по мнению Парацельса, заведомо ложна.

Обобщенное понятие философии у Гогенгейма, включающее все многообразные взаимосвязи, предполагающее гармонию внешнего и внутреннего, а также взаимное отражение микро- и макрокосма, заключено в термине «знание». Термин «знание» позже был развит им в «Лабиринте заблуждающихся врачей». Именно в свете этого термина Парацельс говорил, что философ начинается там, где заканчивается врач. В «Лабиринте заблуждающихся врачей» этот тезис сформулирован с обратным знаком: «там, где заканчивается философ, начинается врач». Знание, или *scientia*, является основным понятием философии Гогенгейма. Знание неразрывно связано с экспериментом и опытом, «опытностью». Поэтому философия Гогенгейма носит практический (и герметический) характер.

Создатель науки этики Аристотель относил ее к практическим знаниям. И. Кант называл этику «практической философией». В истории культуры неслучайна связь фундаментальной, философской этики и этики медицинской. В образе врача-философа соединяются как глубокие теоретические знания, так и практические навыки, а также нравственные добродетели.

Парацельс подчеркивал такую черту характера врача, как *сила воли*. «Сила воли есть главное в медицине. Человек доброжелательный оказывает благотворное влияние. Тот, кто завидует всем и всему и ненавидит самое себя, может ощущать на себе последствия собственных злых мыслей. Изображения могут быть прокляты и наводить на тех, кого они представляют, болезни, как то: лихорадка, падучая, апоплексия и прочие. Я говорю серьезно, ибо врачам нашим ведомы лишь весьма немногие из тех сил, что даются волею. Воля творит духов (силы), не обладающих собственным разумом, но подчиняющихся слепо» [2. С. 154–155].

Сила воображения есть также важнейшее качество врача-философа. Парацельс считал, что врачи должны знать причины некоторых таинственных болезней: «Например, порою колдуны создают изображение человека, которому желают нанести вред, и вбивают гвоздь в ногу этого изображения; при этом злая воля и дурные мысли вызывают у человека сильнейшую боль в ноге, и он не сможет ходить до тех пор, пока гвоздь из изображения не будет вынут. Ныне врач, сталкиваясь с подобным случаем и не ведая, что причиняет боль ноге больного, не может исцелить его; но знай он источник, он использовал бы силу своего воображения для противодействия злу, совершенному сходной силою» [Там же. С. 153–154].

Конечно, сейчас этот пассаж может вызвать улыбку. Но иногда подобный ход мыслей, в соответствии с «естественной магией» Парацельса, приводил к предвосхищению открытий современной науки. Парацельс говорил о некой невидимой форме. «*Menstruum*, посредством которого воля может осуществлять доброе или злое воздействие, есть живая *Mumia*. *Mumia* – это форма, содержащая эссенцию жизни... В *Mumia* живого существа заключены свойства существа, из которого она извлечена... наиболее здоровая животная пища есть мясо птиц, ибо они живут в воздухе, воздух же есть возвышеннейшая из четырех стихий... Наибольшую силою обладает *Mumia* людей физически здоровых и умерших внезапною

смертью, к примеру повешенных, обезглавленных или колесованных. Человек, медленно умирающий от болезни, теряет свои силы еще до того, как умрет, и гниение в подобных случаях зачастую начинается, когда больной еще жив. Его *Mumia* будет никчемной. Но если бы врачи знали бы сокрытую силу *Mumia* людей, умерших внезапно, они не позволяли бы телам казненных преступников по три дня висеть на виселицах, но забирали их и использовали для своих надобностей» [2. С. 159]. Несмотря на фантастичность подобных рассуждений Парацельса, практика современной трансплантологии, как представляется, является практическим воплощением рекомендаций Парацельса.

При всей сложности и противоречивости своей натуры Гогенгейм был глубоко верующим человеком. *Вера* называлась им важнейшим условием деятельности врача-философа, ибо «нужна лишь глубокая вера в великую силу всеобщего блага, которая может совершить всё, если действует через разум человека, пребывающего в гармонии с нею, и без которой ни в чем нельзя добиться успеха. Истинная магическая сила заключена в истинной вере, истинная же вера основывается на знании, и без знания не может быть веры». В этом высказывании Парацельса отразилось несомненное влияние христианской этики, в которой *вера*, вместе с *надеждой* и *любовью*, является важнейшей добродетелью.

Первые две исторические формы врачебной этики, выделенные известным отечественным специалистом по биоэтике проф. И. В. Силуяновой, были названы именами Гиппократ и Парацельса: модель Гиппократ и принцип «Не навреди»; принцип «Делай добро» (модель Парацельса). И. В. Силуянова пишет о нравственной основе взаимоотношения пациента и врача во второй модели: «Модель Парацельса» – это форма врачебной этики, в рамках которой нравственное отношение с пациентом понимается как составляющая стратегии терапевтического поведения врача.

В границах «модели Парацельса» в полной мере развивается патернализм как тип взаимосвязи врача и пациента. Медицинская культура использует латинское понятие *pater* – «отец», распространяемое христианством не только на священника, но и на Бога. Смысл слова «отец» в патернализме фиксирует, что «образцом» связей между врачом и пациентом являются не только кровнородственные отношения, для которых характерны положительные психоэмоциональные привязанности и социально-моральная ответственность, но и «целебность», «божественность» самого «контакта» врача и больного.

Эта «целебность» и «божественность» определена, задана добродетелью врача, направленностью его воли к благу больного. Неудивительно, что основным моральным принципом, формирующимся в границах данной модели, является принцип «делай добро», благо, или «твори любовь», благодеяние, милосердие. Врачевание – это организованное осуществление добра. Добро же по сути своей имеет божественное происхождение. «Всякое даяние доброе... исходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1, 17). Парацельс учил: «Сила врача – в его сердце, работа его должна руководствоваться Богом и освещаться естественным светом и опытом; важнейшая основа лекарства – любовь» [3].

Новая форма врачебной этики задает и новый образ врача-философа.

Таким образом, две культурные формы оказываются неразрывно связаны, обогащая смысловое содержание друг друга. Понятие «культурная форма» заимствовано нами из работ авторитетного российского ученого в области философской антропологии и философии культуры проф. Л. А. Мясниковой. Л. А. Мясникова замечает, что понятие «культурная форма» подсказано работами О. М. Фрейденаберг, но вкладывает в него свое содержание: «Культурная форма – тип объективации смысла эпохи, его "предметность". Именно через нее человек постигает мир. Это культурно-историческое выявление и фиксирование смыслового содер-

жания эпохи, выражение духа эпохи, миропонимание, объективированное во внутреннем строе, "логике" эпохи» [4. С. 114–115]. Культурная форма создает, «отливает» культурно-определенную модель мира и человека в нем.

Культурные формы, возникнув однажды, не исчезают, а только модифицируются. Тому, что было создано культурой в одно время, в другой эпохе придается иной смысл, но старое качество и старый смысл не исчезают совсем, они как бы таятся внутри нового смысла. Поэтому всякая культурная форма полисимволична, это «матрешка смыслов» [Там же].

В связи с этим справедливо будет упомянуть еще один культурный феномен эпохи Возрождения, обогативший новыми смыслами образ врача-философа. Это герметическая философия XVI–XVII вв. с фигурами мага и алхимика. Например, Агриппа Неттесгеймский в «Тайной философии» уточняет, какая именно вера необходима настоящему магу: «Чтобы заниматься магией, следует иметь постоянство в вере, быть уверенным и не сомневаться в результате. Неверие и сомнения разрушают свойства разума оператора, поскольку он оказывается посередине между двумя крайностями, отчего влияния высших сил становятся ему недоступными, ибо это возможно лишь при твердой вере разума» [5. С. 18]. Поэтому исследователь алхимических трактатов XVI–XVII вв. О. В. Клещевич замечает, что здесь Вера подается уже не в христианском звучании. В творчестве Парацельса, на наш взгляд, эти два звучания гармонически соединяются, но «первый голос» принадлежит все-таки христианскому пониманию.

В самой личности Парацельса неразрывно связаны врач-философ, алхимик и маг. Не случайно, рассуждая о знании, Парацельс вспоминает о *магии*. Познание представляет собой симпатический процесс, исследователь природы должен буквально слиться с нею. Микрокосм един с макрокосмом. Здесь философия Парацельса балансирует на грани между мистикой и пантеизмом. Но она не переходит этой грани, поскольку высказывается от имени врача. Для врача главным условием познания природы является любовь.

Магия в понимании Парацельса не сводится к волшебству и колдовским пассам. В девятой книге «Лабиринта» магия называется анатомией медицины, ее сокровеннейшим лекарством, которое начинает действовать после того, как все остальные средства испробованы. Она помогает врачу глубже вникнуть в причины болезни и проникнуть в суть вещей. Гогенгейм иллюстрирует эту мысль на примере быка. «Магия, – пишет он, – является анатомией медицины. Например, мясник, разделывая быка, видит всё то, что ранее было скрыто под кожей» [1. С. 369]. Но в отличие от мясника магия, или «изобретательное искусство», как называет ее Парацельс, избегает даже намека на убийство. Человек, жаждущий знания, смотрит на живое и наблюдает, как на этом живом постепенно проступает его основа.

Тесная взаимосвязь философии, магии и медицины у Гогенгейма является ярким проявлением ренессансной традиции.

Таким образом, благодаря христианскому миропониманию, герметической философии и новой форме врачебной этики античный образ совершенного врача-философа наполняется глубоким духовным смыслом. Сам Парацельс стал его воплощением. Примеры тяжелых соматических и психических заболеваний, описанные им, могли побудить даже верующего человека усомниться в разумности мироздания. Но, несмотря на жизненные трудности, бедность и разочарования, Парацельс оставался верен миссии врача. Вопреки всем историям об изготовлении золота, бедность, эта «лживая шлюха», по выражению самого Парацельса, следовала за Гогенгеймом по пятам всю жизнь. Пирмин Майер пишет: «Бедность приобрела в мировоззрении Гогенгейма экзистенциальную сущность и стала частью его жизненной философии: "Блажен и присноблажен тот человек, которого Бог благословил бедностью". Бедность врача, сопряженная с его "благочестием" и

постоянным странничеством, по прошествии нескольких поколений оказалась неразрывно связанной с образом Парацельса, созданным им самим» [1. С. 51]. Известно, что ближайшие друзья Гогенгейма получили в память о нем «десять гульденов в монетах». *Бедность, благочестие и целомудрие* есть важнейшие качества врача.

Гогенгейм следовал традиции, заложенной Гиппократом. *Ars longa, vita brevis est*, т. е. врачебное искусство – это в большей мере искусство, нежели наука. При этом искусство самое высокое и благородное.

В «Великой астрономии», изданной в 1537 году, Парацельс, глядя на мир с высоты всеобъемлющей космофизики, чрезвычайно высоко оценивает статус врача и пророка (*vates et medicus*): «Разве есть на свете что-нибудь скрытое от подлинного пророка и неизвестное ему? И кого можно поставить превыше доктора? Они словно бы объяты пламенем, и, подобно огню, сверкают они своими трудами» [Там же. С. 36].

В нравственном отношении врач и пророк выступают защитниками правды и справедливости. Именно в этом смысле в книге «Парамирум» употребляется образное понятие огня. Человек и лекарство испытываются огнем. *Из огня рождается врач*.

Подводя итоги, скажем, что в творчестве и судьбе легендарного Парацельса отразился новыми гранями сверкающий образ врача-философа.

Литература

1. Майер П. Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме. – М. : Алетейя, 2003.
2. Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения : пер. с англ. – М. : Культурный центр «Новый Акрополь», 2009, 272 с. : ил.
3. Избранные лекции по биоэтике РГМУ им Н. И. Пирогова. – Лекция 1.
4. Мясникова Л. А. Тайна и смысл индивидуального бытия. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993.
5. Клещевич О. В. Этические воззрения авторов алхимических трактатов XVI–XVII вв. как культурный феномен позднего Возрождения // Вопросы культурологии. – 2010. – № 10.

УДК 133.521

Букурова Анна Вячеславовна

аспирант кафедры философии и истории
Уральского государственного университета
путей сообщения (г. Екатеринбург)
E-mail: abukurova@list.ru

Bukurova Anna Vyacheslavovna

Postgraduate of the Chair of Philosophy
and History, Ural State University
of Railway Transport (Ekaterinburg)

**АСТРОЛОГИЯ В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
РАЗВИТИЯ НАУКИ**

**ASTROLOGY
IN LIGHT OF MODERN TRENDS
IN SCIENCE DEVELOPMENT**

Аннотация

В статье исследуется социокультурный феномен астрологии, анализируются причины ее растущей популярности в свете тенденций развития науки XX века, выявляются ключевые особенности астрологии как специфической системы знания и раскрываются исторические формы взаимодействия науки и астрологии.

Ключевые слова: астрология; система знаний; геоцентрическая модель; живой космос; детерминизм; научная картина мира.

Abstract

The article deals with the sociocultural phenomenon of astrology. It analyzes the reasons of its growing popularity in the society in light of scientific development trends of the 20th century, reveals the key features of astrology as a specific system of knowledge, identifies the historical forms of interaction between science and astrology.

Keywords: astrology; system of knowledge; geocentric model; living space; determinism; scientific view of the world.

Сегодня астрология является современным социокультурным феноменом с устойчиво растущей популярностью. Известный культуролог М. Элиаде, исследуя популярность астрологии в XX веке, констатировал, что «величайший интерес к астрологии наблюдается не в сельской местности, среди фермеров или низших слоев занятого населения, но, скорее, в самых густонаселенных городах и среди так называемых "белых воротничков"» [1. С. 101].

Получается, что, с одной стороны, интерес к астрологии неуклонно растет в культурно развитых, образованных слоях общества. А с другой – именно в этих слоях общества прогрессирует современная наука, все глубже раскрывая окружающий нас мир. В первую очередь для объяснения этого состояния приходят на ум вненаучные факторы, обусловленные субъективно-психологическими причинами, на которые указывают многие современные специалисты.

На наш взгляд, такая парадоксальная ситуация порождает необходимость заново проанализировать исторические формы взаимодействия науки и астрологии с тем, чтобы выявить, как менялся статус астрологии по мере развития науки. Это может позволить выявить более глубинные основания популярности астрологии в современном обществе в век научно-технического прогресса. Исследуя причины живучести астрологии, мы ставим своей задачей историко-аналитическое исследование взаимоотношений между наукой и астрологией.

Для решения данной задачи нам представляется необходимым рассмотреть, что представляет собой астрология как система знания. Для этого обратимся к классическим работам К. Птолемея, который считается самым крупным астроно-

мом античности, создавшим геоцентрическую модель Вселенной, и основателем классической астрологии. В единой системе знаний о космосе он выделяет два направления: 1) теоретическую астрономию, основу которой составляют данные наблюдений, расчеты, таблицы движения небесных тел; и 2) теоретическую астрологию, в основе которой заложена система интерпретации астрономических данных для составления предсказаний о земных событиях [2; 3]. В птолемеевской системе знаний о космосе два указанных выше направления взаимодействуют между собой: астрономические данные являются фундаментом для астрологических интерпретаций. То, что мы ныне понимаем под астрологией, К. Птолемей называл «предсказанием астрономическими средствами».

В основу единой системы знаний о космосе он закладывает три основных принципа, которые в равной степени применимы и для астрологического знания: 1) геоцентрическую модель Вселенной; 2) идею живого космоса; 3) идею детерминизма.

На основе геоцентрической модели Вселенной он формулирует такие основные понятия гороскопной астрологии, как «Зодиак», «знак Зодиака» и «круг домов», «дом гороскопа». Рассмотрим содержание и смысл, которые вкладывались в эти основополагающие понятия астрологии.

В рамках геоцентрической модели Вселенной К. Птолемей использует эклиптическую систему координат, которая составила основу для всех вычислений. Он вводит понятие «Зодиак», которое означает плоскость Эклиптики, вдоль которой для земного наблюдателя происходит видимое годовое движение Солнца вокруг Земли. Зодиак, состоящий из 12 равных участков (знаков Зодиака), является стандартной шкалой в птолемеевской системе для астрономического описания движения небесных тел. Такой подход к определению понятия «Зодиак» подтверждает в своих исследованиях О. Нейгебауэр. Он так формулирует данное положение: «Но только чисто математическими соображениями объясняется введение вполне определенного большого круга, разделенного на секторы длиной равной в 30° , для измерения движения Солнца и планет» [4. С. 111]. Таким образом, *положения небесных тел в зодиакальных знаках в геоцентрической системе вычислений К. Птолемея отражают годовое движение Солнца вокруг Земли.*

Смысл и содержание понятия «круг домов» в птолемеевской системе основано на *суточном вращении Земли вокруг своей оси.* Ему соответствует образ круга, в центре которого находится человек, стоящий на Земле, вокруг которого вращается сфера неподвижных звезд. В системе К. Птолемея «дома гороскопа» определены как 12 секторов Эклиптики по 30° каждый, которые постоянно двигаются по ходу знаков Зодиака, совершая полный оборот за одни сутки. Расчет положения «домов гороскопа» выполняется для определенного момента времени (например, времени рождения) и конкретного географического пункта, поэтому используются две взаимно независимые и отличающиеся в проекциях на различных широтах системы координат: с одной стороны, базисом выступает плоскость Эклиптики, а с другой – плоскость Горизонта. Получается, что гороскоп строится путем наложения двенадцатеричного круга секторов (или «круга домов») на круг Зодиака, где уже нанесены фактические положения светил и планет на небе в данный момент времени.

Таким образом, основные понятия астрологии опираются на геоцентрическую модель Вселенной. Понятия «Зодиак» и «знак Зодиака» у К. Птолемея имеют реальный объект в действительности, в то время как в понятия «круг домов» и «дом гороскопа» заложен только астрологический смысл. Астрономический расчет «домов гороскопа» обусловлен необходимостью составления индивидуального гороскопа, т. е. астрологической карты рождения, и не имеет другого практического приложения.

Когда идея геоцентризма была отвергнута наукой, со времени формирования гелиоцентрической системы Н. Коперника, то для астрологии это не имело такого революционного значения, как для астрономии. В астрологии уточнились расчеты движения планет, но содержание основных понятий не изменилось, и соответственно ее содержание как системы знания не было реформировано. И вместе с тем становится понятным, почему исследователи К. Фламарион и О. Буше-Леклерк основной причиной гибели астрологии считали новую гелиоцентрическую систему мира Н. Коперника [5; 6]. Действительно, астрологии был нанесен серьезный удар с позиции науки. В результате теоретическая астрономия и астрология отделились друг от друга. Здесь мы находим момент расхождения научной и астрологической систем знания.

Этот диссонанс сохранялся вплоть до начала XX века – времени появления теории относительности А. Эйнштейна, суть которой сводится к принятию абсолютной точки отсчета скорости света. Это, в свою очередь, привело к смене научной картины мира, в рамках которой функционирует гелиоцентрическая модель Вселенной. Стало ясно, что «классическая механика не может быть справедливой, если скорости приближаются к скорости света» [7. С. 260]. Родилось новое понимание картины Космоса, в котором скорости движения небесных тел и космического вещества близки к скорости света.

Согласно его теории любая система координат для определения положений небесных тел в космосе может применяться с одинаковым основанием. А. Эйнштейн так раскрывает данное положение: «Возьмем два тела, например Солнце и Землю. Движение, которое мы наблюдаем, опять относительное. Его можно описать с помощью системы координат, связанной либо с Землей, либо с Солнцем. С этой точки зрения великое достижение Коперника состоит в переносе системы координат с Земли на Солнце. Но поскольку движение относительно и можно применить любое тело для отсчета, то оказывается, что нет никаких оснований для того, чтобы предпочесть одну систему координат другой» [7. С. 272]. Таким образом противостояние между системами К. Птолемея и Н. Коперника снимается. Как это ни покажется странным, астрологическая система описания движения небесных тел оказывается оправданной и имеет право на существование. Сегодня астрология предпринимает попытки адаптироваться к научным реалиям современности, трактуя понятия зодиакальных знаков и домов символически.

Свою лепту в возможность функционирования астрологии в современном мире внесла методология постмодернизма, выступившая с идеей многообразия дискурсивных практик, которые утверждают релятивность и вариативность современных знаний. Данные практики дают возможность авторского прочтения текста научного сообщения.

Перейдем ко второму принципу, составляющему фундамент системы знаний о космосе К. Птолемея. Идея живого космоса выражается у него через некую единую силу, исходящую из вечного эфирного вещества, которая распределена повсюду и пронизывает всю область вокруг Земли. «Некая сила, – пишет он, – исходящая из вечной эфирной субстанции, проникает повсюду и рассеивается в пространстве, окружающем Землю, которая тем самым подвергается изменениям...» [3. С. 14].

Идея живого космоса доминирует во всех концепциях древности. Как доказал А. Ф. Лосев, античный космос был «одушевленным» и «разумным». «Космос видимый, – пишет он, – слышимый, осязаемый, материальный в представлении древнего грека есть не что иное, как огромное тело живого человеческого существа, как в целом, так и во всех его частях» [8. С. 154].

Под влиянием идеи живого космоса в астрологии сформировались понятия, характерные для описания живого. Например, с помощью понятий симпатии и антипатии описываются благоприятные и неблагоприятные влияния планет в зависимости от их взаимного расположения относительно зодиакальных знаков. Ис-

пользуются божественные имена планет для характеристики их физиологических и психологических влияний на человека. Например, Солнце – бог Аполлон, Луна – Артемида, Меркурий – Гермес и т. д. Аполлон, сияющий бог дня, всегда занимал главное место во всех мифологиях. В Египте – это Ра, или Атум Ра; в Греции – это Гелиос. Он олицетворяет световой центр нашей Солнечной системы, без которого не возможна жизнь. В астрологии Солнце как светило, подобно греческому богу Гелиосу, олицетворяет день, свет, всеобщую творческую энергию жизни.

Идея живого космоса является фундаментом астрологии как особой системы знаний и вплоть до научной революции Нового времени не вызывала особых возражений. С утверждением механистической картины мира космос начинают описывать как неодушевленный механизм. Возникает противоречие между позицией рациональной науки и астрологической концепцией живого космоса. Именно поэтому Ф. Ф. Зелинский считал, что смертельный удар астрологии нанесли открытия не Н. Коперника, а И. Ньютона. Он пишет: «Умерла астрология тогда, когда у нее отняли душу, когда место догмата всемирной симпатии занял догмат всемирного тяготения» [9. С. 278]. В догмате всемирной симпатии Ф. Ф. Зелинского мы находим проявление астрологической идеи живого космоса, которая в механике И. Ньютона была заменена силами тяготения.

Оказавшись за пределами механистической картины мира, астрология, как вне-научная система знания, подвергается соответствующей критике со стороны науки. Однако развитие естествознания в XX веке приводит к возрождению идеи живого космоса, которая, так или иначе, разрабатывается в научных концепциях ряда ученых.

Исследования академика В. И. Вернадского меняют научную картину космоса. Исследуя биохимические и геохимические процессы, он связывает эволюцию живого вещества, которое определяет как «живое естественное тело, живой организм» с эволюционными процессами, идущими в космосе. «Для нас становится ясным, – пишет он, – что жизнь есть явление космическое, а не специально земное. Мы теперь знаем, что материально Земля и другие планеты не уединены, а находятся в общении. Космическое вещество постоянно в разных формах попадает на Землю, а земное уходит в космическое пространство» [10. С. 104]. Концепция космобиологических ритмов А. Л. Чижевского, в основе которой лежит идея гелиоцентризма, также рассматривает космос как единую энергетическую структуру, в которой все части постоянно взаимодействуют между собой [11].

Рассмотрим третий принцип, завершающий фундамент античной системы знаний о космосе, проявленный в идее детерминизма. К. Птолемей положил причинность космических явлений по отношению к земным событиям в основу астрологической системы интерпретации. Такой подход был в духе античной картины мира. Вообще вся античная культура, как показал А. Ф. Лосев, развивалась под знаком «фатализма», т. е. предопределенности, где необходимость – это судьба, которую несет космос и за пределы которой нельзя выйти. «То, что "предписывает" космос... – пишет А. Ф. Лосев, – то и будет» [8. С. 157].

Научные концепции космобиологических ритмов А. Л. Чижевского, а также этногенеза и пассионарности Л. Н. Гумилева показывают применимость принципа детерминизма для объяснения влияния космоса на человека и его земную жизнь.

А. Л. Чижевский, основываясь на огромном материале статистических и эмпирических данных, доказывает, что на земной органический мир оказывают влияние не только постоянно действующая энергия Солнца, но и периодические изменения солнечной активности. В своей работе «Физические факторы исторического процесса» он ставит вопрос о влиянии космических явлений, и прежде всего солнечных, на исторические события народов. Он обнаруживает, что «между периодической деятельностью Солнца и общественной деятельностью человечества существует прямое соотношение» [12. С. 60].

Л. Н. Гумилев формулирует концепцию этногенеза и пассионарности, в рамках которой выявляет влияние космических энергий на образование, гибель и смену этносов как естественных общностей людей в историческом процессе. Причем этногенез «работает на энергии живого вещества биосферы, которую открыл наш великий естествоиспытатель В. И. Вернадский и которая движет всеми живыми существами» [13. С. 11]. Он приходит к выводу, что пассионарные толчки в историческом процессе объясняются космической энергией, пучки которой, «приходящие из глубин Галактики... молниеносно производят свое энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое» [13. С. 38].

Научные концепции, сформулированные А. Л. Чижевским и Л. Н. Гумилевым, позволяют по-новому оценить принцип детерминизма в астрологии, поскольку наука сегодня также выявляет и показывает наличие причинности космических факторов по отношению к земным явлениям.

Мы видим, что наука все шире включает в поле своих исследований вопросы, которые составляют содержание астрологии, и на своем языке объясняет процессы взаимодействия человека с космосом. С одной стороны, поливариативность современного знания, а с другой – выход науки на исследование космических влияний на человека и его земную жизнь позволяют астрологии существовать в век научно-технического прогресса.

Литература

1. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре : пер. с англ. – К. : София ; М. : ИД Гелиос, 2002. – 224 с.
2. Птолемей К. Альмагест: математическое сочинение : в 13 кн. / пер. с древнегреч. И. Н. Веселовского ; Институт истории естествознания и техники РАН ; науч. ред. Г. Е. Куртик. – М. : Наука : Физматлит, 1998. – 672 с.
3. Птолемей К. Тетрабиблос / пер. с англ. Г. П. Хлуновской ; под ред. А. А. Капраловой и Н. А. Додоновой. – М., 1992. – 170 с.
4. Нейгебауэр О. Точные науки в древности / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. П. Юшкевича. – 5-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 240 с.
5. Буше-Леклерк О. История гадания в Античности : Греческая астрология, некромантия, орнитомантия : пер. с фр. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 424 с.
6. Фламарион К. Небо христианского мира / пер. с фр. Ю. Гончарова. – М. : Книжный клуб Книговек ; СПб. : Северо-Запад, 2010. – 352 с.
7. Эйнштейн А. Работы по теории относительности : пер. с нем. и англ. – СПб. : Амфора : ТИД Амфора, 2008. – 330 с.
8. Лосев А. Ф. Дерзание духа. – М. : Политиздат, 1988. – 366 с.
9. Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства : лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-петербургских гимназий и реальных училищ. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 416 с.
10. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни / сост., вступ. ст., коммент. М. С. Бастраковой, И. И. Мочалова, В. С. Неаполитанской. – М. : Сов. Россия, 1989. – 704 с.
11. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – 2-е изд. / предисл. О. Г. Газенко ; редкол. : П. А. Коржув (отв. ред.) и др. – М. : Мысль, 1976. – 366 с.
12. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. – М. : Принтекс, репринт ; Калуга : 1-я Гостиполитография, 1924.
13. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало : популярные лекции по народоведению. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 384 с.

УДК 004.738.5

Горина Евгения Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: gorina9@yandex.ru

Gorina Evguenia Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor at Chair of Russian Language and Stylistics, Department of Journalism, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ТЕОРИИ ДИСКУРСИВНЫХ ЗАЩИТ
В ИНТЕРНЕТ-СМИ¹**

**INFLUENCE POTENTIAL
OF DISCURSIVE PROTECTIONS
THEORY IN THE INTERNET
MEDIA**

Аннотация

В статье ведется речь о теории дискурсивной защиты и средствах, реализующих ее цель – создание благоприятных, комфортных условий для работы пользователя в Интернете, в том числе в интернет-СМИ. Средства теории дискурсивных защит рассматриваются как средства усиления воздействия на сознание и эмоции адресата.

Ключевые слова: теория дискурсивных защит; композиционно-речевые средства; воздействие; Интернет; адресат интернет-изданий.

Abstract

The article refers to the discursive protection theory and techniques helping to achieve its purpose – to create advantageous, comfortable conditions for work with the Internet, including the Internet media. The techniques of discursive protections are regarded as instruments to strengthen the influence on consciousness and emotions of the addressee.

Keywords: Discursive protections theory; composite and verbal techniques; influence; Internet; addressee of the Internet media.

Когда речь ведется о СМИ, то игнорировать тему воздействия на аудиторию бывает непросто. О манипулятивной природе СМК написано много исследований, в том числе многие подчеркивают и усиленную среду воздействия в интернет-СМИ [1; 8]. Интернет – популярная площадка, привлекающая миллионы пользователей своей простотой, мобильностью, доступностью, безграничностью информации. Виртуальная сеть каждому пользователю демонстрирует дружелюбность – все в ней построено так, чтобы было удобно, комфортно работать, развлекаться, общаться и т. д. Эта дружелюбность виртуального пространства уже есть некий манипулятивный прием по завоевыванию аудитории. Средствами создания дружелюбности, расположения к себе читателей пользуются и интернет-СМИ. На наш взгляд, сетевые издания активно применяют **теорию дискурсивных защит** [4; 8], приводящую к тому, что каждый адресат оказывается вовлечен в чтение материалов СМИ, в процесс общения с их авторами и другими читателями, оказывается на территории издания в привлекательных условиях, в окружении заманчивых текстов и открывшихся возможностей. Теория дискурсивных за-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

щит – это теория, вскрывающая набор элементов, средств, приводящих к качественной, продуктивной, менее конфликтной работе пользователя в Сети. Это теория, говорящая о том, как может быть защищен интернет-пользователь, например читатель сетевой газеты, от недопонимания, от коммуникативных неудач, от неверной интерпретации журналистских сообщений. Раскроем суть теории подробнее.

Мы говорим о теории дискурсивных защит, ориентируясь на суждения А. А. Реформатского, высказанные в его работе «Техническая редакция книги» [7]. Известный лингвист отмечал, что оформление текста, его внешний вид сильно влияют на восприятие текста аудиторией. Представьте себе, что перед вами один и тот же текст, но выполненный в разной манере: один представлен лаконичным, строгим, жирным шрифтом, а второй изящным курсивом, с витиеватой обрисовкой каждого зигзага. Смысл написанного, акценты прочтения будут существенно зависеть от внешнего вида фразы. Ажурный курсив намекнет читателю на игривость, большую легкость, придаст высказыванию изящность, в отличие от спокойного шрифта, который просто констатирует факт, избегая оценок и дополнительных эмоциональных реакций на сказанное. То, что знаки способны оказывать воздействие на адресата, отражается в современной теории дискурсивных защит [4; 8]. Данная теория подразумевает защиту адресата от трудностей, которые могут возникнуть в процессе получения информации в Интернете. Теория дискурсивных защит предусматривает защиту пользователя от лишних действий в процессе работы в Сети, от недопонимания замысла автора, от коммуникативных неудач в процессе общения, от потерянности среди гигантских объемов информации, заложенных в Сети. Теория дискурсивных защит вскрывает ряд средств, помогающих читателю успешно работать в Сети, более точно понимать суть материалов в интернет-СМИ в частности. Приведем таблицу рассматриваемых нами средств дискурсивной защиты.

Таблица 1

Средства дискурсивной защиты

Композиционно-речевые								Технические	
сегментация	компрессия	повторы	ссылочно-отсылочные элементы	семиотическое варьирование	внутренняя политекстуальность	текстовые элементы	параграфные средства	курсор мыши	элементы рабочего стола

Каждое из указанных средств дискурсивной защиты ориентировано на адресата с целью сделать его работу в Сети более легкой, приятной, следовательно, привлекательной [4; 8]. В интернет-СМИ используют все названные в таблице композиционно-речевые средства, которые активны именно в Сети и не зависят от машины-посредника. Технические же средства дискурсивной защиты – это те, что созданы в самом компьютере пользователя и могут быть активны при работе вне Сети. Кратко охарактеризуем суть названных композиционно-речевых средств и покажем их действие на примере интернет-изданий.

Сегментация и интеграция информации касается разделения сведений на самостоятельные блоки и объединения получившихся блоков в единое составное произведение – СМИ [5; 6]. Заходя на сайт любого издания, к примеру

«Газеты.ру», мы видим множество отдельных рубрик: «Новости», «Внешняя политика», «В мире», «Власть», «Оппозиция», «Регионы», «Партии», «Исследования» и т. д. Каждая рубрика – это сегментированный блок тематически подобранных сведений, функционирующий самостоятельно, открывающийся на отдельных окнах в Сети. И при этом каждая рубрика интегрирована, то есть включена в единое составное произведение с общим названием «Газета.ру». Сегментирование и интегрирование информации помогает читателю увидеть структуру издания, разобраться с богатым содержанием СМИ, сориентироваться, отвечает ли оно его интересам. Сегментация и интеграция информации позволяет пользователю Сети воспринять максимально широкое поле сведений, предложенных авторами, на одной плоскости, рассмотреть все аспекты информации, а затем, выбрав наиболее привлекательное, открыть самостоятельное окно, страницу в Интернете, чтобы узнать подробности, детали интересующих новостей. Сегментация и интеграция информации необходимы, чтобы сделать работу пользователя в Сети, например при работе со СМИ, более последовательной. Они способствуют более легкому поиску информации, делают максимум сведений заметными для читателей. В этом средстве мы видим действующий потенциал, поскольку предоставление массива информации – это уже формирование отношения к окружающему миру. Человек оказывается в пространстве виртуальном, но при этом масса сведений делает это пространство живым. Обилие сведений сближает интернет-площадку с жизнью, где мы бесконечно воспринимаем какие-либо сведения, непрерывно поглощаем информационные потоки. Все это приводит к жизнеподобию Сети, что уже делает интернет-СМК привлекательными для аудитории и вызывает доверие к предлагаемым сообщениям.

Компрессия информации – это процесс, сопровождающий сегментацию и интеграцию, помогающий объединить все рубрики на одной плоскости, на одной странице в сетевом издании. Компрессия помогает сжать информацию до уровня отсылочного элемента, способного скрыть огромную часть сведений за активным сигналом – гиперссылкой [5; 6]. В интернет-СМИ каждая сегментированная рубрика способна к интеграции в единое произведение именно благодаря компрессии, сжатию этой рубрики до формы отсылочного компонента. Компрессия помогает сделать объемы передаваемой информации невероятно большими и разместить их на видимой, обозримой площади – на одной странице Сети, на одной полосе интернет-издания. Компрессия защищает пользователя Интернета, читателя сетевого СМИ от хаоса среди потоков сведений, создает наиболее благоприятные условия для нахождения информации, структуризации самой системы Интернета в глазах пользователя, что тоже оказывает определенное воздействие на эмоции и сознание адресата. Информация, предлагаемая без задержек, сложностей, без раздражающих моментов воспринимается аудиторией более доброжелательно.

Ссылочно-отсылочные элементы – это компрессированные части составного текста, раскрывающие более подробную, детальную информацию одного из сегментированных компонентов на отдельной самостоятельной плоскости. Гиперссылки удобны для адресата. Во-первых, они позволяют сделать просторы Сети бесконечными, но при этом обозримыми. Гиперссылки скрывают огромную часть сведений, помогая разместить множество сведений на одном модуле – на одной странице в Сети. Во-вторых, гиперссылки активизируют деятельность адресата. Читатель интернет-СМИ вынужден предполагать, додумывать информацию, скрытую на виртуальных плоскостных модулях, открывать их в виде отдельных окон, прочитывать как самостоятельные части одного издания. Следовательно, подключается воображение адресата, его аналитические способности: процесс понимания текстов происходит в соотношении их друг с другом, у читателя появляется возможность сравнения сообщений, их одновременного просмотра, что осо-

бенно бывает выразительно при чтении материалов на одну тему из разных изданий. В-третьих, ссылочно-отсылочные элементы, которые старательно создаются журналистами в интернет-газетах, приводят к формированию гиперссылочного чтения, сопоставимого с заголовочным. Читатель часто получает знание о реальности только по заголовкам, анонсам, лидам – гиперссылочным частям сетевого СМИ. В итоге составной текст издания превращается в ссылочный текст, обрывочный, заголовочный [5; 6; 8]. В этом тоже скрывается воздействующий эффект, поскольку так у адресата остается ощущение знания информации, но совершенно отсутствует понимание ее сути, ориентации в деталях. Пассивность адресата, лень знакомиться с большим по объему текстом приводят к тому, что знания о событиях становятся множественными, но поверхностными, а это делает читателей более податливыми, менее вдумчивыми, осведомленными, но не понимающими того, что есть на самом деле. Следовательно, возникает некая масса одинаково плохо мыслящих людей.

Повторы всегда сохраняют для читателя возможность найти информацию, воспользоваться определенными возможностями в Интернете. Например, при чтении «Газеты.ру» адресат всегда имеет возможность поделиться прочитанным, поскольку возле каждого материала есть повторяющиеся ссылки на социальные сети. Каждую горячую новость можно увидеть на любой плоскости составного издания, имеется в виду, что, какую бы страницу сетевого СМИ ни открыл читатель, ссылка на главную новость всегда будет ему видна. Кроме того, повторы участвуют вообще в сохранности самой системы Интернета. Именно повторы одной информации на разные лады (представление разных вариантов одного инварианта) приводят к тому, что каждый пользователь Сети получает тот вариант информации, который более понятен ему. Так сохраняется системность информационного поля Сети, в котором нет хаоса, нет паники среди пользователей от обилия сведений, остается минимум посторонних шумов из-за неверно понятой информации, поскольку каждый находит ту форму сведений, тот вариант информации, который ему наиболее ясен и приятен.

Семиотическое варьирование обеспечивает Сети и СМИ мультимедийность и раскрывает перед читателями ее возможности. Семиотическое варьирование показывает, что в Интернете одновременно взаимодействуют знаки разных семиотических групп: математические значки, знаки пунктуации, тексты, видеоряд, аудиофайлы, любые изображения, анимация, мемы и т. д. [2; 3; 5; 6; 8]. Креолизация виртуального сообщения очень велика, что делает сообщения особенно эффективными. Элементы разных знаковых систем позволяют не только передать факты, но и сформировать к ним отношение, подчеркнуть особые ракурсы, важные для восприятия авторской мысли. Вспомним упоминавшийся выше пример с оформлением одного высказывания разными шрифтами (изящным курсивом и лаконичным жирным). Тот же эффект производят и дополнительно включенные в текст материалов интернет-СМИ анимированные компоненты, смайлы, видео или аудиофайлы, скобки и двоеточия, зачеркивания, подчеркивания, выделения цветом, оформление особым фоном и т. д. Знаки разной семиотической природы способствуют выражению эмоций автора, подчеркивают его отношение к описываемому, часто передают иронию и сарказм, уточняют статус материала (развлекательный, информационный, пропагандистский и т. п.). Семиотическое варьирование помогает автору добиться желаемого эффекта, произвести на читателя большее впечатление, а читателю варьирование знаков позволяет понять природу материала, избежать коммуникативной неудачи при восприятии публикации автора.

Внутренняя политекстуальность демонстрирует сочетание разных когнитивных сфер на пространстве Сети и сетевых СМИ в частности. Например, на одном

пространстве виртуальной газеты взаимодействует множество субдискурсов: «новости», «культура», «спорт», «экономика», «прогноз погоды», «коммерция», а также тематические форумы, конкурсы, опросы и т. д. Все это представлено на одной плоскости, но раскрывается в многомерном, нелинейном пространстве Интернета благодаря гиперссылкам. Так адресат получает весьма объемное количество разнообразных сведений из одного источника – интернет-СМИ [2; 3; 4; 8].

Текстовые компоненты – это оформление сегментированных частей составного текста (рубрики, подрубрики, анонсы, заголовки, лиды, врезки), это словесное оформление изображения (наименования смайлов, мемов, сокращений, описательный перевод заимствованных слов и т. д.), задействованные жаргонизмы или элементы из «языка падонкафф», текстовые части креолизованного текста. Словесное выражение, описательные обороты повышают выразительность, образность сообщений, делают материалы более понятными адресату, избавляя его от избытка разнознаковой информации, от пестроты символов, значков или сигналов. Например, СМИ часто используют устойчивые выражения, крылатые фразы, чтобы обыграть то или иное событие. Текстовое оформление выражения, его преобразование, сочетание с картинкой (фото, мемом и т. д.) может повысить воздействующий потенциал текста. Например, текст о выборах может сопровождаться иллюстрацией с текстовым фрагментом: «Нельзя так просто взять и пойти в мэры». Изображение, данное с подобным выражением, и суть материала сразу приобретают особое звучание, многим вспоминается фраза Боромира из нашумевшей трилогии «Властелин колец», что накладывает определенный отпечаток на прочитанное.

Параграфемные средства дискурсивной защиты касаются сложностей и нюансов композиционно-пространственного оформления сообщений в Интернете. Рамки разделительного или выделительного характера, зачеркивания, разного рода изображения и фотографии, звездочки, математические знаки и знаки препинания, смайлы и мемы, иконки разных программ или сайтов, шрифты, цветовое выделение, смена регистра и многое другое – все это помогает пользователю сориентироваться в статусе информации. Например, увидеть разницу между подчеркнутой смысловой частью текста и подчеркнутой гиперссылочной фразой. Параграфемные элементы позволяют лучше понимать структуру страницы в Сети, видеть ее автономные элементы, связанные между собой по значению блоки, главные и второстепенные компоненты. Параграфемика обеспечивает графическую выразительность интернет-сообщений, указывает читателю на содержательные аспекты информации. Например, заголовок красного цвета показывает, что перед нами нечто срочное, требующее внимания.

Средства дискурсивной защиты, несомненно, ориентированы на адресата и устремлены к тому, чтобы сделать его работу в Сети наиболее приятной. Авторы сообщений в Интернете успешно применяют их, чтобы установить более доверительные отношения с читателем, усилить воздействующий эффект на его разум и эмоции. Думается, что теория дискурсивных защит содержательна и перспективна, она требует дальнейшей разработки. Рассмотренные нами средства дискурсивной защиты характерны не только для сетевых изданий, они применимы на любых площадках Интернета [2; 3; 4; 8]. Именно активное использование средств дискурсивной защиты делает Сеть понятной и прозрачной для пользователя, привычной и привлекательной. Интернет – это технически оформленное подобие жизни, в котором до мельчайших подробностей воспроизводится все, к чему человек привык в реальности. Это делает виртуальное пространство таким популярным и таким воздействующим по природе. Средства дискурсивной защиты направлены на защиту адресата от помех, конфликтов, неудач при работе в Сети, но

они же настроены и на то, чтобы у автора в руках оказались современные инструменты воздействия на сознание и эмоции адресата.

Литература

1. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 348 с.
2. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Определяющие внутрисистемные признаки Интернета // СМИ в условиях информационной глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25–26 апреля 2012 г.) / Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – С. 88–90.
3. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Структурная модель и свойства дискурсивной системы Интернета // Изв. Урал. федер. ун-та. – Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2 (113). – С. 41–47.
4. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Теория защит А. А. Реформатского в современных средствах массовой коммуникации // Изв. Урал. федер. ун-та. – Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 4 (81). – С. 135–143.
5. Лазарева Э. А. Интернет-текст и интернет-дискурс // Текст в коммуникативном пространстве современной России : монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 265–273.
6. Лазарева Э. А. Конституирующие особенности интернет-рекламы // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 3 (26). – С. 142–148.
7. Реформатский А. А., Коушанский М. М. Техническая редакция книги. – М., 1933.
8. Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В. Дискурс Интернета : монография. – Екатеринбург, 2009. – 177 с.

УДК 687.016

Росновская Людмила Валентиновна

канд. пед. наук, завкафедрой конструирования
и дизайна одежды Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: lvr.gu@mail.ru

Rosnovskaya Lyudmila Valentinovna

Candidate of Education, Head of Clothes Design
Chair, Fashion Design Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОГРАММ
УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН ПРИ
РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНО-
ОРИЕНТИРОВАННОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ КОНСТРУКТОРА-
ДИЗАЙНЕРА ОДЕЖДЫ**

**TRAINING PROGRAMMES PLANNING
FOR COMPETENCE-FOCUSED
EDUCATION
OF FASHION DESIGNERS**

Аннотация

Статья посвящена проблеме проектирования программ учебных дисциплин на основе компетентностного подхода: рассмотрены способы конструирования программ и условия их выбора, определены целевые ориентиры, обоснован модульный принцип структурирования учебного материала, представлена структура учебной программы, описано содержание ее основных блоков.

Ключевые слова: учебная дисциплина; программа учебной дисциплины; модульный принцип; учебный модуль; концептуально-проективный блок; процессуальный блок; диагностический блок.

Abstract:

The article deals with training programmes design problems concerning the competence approach: the ways of the programmes planning and selection procedures have been considered, their main goals and objectives have been determined, a module principle of programme structuring has been justified; a training programme structure, its basic parts and their contents are described as well.

Keywords: training course; training programme; module principle; training module, conceptual and project part; process part; diagnostic part.

Учебная дисциплина – это живой организм, который сначала создается в виде учебной программы, содержащей стандартный набор дидактических единиц, а затем осмысливается, конкретизируется, уточняется и преобразуется преподавателем. Компетентностный подход предполагает наличие особым образом сконструированных рабочих учебных программ, отвечающих следующим критериям [4]:

- смысловая глубина;
- диагностичность целей и задач;
- соответствие образовательным стандартам и нормативам;
- наличие дидактической основы;
- продуктивность и компетентностная ориентация программы;
- целостность программы;
- практическая ориентация и гибкость программы.

Как и основная профессионально-образовательная программа подготовки конструкторов-дизайнеров одежды, рабочие программы дисциплин могут конструироваться с использованием трех основных способов: линейного, концентрическо-

го и спирального. Линейный способ предполагает последовательное выстраивание отдельных модулей содержания дисциплины без дублирования изучаемых тем. Концентрический – допускает возможность возвращения к одному и тому же материалу в разные периоды обучения, усложнение и расширение его содержания. Спиральный способ компоновки учебного материала предполагает, что студенты, не теряя из поля зрения исходную проблему, расширяют и углубляют круг связанных с ней знаний и умений.

Очевидно, что в профессиональной подготовке конструкторов-дизайнеров одежды выбор способа конструирования рабочей программы будет зависеть от предметного наполнения дисциплины, степени освоения, ее значимости по отношению к другим дисциплинам профессионально-образовательной программы.

Важным элементом содержания любой дисциплины, программируемой на компетентностной основе, является выяснение и актуализация смысла изучаемого курса. Смысл курса конкретизируется в целях, которые представляют собой намечаемый результат обучения. Основой проектирования профессиональной подготовки конструктора-дизайнера одежды выступает его компетентностная модель [3], которая конкретизируется целевыми ориентирами, имеющими, с одной стороны, универсальное содержание, а с другой – отражающее специфику сферы проектирования и производства одежды. Поэтому целевые ориентиры целесообразно формулировать в виде основных групп человечески связанных ресурсов – когнитивных, мотивационно-ценностных, оргдеятельностных, коммуникативных. Такие ресурсы, соответствующие специфике изучаемой дисциплины, выражаются в виде определенных знаний, умений, навыков, ценностных установок, способов деятельности и др.

При структурировании учебного материала предпочтителен модульный принцип, обеспечивающий высокую технологичность учебного процесса [1]. В этом случае дисциплина представляется блоками разделов, которые имеют самостоятельное практическое применение. Объем каждого учебного модуля имеет количественное выражение в виде оценки (кредита). Такая организация учебного материала, с одной стороны, открывает возможность вариаций содержания образования в рамках заданного объема часов на дисциплину в целом, с другой – позволяет легко согласовывать учебные планы различных высших учебных заведений, обеспечивая условия для целевой образовательной мобильности студентов [2].

Программа должна четко фиксировать формируемые способы деятельности и развиваемые способности, приоритетные для той или иной дисциплины, которые определяют перечень компетенций, т. е. готовности и умения студентов действовать как в рамках изучаемых предметов, так и в более широком контексте. То же касается и педагогических технологий. Включение в рабочие учебные программы дисциплин примерных форм, методов и технологий обучения, а также механизмов их оптимального подбора и применения дает преподавателю возможность более глубокого осмысления содержания учебного материала, с учетом конкретных психолого-педагогических условий процесса обучения.

В общем виде структура учебной программы представлена на рисунке. Она состоит из концептуально-проективного, процессуального и диагностического блоков.

Концептуально-проективный блок ориентирован на отбор и структурирование учебного материала, который выполняется исходя из анализа видов профессиональной деятельности конструктора одежды. Совокупность теоретических знаний по дисциплине должна описывать все необходимые составляющие при выделении базовых компонентов знаний, ценностей, умений и владений, по содержанию и организации практической деятельности студентов. При этом вопросы формирования профессиональных и личностных качеств будущих конструкторов-дизайнеров должны составить аспекты воспитательного процесса в рамках учебной дисциплины.

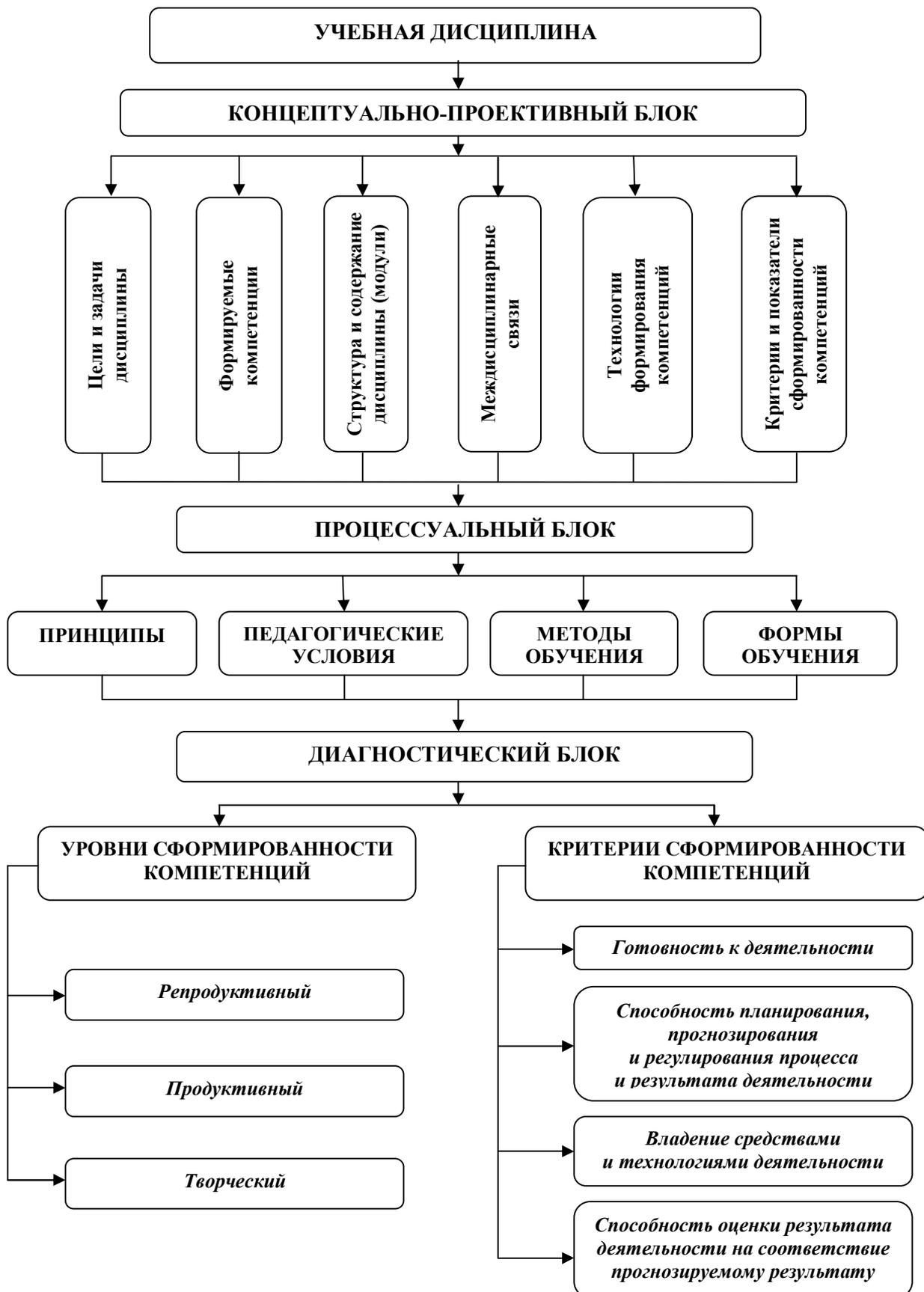

Рис. Структура учебной дисциплины

Формирование компетенций предполагает определение принципов, условий, технологий, факторов, подходов. К последним могут быть отнесены субъектно-ориентированный, деятельностный, технологический, модульный и другие подходы. Они позволяют определить, конкретизировать и соотнести требования стандартов и компонентов компетентностной модели: доминирующих видов деятельности, профессиональных и личностных качеств, интересов, склонностей, способностей будущих проектировщиков одежды. Кроме того, в концептуально-проективном блоке должны быть определены технологии контроля сформированности компетенций.

Процессуальный блок ориентирован на осуществление педагогической деятельности по формированию компетенций студентов, на реализацию принципов, педагогических условий, использование технологических подходов в обучении, внешних и внутренних факторов, которые обеспечат достижение намеченных целей.

Наиболее приоритетным способом трансформации теоретических знаний в практические умения является практика. При планировании практических занятий необходимо учитывать возможности коррекции деятельности и поведения, а именно: достроить и развить компетенции, придать смысл и реальность осуществляемым действиям, развить умение работать в группе, принимать роль исполнителя и др.

Диагностический блок включает проведение контроля динамики формирования компетенций студентов и представляет совокупность критериев и показателей для анализа, прогноза и моделирования оптимального процесса изучения дисциплины. Соответственно компетентностной модели конструктора-дизайнера одежды в качестве основных критериев сформированности компетенций могут быть приняты:

- мотивация (готовность к деятельности);
- целеполагание (способность планирования, прогнозирование и регулирования процесса и результата деятельности);
- владение средствами и технологиями деятельности;
- способность оценки соответствия реального результата деятельности запланированному.

Соответствие каждому критерию определяется на репродуктивном, продуктивном и творческом уровнях.

Репродуктивный уровень характеризуется неустойчивой готовностью (мотивацией) к проявлению компетенции. Видение перспективы – слабое. Выполняемые действия частично осознаны и имеют шаблонный характер. В новой ситуации используется довольно примитивный арсенал методов и средств. Проведение анализа и оценки результата поверхностно. На основе целеполагания может определить стороны для налаживания контактов.

Продуктивный уровень характеризуется устойчивой готовностью к проявлению компетенции. Действия осознанны, целенаправленны, рациональны и результативны. Студент может анализировать собственную деятельность, оценивать результат на соответствие прогнозируемому. Руководствуясь средствами ценностного и концептуального анализа в процессе деятельности, он может применять совокупность методов и средств в новой ситуации. Может налаживать некоторые контакты на основе целеполагания.

Творческий уровень характеризуется интенсивной мотивацией, умением осуществлять выбор самой эффективной формы комбинирования ресурсов (факторов), позволяющий организовать тот или иной процесс (проектирования и производства одежды), а также сформированным гражданско-профессиональным мировоззрением и профессиональным мышлением, развитой ответственностью,

умением определять и налаживать любые контакты на основе целеполагания и прогноза.

Данная структура учебной дисциплины, на наш взгляд, позволит успешно реализовать компетентностно-ориентированное содержание профессиональной подготовки конструктора-дизайнера одежды.

Литература

1. Батышев С. Я. Блочно-модульное обучение. – М. : Транс-сервис, 1997.
2. Макарова Л. С. Модульное структурирование образовательных программ в контексте реформирования высшего профессионального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 4.
3. Росновская Л. В. Содержательные и структурные основания компетентностной модели субъекта дизайн-деятельности (на примере конструктора-дизайнера одежды) // Перспективы науки. – 2012. – № 6 (33). – С. 36–42.
4. Хуторской А. В. Современная дидактика : учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2001.

УДК 646.057:677.017.8

Степанченко Людмила Васильевна

канд. техн. наук, доцент кафедры
конструирования и дизайна одежды
Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)
E-mail: stepanchenko-lv@yandex.ru

Stepanchenko Lyudmila Vasil'evna

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor at Clothes Design Chair,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**СТРУКТУРА МОДЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОДГОТОВКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ОБРЯДОВОЙ ОДЕЖДЫ**

**CONCEPTUAL MODEL
OF TECHNOLOGICAL
PREPARATION SYSTEM
FOR RITUAL CLOTHES
FABRICATION**

Аннотация

Технологическая подготовка производства является составляющей технической подготовки, при которой формируются условия, обеспечивающие выполнение процессов проектирования и производства высококачественных изделий. Установлено, что производство богослужебных облачений осуществляется в мастерских при храмах Русской православной церкви. С целью создания промышленного производства обрядовой одежды необходима систематизация технологической подготовки. Для решения поставленной задачи в работе предложена концептуальная модель, которая отражает структуру формирования методики процесса проектирования технологической подготовки изготовления обрядовой одежды.

Ключевые слова: концептуальная модель; техническая подготовка; проектирование технологической подготовки; обрядовая одежда; пакет материалов для изделия; формообразующие жесткие прокладочные материалы.

Abstract

Process design is a component of technical training, which is necessary for the design and production of high-quality products. It is known that the production of prayer robes is carried out at temples of the Russian Orthodox Church. Systematization of technological training to create a ritual garment manufacturing is required. To solve the problem a conceptual model that reflects the structure of the process of designing a technological preparation for ritual clothing manufacturing is proposed.

Keywords: conceptual model; technical training; design; technological preparation; ritual garment; products; materials for package forming rigid joints.

Одежда для священнослужителей отличается от бытовой не только конструкцией, технологией обработки, но и условиями эксплуатации. В традиционных методах изготовления преобладает значительная доля ручного труда, что приводит к неудовлетворительному качеству изготавливаемых изделий. Постоянно возрастающий спрос на церковную одежду или облачения требует создания производства такой одежды на промышленной основе. Для создания промышленного производства обрядовой одежды необходима систематизация технологической подготовки, обеспечивающей выполнение процессов проектирования и производства высококачественных изделий.

Согласно церковным традициям многие детали облачений должны иметь устойчивую каркасную форму. Большое количество предметов в составе облачения

и их многослойность приводят к увеличению массы одежды, что снижает комфортность носки. При проектировании и изготовлении изделий необходимо обеспечивать удобство, практичность и долговечность их эксплуатации.

Каждый предмет в облачении священника характеризуется наличием сложного пакета материалов, которые обладают различными физико-механическими и технологическими свойствами. Конструктивной особенностью фелони является возвышение оплечья изделия над плечевым опорным поясом фигуры человека. Для создания жесткой объемной формы предметов комплекта священнослужителя используют разные по составу и структуре пакеты прокладочных материалов. Одной из важнейших задач при проектировании обрядовой одежды является повышение формоустойчивости и снижение массы изделий за счет подбора материалов. С этой целью необходимо провести исследования свойств материалов, составляющих пакеты изделий, их влияние на выбор конструктивно-технологических решений. Для решения этой задачи разработана концептуальная модель.

Предложенная концептуальная модель технологической подготовки изготовления обрядовой одежды состоит из блоков, отображающих последовательность решения поставленной задачи. Структура выбранной модели содержит следующие компоненты: базу знаний, базу данных, объекты исследования и их взаимосвязь (см. рис.).

База знаний, необходимая для постановки вопроса и непосредственного решения проблемы, включает в себя информацию об объектах исследования. В концептуальной модели в базе данных выделены два блока базы знаний. В первый блок включены требования к материалам, предметам и изделиям облачений, традиции изготовления предметов облачений, основы символики, анализ условий эксплуатации богослужебных облачений с учетом требований и канонов Русской православной церкви.

Во второй блок базы знаний включены объекты исследования свойств материалов и пакетов материалов для обрядовой одежды, а также дальнейшее изучение, разработка и классификация конструктивно-технологических решений предметов облачений из материалов различного волокнистого состава. На этой стадии предполагается исследование формоустойчивости и жесткости пакетов прокладочных материалов для обрядовой одежды с целью оптимизации состава и структуры пакетов изделия. Формоустойчивость пакета изделия рассматривается как функция, зависящая от параметров поверхностной плотности, толщины и жесткости прокладочного материала. Итогом выполнения данного этапа является выбор пакета прокладочного материала для изделия богослужебного облачения по показателю формоустойчивости выбранного пакета изделия.

Все блоки информации в базе знаний взаимосвязаны и на выходе позволяют получить материал для разработки базы данных.

База данных состоит из ряда массивов, включающих объекты исследования, связанные с материаловедением, конструированием и технологией.

Массив данных конструирования содержит информацию о соответствии моделей и предметов облачений канонам и требованиям Русской православной церкви. В этот блок включены каталог моделей и технических эскизов, каталог основных, производных и вспомогательных лекал, спецификаций деталей кроя, табелей мер на предметы и изделия облачений.

Блок конструкторской подготовки производства в данном случае не рассматривается. Предполагается, что указанный блок предварительно сформирован и для разработки нормативно-технической документации используются готовые данные.

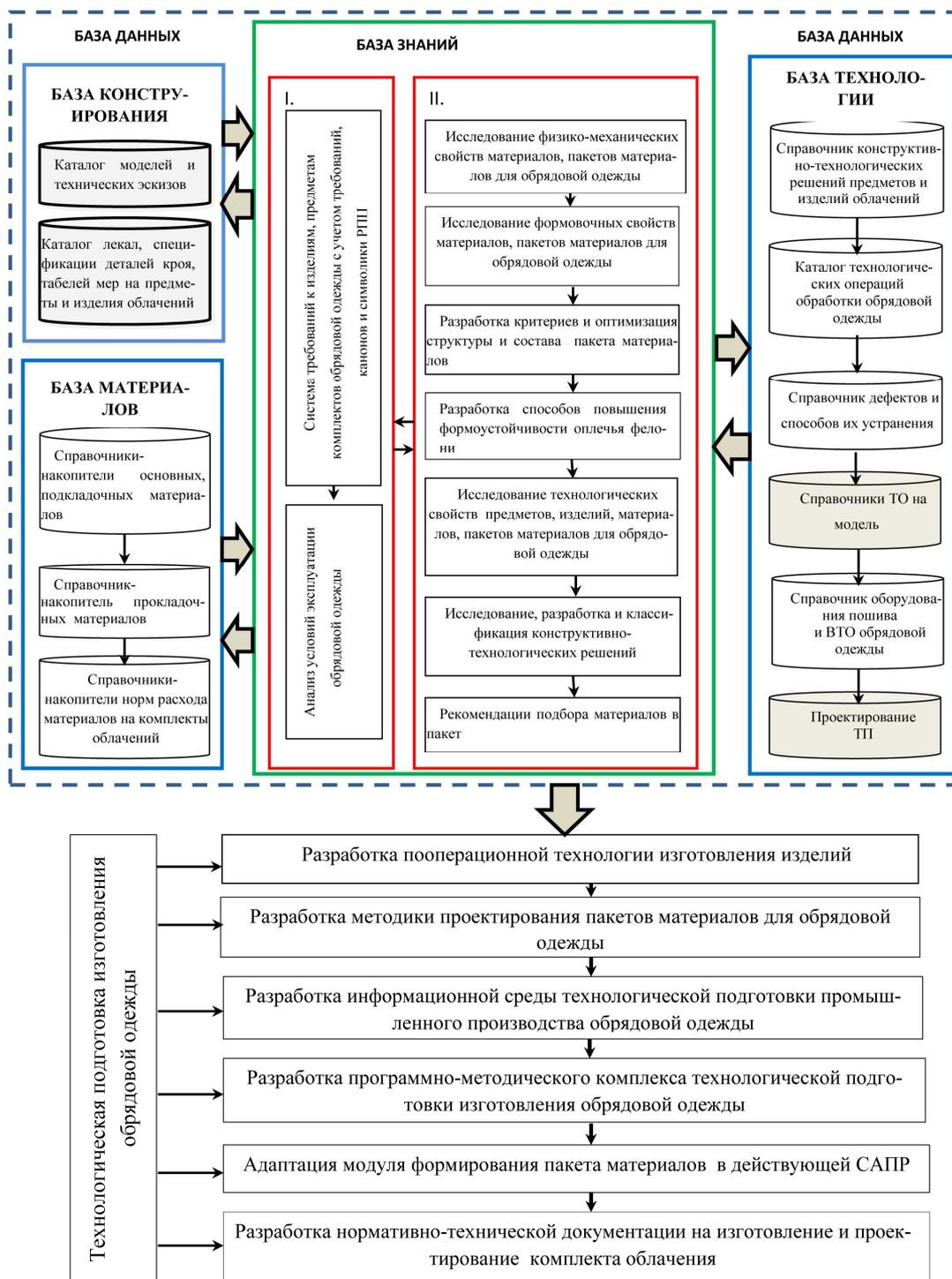

Рис. Концептуальная модель технологической подготовки изготовления обрядовой одежды

Массив данных материаловедения содержит формализованную информацию, содержащуюся во втором блоке БЗ. На этом этапе должна быть создана электронная библиотека материалов, основными элементами которых являются характеристики материалов, свойства основных, подкладочных, прокладочных, вспомогательных и отделочных материалов. Свойства материалов влияют на выбор конструктивных, технологических параметров изготовления обрядовой одежды. Кроме того, с учетом свойств материалов должны быть разработаны критерии подбора материалов, составляющих пакеты изделия. На основе данных блока материаловедения разрабатывается нормативно-техническая документация на материалы для комплектов облачения.

Данные массивов конструирования и материаловедения являются исходной информацией для разработки базы данных технологии. Блок технологии включает базу данных конструктивно-технологических решений, каталог справочников технологических операций, справочники технических описаний, технологического оборудования, возможных дефектов, способы их предупреждения и устранения. На основе информации о материалах и конструкции обрядовой одежды разрабатывается база данных методов обработки, справочников технологических операций и используемого оборудования, электронная библиотека технологической документации.

Проведенные исследования позволяют разработать методику проектирования пакета материалов для богослужбных облачений.

Заключительным этапом исследований, согласно концептуальной модели, является разработка программно-методического комплекса технологической подготовки изготовления обрядовой одежды. В разработке комплекса применим алгоритм решения задачи выбора пакета прокладочных материалов в автоматизированном режиме. Программно-методический комплекс способствует интенсификации процесса проектирования пакета материалов для изготовления оплечья фелони, позволяет эффективно организовать технологическую подготовку производства обрядовой одежды.

Таким образом, концептуальная модель определяет круг системно-информационных задач проектирования технологической подготовки изготовления обрядовой одежды, пути разработки критериев и оптимизации выбора пакетов материала. Реализация концептуальной модели позволит усовершенствовать процесс проектирования технологической подготовки и организовать высококачественное производство обрядовой одежды в современных условиях промышленного предприятия.

УДК 796.011

Белых Сергей Иванович

канд. педагог. наук, канд. наук по физическому воспитанию и спорту, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Донецкого национального университета, заслуженный тренер Украины, заслуженный работник физической культуры и спорта Украины, судья международной категории, мастер спорта по боксу и кикбоксингу (Украина, г. Донецк)
E-mail: sportkafedra.donnu@gmail.com

Byelykh Sergey Ivanovich

Ph.D. in Pedagogies, Ph.D. in Physical education and sports, Professor, Donetsk National University, Head of Physical Education and Sports Chair, Honored Coach of Ukraine, Honored Worker of Physical Culture and Sport of Ukraine, Internationally Certified Referee, Master of Sport of Boxing And Kickboxing (Ukraine, Donetsk)

Олейник Ольга Сергеевна

тренер-преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Донецкого национального университета, мастер спорта, судья национальной категории по кикбоксингу (Украина, г. Донецк)
E-mail: sportkafedra.donnu@gmail.com

Oliinyk Ol'ga Serveevna

Couch-teacher at Physical Education and Sports Chair, Donetsk National University, Master of Sports, Internationally Certified Referee (Ukraine, Donetsk)

**МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ЮНЫХ КИКБОКСЕРОК**

**YOUNG KICKBOXERS'
EMOTIONAL STATES:
METHODS OF FORMATION
AND REGULATION**

Аннотация

В статье описаны методики формирования эмоциональной стойкости спортсменок, воспитание самообладания, обучение аутогенной тренировке. Рассмотрены различные методы, основанные на психологическом принципе переключения внимания эмоционально возбужденной спортсменки с сильного раздражителя на более слабый. Установлена разная степень возбуждения центральной нервной системы детей различного возраста. Проверены результаты эффективности разработанной методики психо-мышечного расслабления.

Ключевые слова: методики; приемы; тренировка; эмоциональная стойкость; исследования; спортсменки.

Abstract

Sportswomen's emotional stability maintaining techniques are described, as well as their self-education, training, autogenic training. The article considers various methods based on psychological principle of switching emotionally excited athletes' attention from a strong stimulus to the weaker one. A different degree of central nervous system excitation for children of different ages has been set. The efficiency of developed psycho-muscle relaxation technique has been tested.

Keywords: methods; techniques; exercise; emotional stability; research; sportswomen.

Введение

Постановка проблемы. Произвольно регулировать эмоциональное состояние могут в основном спортсменки высокой квалификации. Сложность организации процесса обучения приема аутогенной тренировки, которые рекомендуют авторы, ограничивает ее использование юными спортсменками.

Юные спортсменки не имеют знаний по воспитанию самообладания в связи с отсутствием каких-либо научно обоснованных приемов и методов по воспитанию эмоциональной стойкости детей. Разработка таких приемов и обучение им юных спортсменок будут оказывать содействие улучшению их здоровья, повышению интереса к регулярным спортивным тренировкам и повышению спортивных результатов.

Анализ современных исследований и публикаций показал, что в специальной литературе и программах по кикбоксингу не разработаны и научно не обоснованы приемы и методы по воспитанию эмоциональной стойкости кикбоксерок.

Формулирование целей работы: разработать научно обоснованные приемы и методы воспитания эмоциональной стойкости юных кикбоксерок и провести исследование влияния на спортсменок данной методики.

Методы и организация исследований. К формированию эмоциональной стойкости у кикбоксерок мы привлекли тренерский состав своего спортивного клуба, начав лекционную работу с изложением приемов саморегулирования эмоционального состояния и сна спортсменки. В дальнейшем тренеры самостоятельно осуществляли психологическую подготовку своих учениц для участия в соревнованиях.

Методы, предлагаемые нами, основаны на психологическом принципе переключения внимания эмоционально возбужденной спортсменки с сильного раздражителя на более слабый. При этом используются приемы, которые влияют на те или другие анализаторы слабыми монотонными раздражителями, которые вызывают сначала незначительное нарушение и утомление, которые изменяются торможением нервных клеток коры головного мозга. Это создавало условия для наступления дремотного состояния и сна у спортсменки, а также снижало степень нарушения.

Методы простые, легко запоминающиеся, удобные в применении и не требующие больших затрат времени на изучение.

Рекомендуем методы влияния на спортсменок при использовании их в разных ситуациях. Спортсменка самостоятельно подбирала себе один или несколько нижеперечисленных методов в зависимости от субъективных ощущений.

1. Упражнения для лиц, которые привыкли засыпать лежа на боку:

поднять прямую руку на 5–10 см и держать ее вдоль тела приблизительно 2 мин., затем опустить. Потом поднять одну ногу или стопу и держать ее до утомления мышц, расслабиться на несколько секунд. Потом снова выполнить вышеуказанные упражнения в любой последовательности 1–2 раза в зависимости от состояния спортсменки, которая засыпает.

2. Упражнения для лиц, которые привыкли засыпать лежа на спине:

- поднять и удерживать руку вдоль тела – 2 мин.;

- поднять так же другую руку – 2 мин.;

- лежа ноги врозь, сомкнуть носки ступней (пятки остаются разомкнутыми).

Удерживать приблизительно 2 мин.;

- расслабить ноги и руки на несколько секунд. При необходимости повторить комплекс.

В дневное время для успокоения мы рекомендовали на 1–2 мин крепко сжать руки в кулаки или, сидя на полу, сильно согнуть ногу в голеностопном суставе (взять стопу на себя).

3. Кроме того, в своих исследованиях мы применяли метод прерывистого дыхания. Обычно на дыхание не обращают особого внимания. Если же спортсменка сосредоточится на регуляции своего дыхания, она может отвлечься от тревожных мыслей.

4. Внимание спортсменок мы сосредоточивали на размещении паузы в дыхательном цикле по следующей схеме:

- а) вдох – задержать дыхание (пауза) – выдох (повторять 4–5 раз);
- б) вдох – выдох – пауза;
- в) вдох – пауза – выдох – пауза.

Мы дифференцированно применяли один из этих вариантов, чаще всего первый. Глубина вдоха немного больше обычного. Дальше мы усложняли схему изменением продолжительности паузы от 1 до 5 с. Успевать за 1–10 мин.

Кроме того, мы видоизменяли схему саморегуляции дыхания с помощью выполнения прерывистого вдоха или выдоха. Например, сделать вдох прерывисто, втягивая в себя воздух двумя небольшими порциями. То же самое мы предлагали проделывать и на выдохе. С помощью кратковременной задержки дыхания мы достигали ускорения засыпания, а также успокоения, заметно замедляли дыхание и пульс. Задержка дыхания безвредна.

При формировании эмоциональной стойкости для юных спортсменок важным считали не только ощутить изменения своего эмоционального состояния, но и проследить за количественной стороной этого явления.

Во время учебно-тренировочных занятий, на соревнованиях, в естественном эксперименте, а также в лабораторных условиях спортсменки убеждались в том, что с помощью приемов саморегуляции они самостоятельно могли руководить своим эмоциональным состоянием.

Результаты исследований и их обсуждение. Исследования показали, что нервное напряжение кикбоксерки в конце предсоревновательного периода особенно возрастало к моменту жеребьевки. Это вызвано чувством неизвестности, разными предположениями о возможных соперницах в первом бою, опасениями, что результаты жеребьевки будут неблагоприятными.

При любых вариантах жеребьевки после ее окончания происходила разрядка, которая сопровождалась разными переживаниями в зависимости от результата жребия.

Во всех случаях мы давали возможность кикбоксерке немного успокоиться, утолить голод и жажду, а потом не спеша, подробно говорили с ней о перспективах первого боя, разрабатывали совместно его план.

Мы аргументированно нацеливали кикбоксерку на наилучший результат боя (на победу или на достойное сопротивление, если должна быть встреча с выдающейся спортсменкой), предлагали и выясняли, как зрительно-идеомоторно вообразить во всех деталях ход боя и отдельные боевые ситуации.

Когда спортсменка ощутит весь бой, свои действия и действия соперницы и настроится соответствующим образом, ей полезно отключиться от будущей встречи к моменту начала разминки перед боем. Тогда она снова мысленным взглядом просматривает весь ход боя. Впрочем, мы применяли и другие варианты настройки на бой, например с отключением мыслей о нем.

Мы не допускали, чтобы кикбоксерка после жеребьевки и к началу боя думала о будущей встрече и действиях против соперницы: это привело бы к нервному срыву и вызвало бы состояние депрессии (когда говорят, что она «перегорела» перед боем).

Общего, универсального рецепта непосредственной подготовки кикбоксерок к бою не существует. Ведь характерные и типологические особенности выступающих, уровень их подготовленности, отношение к соревнованиям и эмоциональное состояние разные. Так же должны быть разными и способы влияния на их психику.

Наши исследования показали, что нецелесообразно задолго перед выступлением «накачивать», взбудораживать кикбоксерку перед будущим боем, так как чрез-

мерное возбуждение чаще всего во время встречи меняется торможением, которое снижает «боевой тонус».

Чрезмерная стимуляция победы перед боем тренером также приводит чаще всего к скованности кикбоксерки на ринге, к одностороннему восприятию боевой обстановки.

В результате исследований мы пришли к заключению, что задача тренера заключается в том, чтобы снять лишнее нервное напряжение, которое появляется перед выходом на ринг, выработать уверенность в своих силах и боевой готовности.

Эту задачу мы решали по-разному для каждой кикбоксерки. Например, одну надо успокоить, убедив в том, что она намного сильнее и лучше подготовлена, чем соперница; другую – отчитать за мнительность и неуверенность в собственных силах; третью – возбудить непосредственно перед боем, поднять ее «боевой дух», и т. д.

Мы добивались того, чтобы кикбоксерка была оптимистически настроена и уверена в себе. Однако нельзя допускать чтобы уверенность подменивалась самоуверенностью, которая приводит к самоуспокоению, потере внимательности и ослаблению внимания.

Важно добиться того, чтобы кикбоксерке всегда была приятна перспектива будущей встречи с любой соперницей.

В своих исследованиях мы всегда учитывали, что в практике психологической подготовки кикбоксерок к бою существует ряд приемов, которые могут быть выборочно использованы тренером.

Прежде всего, в отношении ряда спортсменок (особенно с легко возбудимой и неуравновешенной нервной системой) целесообразно использовать определенные приемы отвлечения их внимания от мыслей о будущих выступлениях.

Тренеру надо уметь отвлечь таких кикбоксерок от будущей встречи (шутя и разговаривая с ними на интересные темы, рассказывая веселые истории из жизни спортсменок, показывая интересные комические иллюстрации и рисунки и т. д.), а потом незадолго перед боем, в конце разминки (во время боя с тенью), заставить ее сосредоточиться на плане своих боевых действий и на способах его осуществления.

Исследования показали, что у кикбоксерок с неуравновешенной нервной системой непосредственно перед боем лучше вызвать представление о тактическом ходе будущих действий, об особенностях техники и тактики их соперниц и способах противодействия им, не ориентируя таких спортсменок на результат. И наоборот, флегматичных, уравновешенных спортсменок перед выходом на ринг лучше «разжечь» перспективой успешного выигрыша боя, обращая их внимание преимущественно на результативность боя.

В нашем эксперименте хорошим средством отвлечения и переключения внимания служила музыка, любимая кикбоксеркой. Мы также использовали магнитофонную запись популярных мелодий, песен и танцев незадолго до выступления (или проводя разминку под музыку).

В некоторых случаях, когда спортсменка не уверена в своих силах, мы убеждали ее в преимуществе над соперницей (указав, например, на преимущество в силе удара, подвижности, «техничности», скорости реакции и т. д.).

Мы всегда убеждали кикбоксерку в том, что каждая соперница, какой бы сильной она ни считалась, всегда имеет слабые стороны.

Как показали исследования, очень успешно проходит психическая настройка, когда тренер (особенно если соревнования проводятся не в своем городе) неожиданно для кикбоксерки дает ей прослушать перед выходом на ринг записанные на магнитофонной ленте пожелания победы, приветы от друзей. Обычно это вызывает большой подъем и желание оправдать доверие близких.

Мы также считали важным, чтобы спортсменка сама научилась применять перед боем приемы самовнушения: самоподбадривание, самоубеждение, самоприказы и т. п. Перед каждым выступлением применяли приемы аутогенной тренировки – особенно для чрезмерно возбудимых и неуравновешенных спортсменок.

Известно, что расположение духа человека в той или иной степени связано с его позой, характером движений, жестами. Быстрые, «живые», энергичные движения, ненапряженные, уверенные позы выражают бодрость, хорошее расположение духа и целеустремленность, в определенной мере способствуют поддержанию нервного тонуса, равно как скованные, вялые движения, расслабленные позы свидетельствуют о внутренней несобранности, подавленном состоянии и т. д. и способствуют их углублению.

Поэтому тренеры следили за тем, чтобы кикбоксерка, которая готовится к бою, не только старалась оптимистически и уверенно отнестись к выступлению, но всем своим видом, движениями и жестами выражала это стремление.

Мы также заметили, что чрезмерная искусственная веселость некоторых кикбоксерок не отвечает их внутреннему состоянию, что иногда приводит к отрицательным результатам. Кикбоксерки настолько растрачивают свою нервную энергию на «шутки» или настраиваются настолько благодушно, что у них перед боем пропадает спортивная злость, необходимая для победы.

Кроме того, мы убедились, что появление и поддержка спортивной злости, которая выражается в непоколебимой целеустремленности, сдержанности и настойчивости в боевых действиях, ни в коей мере не должны приводить к личному озлоблению относительно соперницы, которое мешает кикбоксерке хладнокровно оценивать обстановку на ринге и разумно проводить бой.

Большое значение для психологического состояния кикбоксерки имеет содержание разминки перед боем, которая должна проводиться так, чтобы поднять расположение духа, устранить скованность, расслабить мышцы, максимально улучшить готовность к быстрым и внезапным действиям.

Однако и здесь, в зависимости от индивидуальных особенностей и привычек спортсменки, следует делать упор на любимых ею группах упражнений (например, имитационных, специально-подготовительных, общеразвивающих упражнениях при ходьбе или на месте, бое с тенью, упражнениях с соперницей в перчатках, нанесении ударов по лапам и т. д.).

Во время боя с тенью мы предлагали кикбоксерке выполнить несколько вариантов любимых атакующих, защитных и контратакующих действий.

Для регуляции эмоциональных состояний кикбоксерок мы использовали специальную дыхательную гимнастику и легкий возбуждающий или успокоительный массаж.

В нашем арсенале есть несколько систем дыхательных упражнений, которые оказывают положительное влияние на нервную систему спортсменок. Эти упражнения проводили сидя или лежа. Они предусматривают глубокие вдохи и выдохи, произвольные задержки фаз дыхания, полное расслабление мышц и отвлечение от мыслей о будущем выступлении.

В зависимости от способа, места применения и интенсивности массажа он успокаивает или возбуждает нервную систему. Для успокоения мы применяли легкое поглаживание в области спины, затылка, шеи; для возбуждения – энергичное растирание мышц, тела, потряхивание руками и ногами.

По нашим наблюдениям, кикбоксерка быстрее придет в боевую готовность и примет намеченную линию боя в том случае, если она будет с полным доверием и уважением относиться к своему наставнику.

Иногда тренеру полезно (без ошибочного самолюбия) обратиться к кому-нибудь из товарищей или спортивных знакомых спортсменки, которые пользуются у

нее большим авторитетом, с просьбой помочь настроить выступающую в необходимом направлении перед боем: уговорить, успокоить, воодушевить и т. д.

Исследования показали, что в группе юных спортсменок в возрасте 13–15 лет имелся большой (75) процент лиц, у которых изменялось психическое состояние в связи с участием в соревнованиях.

Наиболее характерными симптомами эмоционального нарушения были: тремор (22 %), частое сердцебиение перед стартом (20 %), нарушение сна накануне соревнования.

Во время соревнований у подростков в большей степени, чем у взрослых, повышалась координация движений. У девушек наблюдалась более высокая возбудимость дыхательного центра.

Особое внимание мы уделяли формированию эмоциональной стойкости юных спортсменок в период полового созревания (13–14 лет), когда гормональная перестройка оказывает большое влияние на функции коры мозга. Кроме того, нами отмечено, что у 11–12-летних спортсменок эмоциональные сдвиги в предстартовом состоянии незначительны, а у 15–18-летних спортсменок они выражены очень сильно.

В наших исследованиях также установлена разная степень возбуждения центральной нервной системы детей разного возраста. В результате образного представления конфликтных ситуаций, связанных с участием в соревнованиях, пульсовая реакция детей 11–12-летнего возраста оказалась в 3,6 раза меньше, чем у юных спортсменок 17–18 лет: прирост пульса составлял соответственно 5 и 18 ударов в минуту.

В группе среднего возраста (14–15 лет) прирост пульса при образном представлении конфликтных ситуаций составлял в среднем 16 уд/мин. Примечательно, что в эту группу входили члены ДЮСШ, которые еще не принимали участие в соревнованиях. При этом у трех испытуемых зарегистрирован значительный прирост пульса – 22–24 уд/мин.

Результаты эффективности разработанной методики психо-мышечного расслабления были подвергнуты математической обработке с помощью методов и средств анализа данных в пакете Stadia 6.1. Для статистической обработки использовались базовые разделы математической статистики: описательная статистика, критерии парных отличий, анализ факторных эффектов. Оценка характера распределения проводилась по критериям Колмогорова, Омега-квадрат и Хи-квадрат.

Проведенный сравнительный дисперсный анализ тех же показателей по истечении шести месяцев тренировочного цикла выявил важное улучшение надежности деятельности группы испытуемых в сравнении с контрольной группой ($p \pm 0,05$). Такой же результат был получен и по данным парных сравнений Шеффе. В связи с чем, как дополнительный критерий, по которому была проведена оценка эффективности разработанных методов подготовки кикбоксерок, были проведены спарринги между спортсменками обеих групп. При этом пары формировались случайным образом. На основании полученных результатов было выявлено, что вероятность победы группы испытуемых составила ($0,85 \pm 0,17$), что свидетельствует об их важном преимуществе над контрольной группой.

Выводы. Исследования показали, что, научив регулировать свое состояние в процессе предыдущих тренировок, спортсменка перед боем может отвлечься от неблагоприятных мыслей и переживаний, расслабиться, успокоиться и настроиться на будущий бой.

Перспективы дальнейших исследований. Исследования подтвердили целесообразность применения дальнейших разработок по совершенствованию педагогического процесса кикбоксерок, которые мы и сейчас продолжаем.

Литература

1. Белих С. И. Дівочий бокс. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – 624 с.
2. Генов Ф. Психологические особенности мобилизационной готовности спортсменов. – Г. : Физкультура и спорт, 1971. – 245 с.
3. Жданов Ю. Н. Психологическая підготовка боксера. – Донецк : АО Изд-во «Донеччина», 1997. – 340 с.
4. Клещев В. Н. Кикбоксинг. – М. : Академический проект, 2006. – 288 с.
5. Калмыков Е. В. Теория и методика бокса. – М. : Физическая культура, 2009. – 272 с.
6. Гожин В. В., Дементьев В. Л., Сизяев С. В. Формирование состояния боевой готовности спортсмена-единоборца. – М. : Физическая культура, 2009. – 240 с.
7. Загайнов Р. М. Психологическое мастерство тренера и спортсмена. – М. : Советский спорт, 2005. – 106 с.
8. Загайнов Р. М. Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления. – М. : Советский спорт, 2010. – 232 с.
9. Киселёв Ю. Я. Психологическая готовность спортсмена: пути и средства достижения. – М. : Советский спорт, 2009. – 276 с.
10. Кулаичев А. П. Методы и средства анализа данных в среде Windows. Stadia 6.1. – М. : НПО «Информатика и компьютеры», 1998. – 270 с.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Международная конференция
«ПРЕПОДАВАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ
И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЫ»
(21–22 октября 2013 года, Россия, Екатеринбург)

Юридический факультет Гуманитарного университета выступил инициатором проведения в рамках V Международного форума «Юридическая неделя на Урале» Международной конференции «Преподавание прав человека в России и других государствах Европы», которая состоялась 21–22 октября 2013 года (Россия, Екатеринбург, Законодательное Собрание Свердловской области).

В 1998 году Россия ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950), гарантировав гражданам европейский уровень защиты их прав. В течение 15 лет более чем 1600 постановлений Европейского суда по правам человека в отношении России привели ко многим реформам российской правовой системы. Адвокаты начали защищать своих клиентов, обращаясь к нормам международного права. Судьи все чаще применяют положения международных договоров и постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Многие юристы прошли обучение по Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

- Является ли достигнутый уровень удовлетворительным спустя 17 лет после вступления России в Совет Европы?

- Как выглядит сегодня юридическое образование в области преподавания международного права и прав человека в России?

- Какова ситуация в сфере преподавания и применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в других европейских государствах?

- Какой опыт Россия может перенять?

Участники конференции обсудили эти вопросы и проанализировали современную ситуацию с преподаванием прав человека и в связи с этим – опыт применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в России и других государствах Европы. Значительную часть времени участники делились опытом включения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в программу юридического образования и юридическую практику, а также опытом создания специальных курсов и магистерских программ по международной и внутринациональной защите прав человека в национальных правовых системах государств – членов Совета Европы.

Среди участников были представлены судьи, государственные служащие, адвокаты, ученые, общественные деятели Австрии, Германии, Голландии, России, США, Франции, Эстонии, руководитель отдела Генерального директората по правам человека и верховенству права Совета Европы, уполномоченные по правам человека в субъектах УрФО.

В первый день на пленарном заседании выступали в основном зарубежные гости.

Кармен Тиле (доктор права, профессор факультета права Европейского университета Виадрины (Франкфурт-на-Одере, Германия)) выступила с докладом **«Преподавание прав человека на факультете права Европейского университета Виадрины, Германия»**. *Вильям Саймонс* (приглашенный профессор права, Исследовательский центр ЕС–Россия, Институт конституционного и международного права, факультет права Университета Тарту, Эстония, профессор Восточно-Европейского права, факультет права Университета Лейдена, Нидерланды; главный редактор серии монографий «Право в Восточной Европе» и ежеквартального юридического журнала «Обзор Центрально- и Восточно-Европейского права» (публикуются издательством Brill, Лейден, с 1957 и 1973 гг. соответственно)) выступил с докладом **«Преподавание и методы проведения исследований в области прав человека на юридических факультетах Голландии и Эстонии, в консорциуме 41 вуза Европы, предлагающем магистерскую степень в области прав человека»**.

Затем слово было предоставлено участникам конференции из Франции.

Серж Слама (доцент Университета Эври Вал Эссона, член Центра исследований и изучения фундаментальных прав (CREDOF – Париж Нантер-Дефенс) и приглашенный профессор Бостонского колледжа права, один из основных авторов «Журнала прав человека», участник судебных процессов в национальных судах и в качестве *amicus curiae* в ЕСПЧ) рассказал об **опыте преподавания европейского права во французских университетах и системе американского преподавания**. *Мари-Элизабет Бодуан* (доцент публичного права Университета Оверни (Клермон I), замдекана по международным отношениям юридического факультета, со-директор магистратуры по международному праву и международным отношениям, исследователь применения Конвенции о защите прав человека в странах Восточной Европы) рассказала о том, **как право по правам человека стало «автономным» юридическим предметом во Франции**.

Вольфганг Бенедек (доктор права, профессор Института международного права и международных отношений Грацского университета, директор Европейского учебного и научно-исследовательского центра по правам человека и демократии (Австрия)) рассказал участникам конференции **об образовании по правам человека в австрийском университете и европейской магистерской программе консорциума европейских вузов – Е.МА по правам человека**.

На второй день пленарное заседание началось с выступления *Маркуса Меккеля* (депутат германского бундестага (1990–2009), бывший министр иностранных дел ГДР (1990), пастор). Тема его выступления: **«Немецкий и европейский опыт работы с Европейской конвенцией по правам человека и конвенциями ООН по правам человека. Права человека и Россия»**.

Затем *Татьяна Термачич* (руководитель Отдела содействия соблюдению прав человека на национальном уровне, Генеральный директорат по правам человека и верховенству права, Совет Европы) выступила с докладом **«Роль Совета Европы – "принести права человека домой"»**.

Судья Апелляционного административного суда Парижа, доцент Университета Paris-Est-Créteil *Тимоти Парис* рассказал о **Европейской конвенции о защите прав человека во французском административном праве**. *Юг де Суремин* (член коллегии адвокатов Парижа при Кассационном суде Франции, бывший руководитель юридического отдела Международной наблюдательной комиссии за тюрьмами (l'Observatoire international des prisons), докторант) рассмотрел вопрос о том, **как использование европейского права по правам заключенных привело к появлению тюремного права Франции**.

Далее слово взяли россияне и продолжили дискуссию по всем рассмотренным ранее вопросам. Так, *Наталья Валерьевна Сухарева* (председатель президиума коллегии адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов», член Совета адвокатской палаты Свердловской области, вице-президент Гильдии российских адвокатов, почетный адвокат России) рассказала **о применении Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на примере уголовного судопроизводства в ЯНАО.**

Затем выступали преподаватели уральских вузов С. И. Глушкова, Д. А. Ефременкова, В. Н. Ильченко, С. А. Денисов, судья Уставного суда Свердловской области А. О. Казанцев, а также теоретики и практики в сфере прав человека А. Р. Султанов, И. С. Голендухин, А. Б. Суслов, Г. С. Тумалевич и другие.

В итоге участники международной конференции «Преподавание прав человека в России и других государствах Европы» решили, руководство области поддержало, а представитель Совета Европы рекомендовал учредить УРАЛЬСКУЮ ШКОЛУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.

«Обучение правам человека – вопрос не дискуссии, это принятые государством международные обязательства», – напомнили участники конференции «Преподавание прав человека в России и других государствах Европы». Более 100 участников, в том числе представители нескольких европейских университетов, правозащитных организаций, Совета Европы, заслушали 26 докладов, обсудили и приняли резолюцию о создании Уральской школы прав человека.

Главный итог конференции – признание руководством региона преподавания прав человека важнейшим критерием для оценки деятельности высших учебных заведений и курсов послевузовского образования и повышения квалификации. С уверенностью можно сказать, что участники конференции добросовестно выполнили напутствие руководителей области, продемонстрировав не только готовность, но и значительный опыт преподавания прав человека, что приятно удивило консулов ведущих европейских государств Германии и Франции и вызвало удовлетворение у Генерального консула США.

Из выступлений каждого докладчика, на протяжении двух дней работы, напрашивался очевидный вывод: необходимо создавать Уральскую школу прав человека для проведения научных исследований, создания учебников, проведения летних школ, повышения квалификации и обучения магистров прав человека.

Д-р *И. О'Брайен* (руководитель программы преподавания прав человека, Эссексский университет) выразила готовность к работе с уральскими преподавателями по проведению летней школы по обучению методике преподавания прав человека: «Мы готовы с вами работать».

Профессор *Вольфганг Бенедек* (Институт международного права и международных отношений Грацкого Университета, Директор Европейского учебного и научно-исследовательского центра по правам человека и демократии (Австрия)) предложил совместно издать третий русскоязычный выпуск пособия по преподаванию прав человека.

Профессор *Кармен Тиле* (факультет права Европейского Университета Виадрины (Франкфурт на Одере, Германия)) предложила российским студентам подавать заявки на участие в летней школе по правам человека.

Между российскими и зарубежными участниками конференции установились и укрепились контакты: нескольким российским преподавателям поступили предложения стать приглашенными профессорами Университета Оверни (Клермон I), прочитать курс в летней школе по правам человека в Европейском университете Виадрины. С 1 ноября 2013 года один из участников конференции станет приглашенным профессором Университета Тарту, где в течение двух месяцев прочтет

курс лекций по российскому праву и правам человека в России; несколько преподавателей по рекомендации профессора Университета Лейдена (Нидерланды) Вильяма Саймонса готовят заявки по аналогичной программе на следующий год.

После конференции правозащитники и члены Общественной наблюдательной комиссии Свердловской области пригласили французского правозащитника *Юга де Суремина* (члена коллегии Адвокатов Парижа при Кассационном суде Франции, бывшего руководителя юридического отдела Международной наблюдательной комиссии за тюрьмами) посетить одно из мест заключения Екатеринбурга и судебный процесс по оспариванию действий администрации места заключения. В СИЗО его не пропустили, но участие в судебном процессе он принял.

Сложившаяся атмосфера доверия и сотрудничества вселяет уверенность в будущем. Гости из зарубежных вузов, в которых уже третье поколение профессоров преподает права человека, уверены, что уральские правозащитники и преподаватели организовали важнейшую для развития сотрудничества между ЕС и Россией конференцию и что серьезным намерениям по созданию «Уральской школы прав человека» суждено сбыться.

Выступления российских и европейских участников представляют самостоятельный научный и общественный интерес.

Все выступления доступны на страничке конференции http://www.sutyajnik.ru/cgi-bin/actions.php?action_id=10127

В одном из ближайших номеров Вестника Гуманитарного университета редколлегия планирует опубликовать наиболее интересные доклады.

В организации конференции принимали участие:

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области;
Законодательное Собрание Свердловской области;
Свердловское региональное отделение «Ассоциации юристов России»;
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург);
Уральская государственная юридическая академия;
Общественная организация «Сутяжник»;
Академия по правам человека;
при поддержке программы МАТРА посольства Голландии в России,
Генерального консульства Германии в Екатеринбурге,
Посольства Франции в России.

Конференция является официальным мероприятием 2013-го Года Российско-Голландского сотрудничества.

Медиапартнеры конференции:

информационное агентство «Сутяжник-пресс»;
журнал «Российское право: образование, практика, наука»;
Центр правовых практик;
интернет-портал «Цивилистика»;
РИА «Федерал-Пресс»;
издательская группа «Юрист»;
редколлегия правовой газеты «Статус».

А. Л. Бурков, С. И. Глушкова, А. П. Семитко

Редакционная коллегия

- Закс Лев Абрамович** – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.
- Мясникова Людмила Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.
- Агеносов Александр Васильевич** – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.
- Балмаева Светлана Дашиевна** – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.
- Борисова Ирина Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.
- Брандт Галина Андреевна** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.
- Глушкова Светлана Игоревна** – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).
- Дроздова Алла Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зборовский Гарольд Ефимович** – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.
- Зотова Ольга Юрьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зубков Константин Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.
- Крутько Инна Сергеевна** – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.
- Мицек Сергей Александрович** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Мицек Елена Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Перелыгина Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.
- Рамзина Снежана Александровна** – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.
- Росновская Людмила Валентиновна** – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.
- Семитко Алексей Павлович** – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).
- Семякин Михаил Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.

Хмелькова Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку предоставления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

Разделы журнала, включающие научные статьи, соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).

2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).

3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).

4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методики физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм).

5. Образование как социальный институт (социология).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

• **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языковедение, философские науки, искусствоведение и культурология)

• **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)

• **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)

• **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 10 марта

№ 2 (июль) – до 10 июня

№ 3 (октябрь) – до 10 сентября

№ 4 (декабрь) – до 10 ноября

Журнал рецензируемый, с регистрацией в РИНЦ.

Требования к оформлению материалов:

➤ К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

➤ Объем статьи 19 000–40 000 знаков (не считая пробелов, с учетом сносок).

➤ Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см, поля сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.

➤ Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

➤ Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, список литературы – в конце статьи.

➤ Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

➤ Каждой научной статье должен быть присвоен код УДК.

➤ **На русском и английском языках** приводятся:

– **название статьи;**

– **сведения об авторе** (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание, должность, место работы – полное название организации; контактная информация: адрес электронной почты для каждого автора, телефон);

– **краткая аннотация** (5–10 строк);

– **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Необходима латинская транслитерация списка литературы.

➤ **Обязательна рецензия на статью** специалиста по данной отрасли знания, для аспирантов – также рецензия научного руководителя. Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

➤ Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

➤ **Публикации бесплатные.** Авторский гонорар не выплачивается.

➤ Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

➤ Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207, тел. (343)365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Зборовский Г. Е.

Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 484 с.

ISBN 978-5-7741-0191-7

Автор рассматривает проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи; дает характеристику основным вехам изучения знания и образования в рамках классического и современного этапов развития зарубежной и отечественной социологии и ее мета-парадигм; показывает становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре внимания автора находятся наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности, большое внимание уделено образовательному знанию как особому виду знания, в том числе и образовательному знанию социологии. Исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

Книга рекомендуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям социологических дисциплин, специалистам в области социологии, педагогики, управления образованием, всем тем, кто стремится к осмыслению проблем современного знания и образования.

Хмелькова Н.В.

Теоретико-методологические
основы ко-брендинга

Хмелькова Н. В.

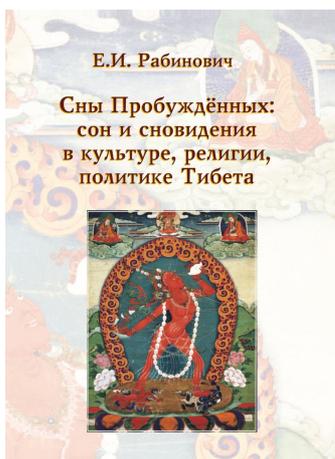
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Рабинович Е. И.

Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, имен-ные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

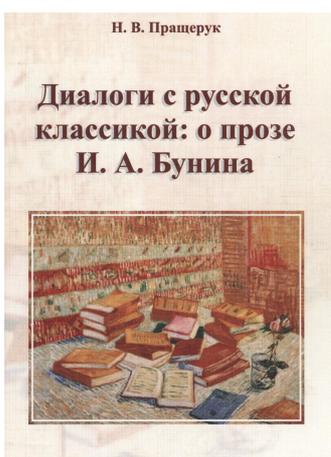
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, имен-ные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

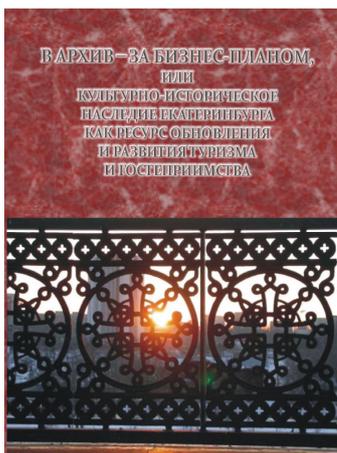
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философов-коммуни-каторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литератур-ной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшествен-никами. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя опре-деленность авторского видения и желание услышать голос собе-седника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эсте-тику, культурологию, теорию и историю литературы, а также ми-ровозренческие и методологические основы гуманитарных наук.

Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

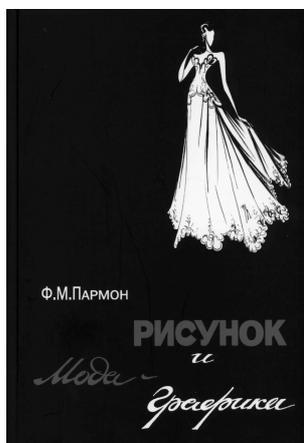
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медiateкст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медiateкста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

АСПИРАНТУРА

**Аспирантура Гуманитарного университета
дает возможность получить качественное послевузовское образование
по следующим научным специальностям:**

- Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (08.00.05)
- Финансы, денежное обращение и кредит (08.00.10)
- Философская антропология, философия культуры (09.00.13)
- Теория языка (10.02.19)
- Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (12.00.01)
- Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (12.00.03)
- Социальная психология (19.00.05)
- Социология культуры (22.00.06)
- Теория и философия политики, история и методология политической науки (23.00.01)
- Теория и история культуры (24.00.01)

Аспирантам предоставляется уникальная возможность проведения диссертационного исследования под руководством высококвалифицированных специалистов.

Срок обучения в аспирантуре на очном отделении – 3 года,
на заочном – 4 года. Обучение платное.

За время обучения аспирант проходит образовательную программу, сдает экзамены кандидатского минимума, проводит диссертационное исследование.

Аспиранты имеют возможность публиковать свои статьи в «Вестнике Гуманитарного университета».

Телефон для справок: (343) 365-05-12

Сайт Гуманитарного университета: www.gu-ural.ru

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е   и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2013. № 2 (2)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 29.10.2013.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 14,4
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3